

Борис Николаевич Громов
Насмерть

Терской фронт – 3

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10)
<http://huge-library.org/>

«Насмерть / Борис Громов»: Издательство «Яуза», Издательство «Эксмо»; Москва;
2011

ISBN 978-5-699-50169-4

Аннотация

НОВЫЙ роман от автора бестселлеров «ВЫЖИТЬ» и «ВЫСТОЯТЬ». Наш

современник в постапокалиптическом будущем. Жизнь продолжается даже на руинах сгоревшего в атомном огне мира. После ядерной войны 2012 года и наступления Большой Тьмы прошло 30 лет, вся Центральная Россия превращена в радиоактивную пустыню, на чудовищном пепелище, оставшемся от Москвы, до сих пор зашкаливают дозиметры, но на южных рубежах, не затронутых ядерными бомбардировками, держит оборону Терской фронт. Отразив очередное нашествие кавказских горцев и турок, наши войска переходят в наступление, однако сил для окончательной победы недостаточно, а главное — отчаянно не хватает современного вооружения и средств связи. Добыть все это можно лишь на севере, среди радиоактивных развалин разрушенных промышленных центров. А значит, русскому спецназу предстоит смертельно опасный рейд на зараженную территорию, в глубь запретных земель. Разведчики превосходно подготовлены и экипированы. Они готовы победить или умереть. Они еще не знают, что им выписан билет лишь в один конец.

Борис
Громов

НАСМЕРТЬ

Москва
Яуза
Эксмо
2011

Борис Громов
НАСМЕРТЬ

Мужчина, сидевший за большим, можно сказать, монументальным столом в просторном светлом кабинете, был уже далеко не молод, но выглядел вполне бодро для своих неполных семидесяти лет. Закатанные до локтя рукава белой рубашки открывали все

еще крепкие, жилистые, поросшие седым волосом предплечья, да и шея в расстегнутом вороте была далеко не стариковской. Кабинет был несколько менее примечателен, чем его хозяин: высокий потолок, несколько забитых книгами шкафов вдоль стен, огромная географическая карта. Позади удобного кожаного кресла — бело-сине-красный флаг и частично скрытый его полотнищем герб на красном геральдическом щите. Словом, обычный кабинет руководителя высокого ранга. Разве что несколько смущало отсутствие рядом с гербом и флагом портрета главы государства. С другой стороны, как сам хозяин кабинета однажды на эту тему высказался: «Свою физиономию я и в зеркале всегда поглядеть смогу. Там она, по крайней мере, не такая напыщенная». Мужчина, отложив в сторону внушительную стопку бумаг, которые только что внимательно изучал, крутил в руках сложенные очки в тонкой стальной оправе и о чем-то серьезно думал. За открытыми настежь окнами шелестели ранней, еще клейкой зеленью тополя и звонко чирикали на подоконнике нахальные воробьи. Свежий теплый ветер слегка шевелил тяжелые портьеры. На улице шумел май. Но мужчина, погруженный в свои тяжелые думы, словно не замечал всего этого. Перед его внутренним взором сейчас мелькали совсем другие картины.

Война двенадцатого года началась внезапно. Нет, нельзя сказать, что все было гладко, отношения с заокеанским «заклятым другом» и его европейскими союзниками были обостренные. Всевозможные ноты, протесты и заявления шли по дипломатическим каналам в обе стороны сплошным потоком. Но в саму вероятность глобального военного конфликта все равно никто всерьез не верил. Максимум, чего ожидали, — так это каких-нибудь экономических санкций, которые в тот момент для ослабленной мировым экономическим кризисом страны тоже не стали бы подарком. Ну, возможно, еще какой-нибудь вооруженной провокации вроде грузино-осетинского конфликта. Но вот того, что Вашингтон выберет столь радикальный вариант решения «русской проблемы», никто не ожидал. Хотя кто знает! Как ни крути, но и эвакуацию десятков тысяч детей из крупных городов в эти «летние лагеря отдыха» кто-то организовал, и вывоз золотого запаса из столицы... Правда, тогда, в июле 2012 года, он, депутат Ростовской областной думы, обо всем этом не знал и знать не мог. Кто он был тогда? Да, практически, никто! Так, еще один независимый депутат-одномандатник с военным прошлым. Отставной полковник, пошедший в политику. Слишком гордый, чтобы пытаться примазаться к «Единой России», достаточно умный, чтобы не связываться с опереточной «оппозицией», и недостаточно влиятельный, чтобы создать что-то свое. Но пришедший в политику не с целью прорваться к кормушке и урвать бабла. Несмотря на то что идеалистом он уже давно не был, Станислав Сергеевич Воронин действительно верил в то, что его задача — менять жизнь к лучшему. Как его беззлобно подкалывали друзья из числа бывших сослуживцев, не воспринимавшие порывы отставного полковника всерьез: «Лавры Лебеда тебе, Сергеич, похоже, покоя не дают. Гляди, тот хоть и был мужик-камень, а вот закончил фигово».

Все в один миг закончилось той треклятой летней ночью 2012 года, когда неизвестно чем руководствовавшийся Президент Соединенных Штатов отдал приказ о ядерном ударе по территории Российской Федерации. Неужели он и его советники на самом деле считали, что от былой несокрушимой мощи, доставшейся России в наследство от Советского Союза, ничего не осталось? Да, русские серьезно ослабли, но ведь не до такой же степени?! В любом случае, теперь уже никто не скажет, о чем именно думали эти люди в момент принятия рокового решения. Но факт остается фактом — они жестоко ошиблись. Русские не просто огрызнулись, ракеты, запущенные полностью автоматизированной системой «Периметр», нанесли Америке и ее европейским союзникам сокрушительный ответный удар. Боеголовки русских «Тополей» и «Воевод» буквально в клочья растерзали и сами Соединенные Штаты, и почти всех их «стратегических» партнеров по НАТО. Почти... На некоторых, к сожалению, сил немного не хватило. Но об этом узнали и пожалели значительно позже. Сначала у выживших были совсем другие проблемы. А потом и вовсе случилось непоправимое. Президент Югороссии Воронин помнил этот день так же хорошо, как будто это было вчера.

Несмотря на зажженное освещение и полуденное время, в большом кабинете царил полумгла из-за висевшего на улице за его окнами густого непроглядного дыма, словно кто-то из хулиганства запалил на тротуаре сразу несколько армейских дымовых шашек. Он был повсюду, и от него не было никакого спасения. Судя по докладам, севернее ситуация была еще хуже. Почти вся Центральная Россия полыхала, словно облитый бензином стог сена. Лесной пожар — очень серьезная и опасная штука, даже если пытаться его потушить. А вот если не пытаться...

А тушить там сейчас некогда, нечем, а главное — некому. Все, кто могли, — были либо мертвы, либо брели или ехали на юг нескончаемыми колоннами беженцев. А за их спинами полыхали леса, поселки, города.

Вокруг стола с расстеленной большой картой собрались семеро мужчин. Первые двое здорово выделялись на фоне остальных тем, что были в костюмах. Недешевых, но явно уже давненько не встречавшихся с утюгом. Рубашки тоже были не самой первой свежести, а распушенные узлы галстуков болтались сантиметров на пять ниже расстегнутых воротов. У одного на левом лацкане чуть криво висел депутатский значок, у второго — лацканник в виде маленького серо-стального щита и меча и золотистой аббревиатуры «ФСБ». Начальник областного УФСБ и координатор от областной думы. Еще двое были одеты в армейский камуфляж: обычную, хоть и очень хорошего пошива, «флору» и нечто очень похожее на немецкий «флектарн», носили на погонах генерал-лейтенантские звезды и различались лишь надписями на шевронах. У первого под триколором было написано «Вооруженные силы», у второго «Внутренние войска». Напротив них стояли генерал-полковник МВД в сером парадном кителе и генерал-майор МЧС в кургузой, облепленной шевронами и нашивками, словно новогодняя елка игрушками, форменной рубашке с коротким рукавом. Седьмой немного выделялся тем, что был минимум лет на десять, а то и пятнадцать моложе всех остальных и на погонах-хлястиках его черной спецназовской униформы было всего по две среднего размера звезды. Зато на рукаве подполковника пришит полевой, зелено-черный шеврон с рисунком, здорово похожим на лацканник первого из «пиджачных», вот только вместо трех букв поверх щита располагалась всего одна. Первая буква русского алфавита. Любой понимающий в вопросе человек понял бы без труда — подполковник служит в «Альфе». Знаменитой и легендарной группе «А» спецназа Федеральной службы безопасности.

Второй из «пиджаков», тот, что с депутатским флажком, потер опухшие и красные от бессонницы глаза:

— Геннадий Андреевич, что вы на данный момент можете доложить по эвакуационным пунктам?

Задавший этот вопрос Станислав Воронин был в этой комнате единственным гражданским, да и то с военным прошлым, но именно он, как представитель думы, занимался сейчас координированием совместных действий силовых структур, что, как ни странно, всех «силовики» вполне устраивало. Вот будь старшим один из них — тут могли бы возникнуть какие-то трения, как же одних вдруг выше других поставили. А Воронин — штатский, причем штатский очень толковый. Так что, статус-кво соблюден, все довольны и могут работать, не выясняя поминутно, кто же тут самый крутой.

— Сложная ситуация, Станислав Сергеевич, — встрепнулся эмчезовец. — Нехватка буквально всего: продуктов, воды, медикаментов, дезактивационных растворов, а главное — персонала. Мобилизовали всех, кого только могли, в больницах и поликлиниках на незараженной территории оставили только дежурные смены, без которых лечебные учреждения вообще функционировать не смогут. И те, по большей части, из числа врачей-пенсионеров. Уже из эвакуированных на «фильтрах» врачей ищем и мобилизуем, тех, кто нервами покрепче и по состоянию здоровья способен и готов работать. Но, кажется, потихоньку начинаем переламывать ситуацию в свою пользу. Если снова не повторится то, что было в Елани и Новониколаевском, — шансы есть.

Да, тут генерал МЧС прав, повторения подобных событий допускать нельзя ни в коем

случае. В Елани силами нескольких объединившихся преступных группировок, из числа так называемых «этнических», было совершено нападение на полевой госпиталь МЧС. Сил охранявших госпиталь десяти бойцов «Лидера»¹ на то, чтобы отбить атаку, просто не хватило. В результате погибли и охранники, и медицинский персонал, было похищено большое количество медикаментов и продовольствия. Судя по докладу командира волгоградского ОМОНа, бойцов которого послали на выручку, убивали медиков весьма жестоко, женщин, перед тем как застрелить, еще и зверски изнасиловали. В ОМОНе народ всегда служил не шибко толерантный и либеральный, да плюс последние события кротости им явно не добавили. Словом, банду нагнали и, не вступая в переговоры, погрозили в мелкий винегрет. Не разбираясь, и бандитов и членов их семей. Всех. Но и те оказались не лыком шиты и успели огрызнуться в ответ. Были и потери у ОМОНа, и жертвы среди просто оказавшихся неподалеку беженцев. Бой с применением автоматического оружия рядом с забитой машинами и пешеходами дорогой — это вам не в тире по картонным мишеням стрелять.

Пуля, она, как известно — дура. Словом — все не ладно: и врачей не вернуть, и гражданские пострадали.

В Новониколаевском получилось еще хуже. Там несколько отчаявшихся найти хоть какое-то продовольствие для своих семей мужиков-беженцев, вооруженных охотничьими ружьями, решили «потрясти» на предмет съестного хозяев стоящих неподалеку домов. Хозяевам такой подход к вопросу, естественно, по душе не пришелся. В общем, слово за слово, и образовался свежестреленный покойник из числа местных. Тут уже поднялась вся улица, и до лагеря живым добрался всего один из горе-разбойников. Зато с кличем: «Наших убивают!» Толпа — это безмозглое и агрессивное стадо по определению. Сколь бы умные и приличные люди ни были те, кто в нее сбился, по отдельности, все вместе они — тупая и нерассуждающая злая сила. А уж толпа все потерявших, напуганных и отчаявшихся, а оттого на все готовых людей — это вообще нечто невообразимое. В общем, разъяренные пришлые пошли мстить местным, не попытавшись даже разобраться в причинах происшедшего. А зачем? Ведь и так все ясно: они — не наши, у них есть — у нас нет... А дальше уже сакраментальное шариковское «все отнять и поделить», плюс жажда крови быстренько назначенных «врагов». Да вот беда, несшие службу в городе стражи порядка тоже были местными. И с оружием в руках встали на защиту своих семей и своих домов. Кончилось все грандиозной бойней. Одних убитых и затоптанных, по предварительным подсчетам, оказалось порядка трех с половиной сотен. Раненых — много больше. И ведь ни с той, ни с другой стороны не было ни одного бандита. Обычные «мирные обыватели».

— Что нам по этому поводу скажут представители правоохранительных органов?

Генерал-полковник в сером кителе и генерал-лейтенант во «флектарне» переглянулись и первый, как старший по званию, рефлекторно одернул китель и уверенно доложил:

— Повторение исключено. Уже сформированы сводные отряды из числа бойцов ОМОН Волгоградской, Краснодарской и Ростовской областей. Им в усиление приданы наиболее подготовленные мотострелковые роты внутренних войск со всей штатной техникой, в том числе и бронированной. Эти отряды возьмут под контроль все лагеря беженцев и эвакуофилтры. Кроме того выделены три вертолета Ми-8 и сформирован аэромобильный резерв из офицеров «Вектора».² Они ближе всех и, если не дай бог что, будут на месте через считанные минуты. Справимся.

— Отлично, будем надеяться, что так оно и будет. Ладно, переходим к следующему

¹ «Лидер» — центр по проведению спасательных операций особого риска МЧС России. Собственное спецподразделение МЧС, предназначенное для проведения спасательных операций в особо опасных условиях, например, в зоне военного конфликта.

² «Вектор» — отряд милиции специального назначения.

вопросу. Необходимо что-то срочно решать по эпидемиологической обстановке. Количество умерших огромно, похоронные команды просто не успевают копать братские могилы...

Толком перейти им ни к чему не дали. Едва не сорвав дверь с петель, в кабинет вломился запыхавшийся, красный и потный майор Зарубин, старый приятель Воронина, с которым они были знакомы еще со времен совместной учебы в Рязанском училище Воздушно-десантных войск. Первым на это «явление Христа народу» отреагировал армейский генерал-лейтенант. Как-никак ворвавшийся относился к его ведомству.

— Товарищ майор, это что за внешний вид?! Вы что себе позволяете?!

— Виноват, товарищ генерал-лейтенант, но там такое...

Вообще-то Роман Зарубин с курсантских времен был известен спокойным, даже флегматичным характером, и, чтобы он выглядел вот так, должно было произойти нечто совершенно из ряда вон выходящее.

— Докладывайте Роман Алексеевич, — дружба дружбой, но сейчас все они «при исполнении» и потому голос Воронина был сух и деловит.

Майор в ответ только кивнул, перевел дыхание и, сглотнув слюну, выдал такое, что все находящиеся в кабинете на какое-то мгновение превратились в библейские соляные столбы.

— Они нанесли по лагерям беженцев артиллерийский и ракетно-бомбовый удар. В экстренном порядке вывели медиков и...

По комнате будто ледяной вихрь пронесся. Все присутствовавшие были людьми военными и прекрасно понимали, каковы они, жестокие законы войны и что такое необходимые потери. Порой, действительно, нужно отправить на смерть дивизию, чтобы спасти армию, или отдать приказ умереть армии, чтобы выиграть всю войну. Но это... Это не необходимые потери, это бессмысленное убийство беззащитных, нуждающихся в помощи людей.

— Когда? — голос только что грозно отчитывавшего Зарубина генерала-армейца осип и чуть не сорвался в фальцет.

— Полчаса назад.

— Твою-то мать! — непроизвольно вырвалось у генерала-«взвэшника». Вот ведь бляди трусливые!

Да уж, чем-чем, а особой отвагой большинство депутатов Ростовской думы не отличалось. Когда стало ясно, что приказов из Москвы больше не будет, а Ростов-на-Дону остался самым крупным и наименее пострадавшим административным центром и руководить наведением порядка теперь придется именно им, «слуги народа» впали в состояние легкого замешательства на грани истерической паники. Нет, поруководить они были готовы, но не в таких же условиях?

Одно дело — раздавать друг другу привилегии, повышать самим себе зарплаты и подремывать на заседаниях. Совсем другое — размещать, кормить и лечить сотни тысяч беженцев, тушить лесные пожары, давить резко поднявший голову в условиях полнейшего бардака и растерянности правоохранительных органов криминалитет, восстанавливать рухнувшую в одночасье экономику, «социалку» и еще многое и многое другое. А главное, что теперь от ответственности за ошибки не спрятаться, теперь за свои действия придется отвечать. Причем не исключено, что по законам военного времени. Словом, максимум, на что хватило этих перепуганных болтунов, — это на то, чтобы наделить всеми необходимыми полномочиями полтора десятка наиболее решительных, вроде Воронина, и дружно с облегчением выдохнуть. Вот, мол, наши полномочные представители, они все сделают, а если что — и спрос весь с них. Собственно, и плевать бы на уродов, пусть бы сидели там, в зале заседаний, и до бесконечности мололи языками, имитируя бурную деятельность, лишь бы не мешали. Но вот то, что произошло... Видимо, случившееся в Новониколаевском и Елани их здорово напугало. Поняли «народные избранники», что еще чуть-чуть и начнут их банально на фонарях вешать...

— Стоп! — хлопнул могучей лапой по столу генерал-армеец. — А кто вообще дал им право отдавать приказы военным? Они ж, мать их, шпаки гражданские!

— Приказ отдал генерал-лейтенант ракетных войск Ходаков.

Армеец скривился, словно от зубной боли. Валерий Степанович Ходаков. Только этого не хватало! Вот уж кто совершенно непонятно что делал в армии. С таким складом характера детским садом руководить нужно, а не генеральские погоны носить. Неплохой в общем-то, мягкий человек, но как офицер — полный ноль, слишком нерешительный и поддающийся влиянию. Не будь у Ходакова столь могущественного папы, а чуть позже — не менее могущественного тестя, так и завис бы он на уровне капитана-майора и тихо спился бы в каком-нибудь медвежьем углу, куда его, как совершенно неперспективного, наверняка загнали бы. Но — судьба играет человеком...

В самом начале войны Ходаков просто струсил и, объявив, что тяжело болен, сложил с себя все полномочия и передал их своим заместителям. А тут, видишь ты, выздоровел.

— Так, а почему данный вопрос не обсудили с нами? — вкрадчивым, будто у Чеширского кота, голосом интересуется начальник контрразведки.

— А вы все временно отстранены решением думы, вам, скорее всего, вот-вот об этом сообщат, — Зарубин, наконец, отдышался и говорил почти спокойно.

В этот самый момент в углу стола затрезвонил белый телефон без кнопок и наборного диска — «вертушка».³ Стоявший ближе всех генерал МЧС поднял трубку и представился, а потом, просто некоторое время молча послушав, опустил трубку на рычаг и все так же молча кивнул. Всем все стало понятно и без слов.

— Вот оно, значит, как? — все тем же тоном что-то задумавшего Чеширского кота тянет контрразведчик. — Однако что-то увлеклись наши «сенаторы». Вадим Евгеньевич, твои как, готовы?

— Мои? — переспросил армейский генерал-лейтенант. — Давно «на казарме» в трехминутной готовности сидят, приказа ждут.

— Отлично. А у вас, Дмитрий Борисович, как? Готовы?

Стоявший до того молча подполковник «Альфы» коротко кивнул.

— Готовы.

— Значит, товарищи офицеры, поднимайте свой личный состав. Хватит, заигрались наши либералы.

— Это что же, — удивленно огляделся по сторонам Воронин, — государственный переворот?

— Нет, Станислав Сергеевич, — резко и жестко ответил фээсбэшник, — это отстранение от власти толпы баранов, которые собрались не только сдохнуть сами, но и всех остальных за собой утянуть. Или у вас есть желание отдать концы за их амбиции?

Ничего подобного Воронин, разумеется, не испытывал.

— Так, — контрразведчик снова обернулся к армейскому генерал-лейтенанту, — работаем по второму варианту. Никаких танков на улицах, никаких толп революционных матросов, лезущих на ворота Зимнего. Все сделаем тихо.

— А получится? — тот смотрит с сомнением. — Все ж таки не двоих-троих человек «из обращения изымать» придется. Скорее — полторы-две сотни, да плюс семьи. Как люди-то отреагируют?

— Да бросьте вы! — отмахивается «пиджачный» из ФСБ. — Кто вообще фамилии и лица этих балаболов помнит? Кому они интересны? Главное — сработать быстро и избежать огласки. А потом, если сможем хоть дела наладить, то никому и не интересно будет, кто именно там наверху заседает...

На столе снова затрезвонил телефон, на этот раз обычный. Теперь на звонок ответил Воронин.

— Из штаба военного округа звонили, — сообщил он, повесив трубку. — Ходаков застрелился. Отдал приказ, принял доклад об исполнении, вышел в соседнюю комнату и...

³ «Вертушка» — телефон правительственной связи.

Из табельного...

— М-да, — после небольшой паузы протянул армейский генерал. — А я уж было решил, что совсем Ходаков скурвился... Это чем же они его так прижали-то?

Контрразведчик был настроен куда циничнее:

— Что ж, ребятам моим работы меньше. И, кстати, толковая мысль! Самым дубоголовым и упертым, кто не поймет, что лучше помалкивать в тряпочку и жить, можно такие же «муки совести» устроить. Как, Дмитрий Борисович, справятся ваши парни?

Подполковник из «Альфы» снова молча кивнул. Такие, как он, вообще обычно отличаются редкостным немногословием. Им ни к чему сотрясать воздух словесами, за них все скажут дела.

— Ну, значит, вопрос решенный, — кивнул начальник ФСБ. — Действуйте, товарищи офицеры. Да, Станислав Сергеевич, у нас к вам серьезное предложение. Новому правительству нужен руководитель. Если на эту должность встанет кто-то из нас, то все станет слишком похоже на какую-нибудь чилийскую хунту. А вы — человек гражданский, политик. Мы к вам с самого начала присматриваемся, толк из вас выйдет, а уж мы все в меру сил поможем.

От воспоминаний Воронина отвлек мелодичный сигнал интеркома.

«М-да, старею, — мелькнула в голове грустная мыслишка. — Стыдоба! Замечтался, словно пенсионер на лавочке».

— Слушаю, Валентина Ивановна, — ответил он, нажав помаргивающую зеленым ободком вызова кнопку.

— Станислав Сергеевич, здесь Зарубин.

— Скажи, пусть проходит.

В открывшуюся дверь чуть ли не боком протиснулся и тяжелой походкой пожилого носорога направился к столу министр обороны Югороссийской Республики генерал армии Зарубин.

«И, похоже, не один я старею, — снова подумал Воронин, глядя на глыбоподобную фигуру старого товарища, которого помнил еще крепким, гибким и жилистым курсантом Рязанского воздушно-десантного училища. — Видно, скоро пора будет нас в утиль списывать. Хотя прямо сейчас еще рановато. Повоюем».

— Господин Президент, — начал, встав во фрунт, докладывать вошедший.

— Слушай, Исаев, ну хоть ты-то не подкальвай!!!

Этот анекдот про встретившихся в коридоре Рейхсканцелярии в самом конце войны Гитлера и Штирлица оба знали еще с курсантских времен. Зарубин, прерванный на полуслове, сначала озадаченно хрюкнул, потом широко улыбнулся и, отодвинув от стола одно из кресел, с видимым удовольствием в него плюхнулся.

— Ну, если «без чинов», так я присяду, пожалуй. А то с самого утра на ногах. Умаялся уже.

— Как там вообще обстановка, Алексеич?

— Тебе как, о самых последних событиях или в общем? — вид у только что блаженно развалившегося в кресле Зарубина враз стал собранным и деловитым.

— Давай-ка в целом, краткой выжимкой. А то в последнее время столько всего навалилось — голова кругом.

— И не говори, Сергеич, — сочувственно закивал головой генерал. — У самого — ничуть не лучше. Стареем, наверное...

Воронин коротко хохотнул и пояснил удивленно поглядевшему на него другу:

— Буквально за секунду до того, как ты вошел, о том же самом думал. Видно — не ошибся.

— Ничего, старые кони борозды пока не портят, — махнул рукой генерал. — Так, ладно, значит, по порядку: туркам удалось-таки остановить наше наступление, и бои перешли в стадию позиционных. На данный момент линия фронта проходит по рубежам

Батуми — Ахалкалаки — Гюмри — Раздан — Мартуни — Истису — Агдам — Кюрдамир — Гобустан.

Президент Югоссии влоборота развернулся к крупномасштабной карте на стене и, близоруко прищурившись, надел очки.

— Значит, в Грузии мы стоим уже почти по линии старой, довоенной еще границы?

— Так и есть, — согласно качнул бритой наголо головой Зарубин. — И в Азербайджане почти половину территории под себя подмяли. Баку и Сумгаит заняли с моря. Морпехи сработали — хоть в учебник их действия заноси! Сложнее всего в Армении: местного, коренного населения, считай, и не осталось, давно всех повырезали. Там сейчас одни турки, те, что с зараженных территорий переселенные. Уходить им некуда, дерутся, как сумасшедшие. Не то что каждый дом, каждый камень в крепость превращают. Очень серьезный противник.

— Кстати, с Тбилиси что?

— Пока в плотном кольце. Работаем артиллерией. Генштаб считает, что пока вводить в город мотопехоту еще слишком рано. Рисуем заполучить еще один Грозный. Помнишь первую кампанию?

— Такое забудешь, пожалуй! — передернул плечами Воронин. — Ну, значит, правильно. Снарядов много. Уж лучше их расходовать, чем людей. А почему только артиллерия? С авиацией что?

— Ну, во-первых, Тбилиси очень хорошо прикрыт. Тамошним батареям ПВО наши «лайбы» тихоходные — настоящий подарок. А во-вторых, что-то там напортачили наши «очкарики» и ресурс моторов оказался намного меньше проектного. Уже сейчас из семидесяти пяти наших «бомберов» и десантных транспортов полсотни в воздух поднимать просто опасно, гробануться могут в любую секунду, их сейчас со всей осторожностью перегоняют на капремонт.

— А проблема в чем?

— Слушай, вот на эту тему ты лучше самих «яйцеголовых» и пытай. Что-то там с недостаточной прочностью и тугоплавкостью... Я ведь тебе не химик и не инженер...

— Значит, от идеи наладить постоянный «воздушный мост» с сибиряками пока, похоже, придется отказаться? — Воронин озабоченно потер переносицу и, сняв очки, принялся с задумчивым видом вертеть их в руках.

— Боюсь, что да, — Министр обороны только развел руками. — Туда и назад разок, может, и долетит, но что толку? Постоянное сообщение наладить мы пока не в силах.

— Ладно... А «вертушки»?

— У-у-у-у, — Зарубин довольно зажмурился. — Это просто песня с припевом! На турок впечатление произвели серьезное. Успехи в Грузии во многом именно с применением вертолетов связаны. Слушай, Сергеич, открой тайну старому другу, что ты тверским за эти полтора десятка «стрекоз» отдал? Свою бессмертную душу?

— Да я б за них не только душу отдал, если б нужно было. Но обошлись «малой кровью»: в качестве оплаты передали им полсотни грузовиков из старых еще запасов и столько же наших вездеходов «Дон» в армейской комплектации. Плюс, договорились о поставках продовольствия. Голодно у них там, Алексеич. Это нам с географией подфартило, всего-то пятью годами без лета отделались, а вот тверским повезло меньше... Представляешь, еще пяток лет назад в тех краях снег только в мае сходить начинал. Ну, что ты в таких условиях вырастишь? Рожь да картошку, и то если повезет и летом заморозков не будет. Яблоки за незнамо какой деликатес идут... Ну, а про оборонительный союз и военную взаимопомощь ты и сам не хуже меня знаешь.

— М-да, — сочувственно кивнул генерал. — Досталось ребятам, спору нет. Плохо только, что они нам вертолеты только в аренду на время дали...

— Это да, — кивнул Воронин. — Но продавать их тверские ни на каких условиях не согласились. Самим могут вскоре очень сильно понадобится. Так что, еще раз в войска передай — вертолеты беречь, насколько это вообще возможно. За каждый безвозвратно

потерянный «борт» пени будут выходить просто космические. Хорошо, вернемся к тому, с чего начали...

Зарубин продолжил:

— Закрепиться туркам на наиболее выгодных для обороны рубежах мы не дали, но и сами продолжать наступление не можем. Потери, все же, весьма серьезные. Хотя и несколько меньше, чем планировалось. За это, кстати, казакам Терского Фронта спасибо. Очень хорошо дрались ребята. Турки запаниковали, что из графика выбьются, и стратегический резерв на них бросили. Ну, а тут-то мы их и прихватили, что называется, со спущенными штанами. Такие массы войск, походными колоннами да на узких горных дорогах и, считай, без противовоздушного прикрытия. Да наши «бомберы» их почти сутки в клочья рвали. А потом горные стрелки по земле и десантники сверху — на добивание. По докладам, у тех же Непримиримых сопротивления почти никто не оказывал. Те, что под Червленной, Гудермесом и Ханкалой уцелели, — рванули по домам, а навстречу — турки. Не разехаться. А тут — бомбы сверху. Словом — некому сопротивление оказывать было. Из боеспособных мужиков до дома считанные единицы добрались. Так что за успешное начало операции терцам в ноги поклониться нужно.

— Я уже отдал распоряжение, — кивнул Воронин, — все необходимое для восстановления Терского Фронта будет выделено, несмотря на то что сейчас в первую очередь снабжаем войска. Там, насколько я в курсе, очень многие из тех, у кого дома разрушены, до сих пор в армейских палатках живут?

— Есть такое дело, — подтвердил Зарубин. — Хорошо еще, зима на удивление теплая выдалась.

— Понятно. Так значит, говоришь, продолжить наступление сейчас мы не можем?

— Можем, — пожал плечами генерал. — Только нужно ли? Турки уперлись рогом, позади передовых позиций, по данным разведки, возводятся эшелонированные укрепрайоны. А что еще дальше в глубине их территорий творится — сам черт не разберет! Потери зашкалят... Эх, как хорошо было до Тьмы, а! Дождался, пока спутник в нужной точке окажется, и «Мне сверху видно все, ты так и знай!».

Последние слова Зарубин пропел.

— Фальшивишь, господин министр, — покачал головой Воронин.

— Виноват, господин Президент! — Зарубин сделал придурковатое лицо перепуганного служаки и изобразил попытку вскочить и встать по стойке «смирно».

— Значит, считаешь, что проведение операции «Бурый лед» необходимо? Кстати, когда ж у вас этот чертов агрегат, что кодовые слова и названия выдумывает, сломается уже, задолбала меня его абракадабра.⁴

Пожилой генерал в ответ с глубокомысленным видом цыкнул зубом, мол, не дождетесь, а потом вновь посерьезнел.

— Считаю, что да! Никаких гарантий нет, о территориях тамошних мы почти ничего не знаем, но, если все выйдет, — это будет для турок не просто оплеухой, это настоящий пинок подкованным сапогом по яйцам получится.

— Значит, Самара... — задумчиво протянул президент. — Но учти, Роман Алексеич, никаких крупномасштабных операций, вроде планируемого глубинного рейда бригады генерала Белоусова,⁵ мы себе позволить сейчас не можем. Нет у нас сейчас «лишних»

⁴ Да, дорогой читатель, только в плохих шпионских романах различным секретным операциям дают красивые и таинственные названия. На самом деле в Российской Федерации, а до этого — в Советском Союзе, уже несколько десятилетий существует специальный аппарат, своего рода «генератор случайных чисел», который совершенно спонтанным образом выбирает названия. Именно поэтому они всегда выглядят бессмысленными. Армейская легенда гласит, что однажды этот агрегат выдал осмысленное словосочетание — переполох был просто жуткий.

⁵ Подробнее читайте в повести Алексея Махрова «Эпицентр тьмы».

бригад, больше скажу, даже батальонов нет, и ты лучше меня это знаешь. Да, вот еще что, сам рейд тоже пока...

— Отменяем, — разочарованно махнул рукой генерал.

— Не отменяем, а переносим. Сначала с турками разобраться нужно. А они — противник серьезный, для нас сейчас каждый обученный солдат — ценность. А для «Бурого льда» нам нужна небольшая группа, максимум — рота, хорошо подготовленных спецов.

— Сергеич, а может, и вместо Белоусова нам небольшой отряд послать?

— Нет, Алексеич, там совсем другие цели и задачи будут, не мне тебе это объяснять. Туда, куда Валерий Иванович пойдет, — меньше чем полком соваться даже смысла не имеет. Так что — отставить. По этому вопросу пока отмена. Ты лучше по поводу «Льда» свою мозговую мышцу напряги. Дело очень непростое. Нужны крутые, отмороженные, наглые и чертовски везучие головорезы...

— Наглые, говоришь, и везучие... — Зарубин задумчиво наморщил лоб, а потом поднял глаза на Воронина и улыбнулся. — Знаешь, Стас, кажется, я знаю, где тебе таких отмороженных головорезов взять!

Володя, отчаянно пыля стоптанными «кирзачками» и сбивая и без того уже стертые в кровь локти, сквозь узкий пролом по-пластунски вполз по груде кирпичного крошева в темный, воняющий затхлостью и болотом подвал почти до основания разрушенного двухэтажного жилого дома. Все, похоже, плащу совсем хана пришла: мало того, что все полы изодрал, пока по развалинам козлом скакал, так теперь еще и половину пуговиц стесал и оба рукава прорвал. Такое уже не заштопать. Кубарем скатился вниз, вляпавшись ладонью в какую-то воняющую тухлятиной жижу на полу. А, и черт с ним, не до того сейчас! Главное — старенький радиометр на поясе молчит, остальное — неважно. Грязь отмоем, а вот в какую-нибудь «горячую» дрянь вляпаться не хотелось бы. Хотя и много лет прошло после Тьмы, а все еще нет-нет да и попадаются «фонящие» участки. Дальше на север — еще хуже. Это Володя точно знал, доводилось бывать, когда еще был жив Рыжий.

Так, заметили эти уроды, куда он спрятался, или нет?! Заметили!!! Сразу несколько пуль ударили снаружи в стену, а одна, влетев внутрь подвала, с мерзким визгом ушла в рикошет. Твою ж мать!!! Володя поглядел на свой верный, с обшарпанным прикладом и цевьем и до белизны вытертый АК-74. Так, сколько в магазине осталось? Патронов десять-двенадцать, не больше. И один запасной — еще три десятка. И все. Этих там человек двадцать. Да уж, вот теперь, похоже — точно звездец...

А ведь все так неплохо начиналось. Забрался, конечно, далековато, аж в Котово. Но зато очень удачно прибрахлился: на задворках старой автобазы нашел наполовину вросший в землю облупившийся кунг. А в нем — настоящая пещера Али-Бабы из детской книжки: набор отверток с кучей насадок в пластиковом чемоданчике, отвертка-пробник в прозрачном пластиковом корпусе и с зеленым светодиодом в навершии, болгарка, электродрель и два автомобильных генератора. И все, судя по виду, вполне исправное. А к болгарке еще и пять дисков. Два по кирпичу, три по металлу, новеньких, в целлофане... И это не считая всякой мелочи, вроде нескольких ящичков с всякими болтами-гайками-шайбами, проволоки и разного инструмента, вроде молотков и пассатижей. Повезло, чего уж там! Странно, как на него раньше никто внимания не обратил? Хотя, возможно, в этот глухой тупичок с самой Тьмы никто не заглядывал. Вес у добычи выходил немалый, особенно если учитывать, что до самой Иловли ему это все на собственной хребтине волочь придется. Поборовшись с собственной жадностью, брат решил только самое ценное — генераторы, электроинструмент и набор отверток, в чемоданчик к которым он аккуратно пристроил и пробник. Конечно, хорошо бы все забрать, но ведь не лошадь же он, почти сто тридцать километров на себе такую тяжесть тащить. Машины теперь нету... Сгинула машина, вместе с Рыжим... Эх, чего уж теперь вспоминать-то! Топать нужно. Вот и потопал, на свою голову. Чего в том самом кунге не переночевал, идиот?! Ведь была же такая мысль. Нет, хотел побыстрее до дома добраться. Добрался... Аккурат до какого-то сходняка бредунов в

развалинах Гусевки. Одному богу известно, чего такого секретного они там обсуждали или делали, но появлению постороннего свидетеля в Володином лице почему-то не обрадовались. Гнали его, словно зайца по степи, километров пять-шесть аж до самой Ольховки. Главное, ведь мог бы оторваться, если бы сразу рюкзак с хабаром скинул. Так нет, до последнего его волок, все на что-то надеясь. Ну, и фигли толку?! Один черт этот рюкзак, в конце концов, бредунам и достанется. Пришлось его на улице скинуть, а то бы в эту дыру ему ни в жизнь не влезть, и так еле втиснулся. Теперь, здесь, похоже, и придется одному дурному и шибко самонадеянному ходоку свой последний бой принимать. Ой, как же помирать-то неохота!!! Да и нельзя ему помирать, кто ж о Маринке-то тогда позаботится?

— Суки-и-и! — Володя в отчаянье зажмурил глаза и ткнулся лбом в холодный бетон стены. — Да откуда ж вы повыползали-то на мою голову?!

Да уж, еще полгода назад скажи ему кто, что видел бредуна южнее Камышина, Володя сам бы такому фантазеру в лицо рассмеялся. Действительно, бредуны, конечно, больные на всю голову, если по зараженным пустошам даже без дозиметров шарятся, но не настолько у них радиация еще мозги разъела, чтобы с пограничниками бодаться. Нет, набег бредунов и «уродов» периодически случались, ну так они в набег меньше чем парой-тройкой сотен и не ходили никогда... Но чтобы вот так внаглую, ватага в два десятка этих мразей радиоактивных в сотне километров от Волгограда за ходоком охоту устраивала... Такого на памяти Володи еще не бывало. Из-за войны всё. На юге снова турки голову подняли. Вот и сняли с границы почти всех. Только Бригада в Иловле и осталась, да только Бригада — это не пограничники. Они облав на бредунов в степи устраивать не будут, у них задачи всю жизнь другие были. Вот и распоясались бандиты.

В стену снова ударили пули. Володя тряхнул головой и поудобнее перехватил автомат. Нужно хоть пугануть напоследок гадов. Отойдя в глубь подвала (Рыжий всегда учил его, тогда еще малька совсем, что высовываться в таких случаях — та еще дурость, из глубины помещения стрелять нужно), ходок внимательно оглядел улицу сквозь пролом. Есть! Вдоль стены дома напротив метнулось перебежкой тело, завернутое в длинную, напоминающую плащ обтрепанную хламиду с глубоким капюшоном. На тебе, сволочь! Короткая очередь, толчок приклада в плечо. Бредуна впечатало в стену, и он медленно сполз по ней вниз, оставляя на бурых растрескавшихся кирпичах темно-красную отметину. Ну, вот, уже у вас всухую выиграть не получилось, твари. Как минимум один — один. «Боевая ничья», как любил говаривать Рыжий.

Бредуны ответили. Пролом затянуло тонкой кисеей красноватой кирпичной пыли, а прямо над ухом прожужжали злыми майскими жуками еще две влетевшие в пролом пули. Володя плашмя рухнул на пол и, подняв автомат над головой, не глядя несколько раз выпалил в дыру. Один черт — конец, сейчас подберутся вдоль стены сбоку и закатят гранату. А так — хоть попугать их, гадов, перед смертью.

На улице вдруг дурными голосами взвыли сразу несколько глоток, а потом басовито и солидно залязгал пулемет. Вот это ничего себе! Неужели помощь? Кто же это может быть? Патруль Бригады? Нет, маловероятно, они так далеко от Иловли не забираются. Может, эти, с юга? Месяца полтора назад приехали тут какие-то, народ говорил, чуть ли не с Терского Фронта. Наемники. Мол, в помощь, вместо «погранцов». Сам Володя их и в глаза не видел, они в Большой Ивановке встали, там, где раньше у пограничников передовой форпост был, а туда ему забредать последнее время не доводилось. Но те, кто видел, рассказывали, что мужики явно серьезные: на хороших машинах, при двух бэтэрах, оружия у них — что у дурака фантиков. Тут по зиме кино новое на кинопередвижке привозили, как раз про них, про терцев. Говорят — прямо вылитые, только еще круче, потому как настоящие. И, похоже, не ввали. Воевали снаружи явно богато: гавкал короткими очередями пулемет, разноголосицей лязгали короткими очередями несколько автоматов, звонко, словно пастуший хлыст, хлопали винтовки. Потом грохнул взрыв, и все стихло.

— Эй, партизан аджимушкайский, алле, ты там живой? — донесся снаружи насмешливый голос.

— Живой, — отозвался ходок.

— Ну, так вылезай, хоть поглядим, стоило ли ради тебя патроны тратить.

Делать нечего, кое-как отряхнув с превратившегося в лохмотья кожаного плаща вонючую грязь, Володя поправил на шее старенький шемах⁶ и снова полез в пролом, теперь уже в обратном направлении. Выбравшись, он стал подниматься с четверенек, шурясь от слишком яркого, после подвального полумрака, солнца, да так и замер с открытым ртом. Да уж, только ради картины, открывшейся его глазам, стоило в этот переплет с бредунами попасть.

Прямо посреди засыпанной пылью и разным сором улицы, метрах в тридцати друг от друга стояли две... Два... Назвать это «машиной» как-то не получалось. Нечто, явно имевшее в далеких предках армейский УАЗ, вот только задранное чуть не на полметра выше, чем обычно, попирающее давно растрескавшийся асфальт рубчатыми протекторами колес, украшенное дополнительными дугами безопасности, да еще и с пулеметом на турели, смотрелось откровенно угрожающе. Стоявший прямо перед Володией бугай очень органично вписывался в «пейзаж с машинками»: высоченный, не ниже двух метров, широкий, словно шифоньер, одетый в слегка вытертую и выгоревшую на солнце «горку» и «подвесную»,⁷ плотно набитую магазинами и гранатами. В кобуре на бедре — «стечкин», на ремне поперек груди — вообще непонятно что. Вроде как «калаш», если по ствольной коробке, мушке и дульному тормозу судить, но при этом с каким-то чудным прикладом, похожим на приклады турецких винтовок с агитплакатов, странным, покрытым какими-то рубчатыми «рельсами» и прикрепленной снизу дополнительной рукоятью цевьем, и с явно дорогой, навороченной оптикой. А вместо магазина — «бубен» от РПК на семьдесят пять патронов. Полный звездец!!!

— Эй, малец, ты, часом, помереть со страху не собираешься? — громила поправил лихо сидевшую на голове черную косынку и задорно подмигнул.

Володя молча отрицательно замотал головой.

— Ну, и правильно, — широко улыбнулся амбал. — Раз помирать не будешь, давай тогда знакомиться.

— Владимир Стельмашок, ходок, — представился Володя.

Громила обернулся к машине и крикнул кому-то, сидящему на переднем пассажирском сиденье:

— Курсант, свяжись с местными, пусть подтвердят личность!

— Лады! — донеслось оттуда.

Пока таинственный Курсант что-то бормотал в рацию, Володя смирно стоял, закинув на плечо автомат, а бугай разглядывал его, весело щуря свои карие, чуть раскосые глаза.

— Прозвище у тебя какое, ходок? — снова донеслось из УАЗа.

— Малек.

— Все нормально, командир, и прозвище совпало, и по описанию — похож.

— Ну, что ж, Вова, будем знакомы, — великан в черной косынке снова подмигнул и протянул устрашающих размеров ладонь. — Михаил Тюкалов, позывной — Чужой. Значит, говоришь, ходок?

— Угу, — мотнул головой Володя и снова поймал на себе веселый и немного скептический взгляд.

— А не слишком ты, друг, молод... — начал было представившийся Михаилом амбал, но вдруг резко осекся и, несколько секунд помолчав, вдруг выдал:

⁶ Шемах — (он же шемаг, куфия или арафатка) традиционный головной убор, пришедший с Востока (произошел от арабского тюрбана), изготовленный, как правило, из хлопковой ткани. В знойных уголках земного шара арафатка обеспечивает защиту от солнца, а также защищает лицо от пыли и песка. Уже давно завоевал любовь всех военнослужащих, несущих службу в местах с жарким и пыльным климатом.

⁷ «Подвесная» — подвесная система, еще одно название РПС (ременно-плечевой системы).

— Понял тебя, Коваль, тогда возвращайся, собираем трофеи и — на базу.

«Он что, контуженный что ли?» — мелькнула в Володиной голове испуганная мысль. А что, если на голову ушибленный и заговариваться начал, так сейчас пальнет из своего понтового автомата, и все, поминай как звали... И лишь через секунду ходок сообразил, что сказано это все было вовсе не ему. Он разглядел торчащий в ухе Михаила маленький наушник с уходящим от него куда-то за плечо витым проводочком. Вот это да! Точно, крутые до безобразия, какое уж там кино. Про такие вот примочки к радиостанциям он только от Рыжего да его друзей слышал, когда они, немного выпив, начинали прошлые, еще довоенные времена вспоминать. Правда, живую увидал впервые, ни у «погранцов», ни в Бригаде таких игрушек ни у кого не было.

— Так о чем это я? — снова обратился к ходоку Тюкалов. — А, ну да, не слишком ли ты, парень, молод для такой работенки? Тебе лет-то сколько вообще?

— Восемнадцать, — выпалил Володя и тут же стушевался под будто насквозь просвечивающим его взглядом наемника. — Ну, будет... Скоро...

— Скоро — это когда?

— Весной следующей, — обреченно махнул рукой ходок.

— Значит, только-только семнадцать стукнуло? Ну, и кой черт тебя, стручок ты зеленый, гороховый, в такую даль одного понес, да еще в такое время?

— А чего делать-то! — с вызовом поднял на Михаила глаза Стельмашок. — Жрать хочется. И не только мне одному.

— Семья? — понимающе поинтересовался Тюкалов.

— Сестренка младшая, десять лет.

— Тогда ясно... Не зря хоть сходил?

— Не-е-е, — кивнул в сторону по-прежнему лежащего возле пролома рюкзака Володя. — Нормально прибарахлился, если сдам все по нормальной цене — месяца на полтора хватит, ну, экономно если.

— Ничего, не переживай, за тобою еще шмотки вон того гаврика, — Тюкалов махнул рукой в сторону распластавшегося под стеной грудой вонючего тряпья бредуна. — Не ахти что, но все же.

Сзади вдруг громко рыкнул мощный дизель, Володя чуть не подпрыгнул от неожиданности. С севера, со стороны окраины к месту боя неспешно и с достоинством пылил БТР-80, на броне которого сидели еще двое в черных косынках. Один с пулеметом, у второго — низенького, похожего то ли на киргиза, то ли на калмыка, в руках была очень необычная и красивая снайперская винтовка. Ну да, теперь понятно, чего бредуны так вопили. Какой бы ты больной на всю башню ни был — подышать никому не хочется. Когда тебе пути к отступлению такая дурында отрезает, сразу ясно становится — дрянь дело.

— Ну, чего, Рус? — поинтересовался в висящий на тонком проводочке миниатюрный микрофон Тюкалов.

Азиат со «снайперкой» не стал отвечать по станции, а просто сделал красноречивый жест, чиркнув себе ладонью на уровне кадыка. Ну, да, куда уж понятнее. Михаил только кивнул в ответ и снова повернулся в сторону страхолудных УАЗов.

— Шуруп, как вы там?

С противоположной стороны улицы к Тюкалову тут же подскочил невысокий крепкий парень, у которого из-под сдвинутой со лба вверх черной косынки выбивался наружу рыжий вихор.

— Все, командир, шмон закончили: пятнадцать тушек, с них — четыре автомата, не поверишь — два ППС и два «калаша», да не абы каких, а раритетных, которые «образца сорок седьмого года». Где только выкопали такие? Один «ручник», три карабина СКС, «мосинских» винтовок семь штук. Пистолетов всего три, два ТТ и один ПММ. Боеприпасов немного. Гранат пяток. Сейчас Рус с Ковалем подъедут, глянем, что у тех, которые в бега подались, было.

— Счетчиком трофеи проверили? — спросил Михаил. — Еще не хватало

радиоактивное «железо» в своих машинах возить. На дозиметрическом посту Бригады такой хай подымут — век не расплывемся.

— Обижаешь, командир. Нам позориться перед местными ни к чему, да и так... Вредно оно, — ответил рыжий Шуруп.

— Ну, и ладненько, — кивнул Тюкалов, а потом ткнул пальцем в сторону убитого Володей бредуна. — Так, Саня, все, что вон с того орла комнатного сняли, — парнишке отдайте. Его трофеей, законный.

— Да мы и не претендуем, — хитро подмигнул Стельмашку Саня Шуруп. — Что с бою взято — то свято! Пошли, гроза пустошей, трофеи тебе твои выдам.

Володя, уже поняв, что Тюкалов тут самый старший и на любое действие не мешало бы спросить его разрешения, вопросительно взглянул на Михаила. Тот только коротко кивнул и пошел в сторону остановившегося неподалеку бэтэра, с которого ему навстречу уже соскочили азиат-снайпер и средних лет крепкий мужик с «Печенегом». Подобрал с земли свой мешок, ходок направился вслед за Сашей Шурупом к сложенным кучей оружию и снаряжению убитых бредунов.

Отправив под присмотром Шурупа мальчишку-ходока, совершенно ошалевшего от внезапного спасения и свалившихся на него «золотых гор» в виде старенького ТТ, вполне еще приличного СКС и полусотни патронов в обоймах к нему, в БТР, я уселся за руль своего УАЗа и, поставив автомат в специально для него сделанное крепление справа от водительского сиденья, дал команду на выдвижение. Бдевший у турельного ПКМС Курсант к своим обязанностям наблюдателя относился очень серьезно, да и сидевший на переднем пассажирском сиденье Руслан, аккуратно пристроивший свою винтовку между колен, осматривал окрестности внимательным и цепким взглядом снайпера. Кроме того, уж во что я точно не поверю, так это в наличие еще одной группы совершенно «потерявших берега» от собственной наглости налетчиков-бредунов в радиусе хотя бы сотни ближайших километров. Словом, подчиненные несут службу в полном соответствии с Уставом гарнизонной и караульной, а ведущий машину командир вполне может немного расслабиться. Машину я вел, что называется, рефлекторно: руки и ноги сами делали свою работу, а вот мысли были где-то очень далеко.

Автоматически объезжая слишком уж высокие ухабы и глубокие промоины, вспоминал, с чего именно вообще начался путь, приведший меня в конце концов в приволжскую степь, на самые окраины Северных Границ. Как сказал персонаж одной позабытой книжки: «Кой черт занес тебя, студент, на эти галеры?»

А началось все для меня — бойца Подмосковного ОМОН, обычного милицейского прапорщика, того самого, умнее которого только старший прапорщик, 15 сентября 2010 года, с совершенно обычной, рутинной «проводки»⁸ из Моздока в маленький поселок Беной, приютившийся возле поросшего лесом невысокого горного хребта на границе Веденского и Шалинского районов Чечни. Нам очень сильно не повезло, и, едва проехав треть пути, колонна наша влетела в отлично спланированную и грамотно реализованную засаду боевиков. Водитель моего «КаМАЗа», был почти сразу убит снайпером, а сам я едва успел выпрыгнуть на ходу из кабины, в которую буквально через секунду угодил выстрел из противотанкового гранатомета. Повезло? Да кто бы спорил. Вот только дальше приключилось такое, что впору бы поверить в существование любых богов, Высшего Вселенского Разума или злобных инопланетян на их «летающей посуде». Потому как в себя пришла моя, контуженная близким взрывом, светлость только почти три десятилетия спустя, оказавшись в самом что ни на есть будущем. И оказалось это «прекрасное далеко» ни фига не светлым и уж точно не безоблачным. Ядерный конфликт 2012 года, до которого я не дожил буквально пары лет, спалил планету практически дотла, но даже это не смогло

⁸ «Проводка» (армейский слэнг) — операция по сопровождению, охране колонны.

изменить человеческую природу. И те, кто смог пережить самую страшную в истории человечества войну и последовавшую за ней Большую Тьму, продолжали убивать друг друга на равнинах и в горах Чечни, ставшей теперь Терским Фронтом. На этом несчастном клочке каменистой земли, где я, неполными тридцатью годами ранее, почти полтора десятилетия рисковал здоровьем и жизнью в жутком, кровавом и бестолковом «двухсерийном» балагане под названием «контртеррористическая операция», теперь схлестнулись интересы двух непримиримых противников: Турции, лелеющей надежды построить на освобожденных от гяуров⁹ землях Великий Туран, и созданной на руинах прежних южных районов Российской Федерации республики Югороссия. Чтобы выжить, мне пришлось вспомнить все, чему научили жизнь и, доброй памяти, армейский инструктор прапорщик Комаров. В новом для себя мире я выбрал новую профессию, опасную, но престижную и весьма неплохо оплачиваемую — стал наемником. И, как показало время, — совершенно не прогадал.

Вообще поговорка «Кому — война, кому — мать родна» имеет не только негативный смысл. Именно во время войны смелые, умные и инициативные бойцы получают шанс проявить себя. Я такой шанс смог не только разглядеть, но и успешно им воспользовался. И меньше чем за полгода из почти нищего приبلудного стрелка с непонятным, темным прошлым, у которого кроме автомата и навыков за душой ничего не было, стал командиром одного из самых подготовленных отрядов Вольных Стрелков и, параллельно, дослужился до звания лейтенанта Службы Безопасности Югороссии. А затянувшееся противостояние двух стран закончилось именно тем, чем и должно было закончиться — военным конфликтом, начавшимся с провокаций и мелких диверсионных рейдов в приграничье, а закончившимся полномасштабным вторжением. И первый удар приняли на себя казачьи станицы Терского Фронта. Только благодаря мужеству, выучке, стойкости и железной воле парней, что почти двое суток бились и умирали бок о бок со мной, турецкие войска сначала увязли, а потом и вовсе были отброшены назад пришедшей на помощь югороссийской армией. На ставшем теперь глубоким тылом Терском Фронте начала понемногу налаживаться нормальная мирная жизнь. А в середине февраля в трактир «Псарня», штаб-квартиру червленненских наемников, неспешной, осторожной и немного неуверенной походкой недавно вставшего с кровати после долгой болезни человека вошел мой старый знакомый. Причем пришел он не просто в гости, а с серьезным деловым предложением.

Червленная гремела и грохотала молотками и топорами, на улицах пахло свежей стружкой, краской и разогретым битумом. Израненная, но несдавшаяся станица затягивала раны после устроенного чурками и Непримируемыми в начале января штурма. Будто по волшебству, ожила вдруг практически не используемая уже много лет железнодорожная ветка, ведущая из Моздока через Гудермес и Червленную на Ханкалу. Несколько дизельных мотовозов круглые сутки тягали в обоих направлениях длинные грузовые составы. На Терской Фронт везли пиломатериалы, кирпич, цемент, стекло, а в обратную сторону на тех же платформах вывозили остовы подбитой бронетехники, как югороссийской, так и турецкой, трофейные, принадлежавшие раньше туркам, танки, БТР, грузовики и внедорожники. Восстановление путей, а местами и железнодорожной насыпи явно влетело Югороссии в немалую копеечку, но иначе было просто нельзя. Дороги Терского Фронта, обычно практически пустые, сейчас были забиты до отказа: на юг сплошным потоком шли военные колонны. Там, за горными перевалами, продолжались ожесточенные бои.

Обеденный зал трактира «Псарня» явно совсем недавно подвергся едва ли не капитальному ремонту. Хорошо видны были свежие, более яркого цвета, кирпичные «заплаты» на месте проломов в стенах, от стойки бара, полки за ней и перил ведущей наверх лестницы одуряющее пахло мебельной морилкой и лаком, краска на полу не только не успела вытереться, но и легонечко липла еще к подошвам сапог и ботинок. А на стене за

⁹ Гяур (араб.) — неверный, христианин.

стойкой, на том самом месте, где раньше красовались старая выцветшая черная бандана и автомат «Вал» с оптикой, теперь висела слегка обгоревшая с одного края фотография в черной траурной рамке. На ней весело глядели в объектив молодой широкоплечий коротко стриженный мужик и совсем еще молодая, ослепительно красивая девушка — хозяин «Псарни» и посредник-координатор отряда Кузьма Четверть и его жена Зина. Эту фотографию Толя Курсант совершенно случайно отыскал через несколько дней после длившегося двое суток боя, когда все наемники, способные самостоятельно передвигаться и хоть что-то делать, совместными усилиями пытались навести хоть какой-то порядок в своем разрушенном доме.

За одним из столов, тоже новых, дерево столешниц еще даже не начало темнеть, нас было четверо. Мы втроем были одеты в выгоревшие и потертые «горки», четвертый, наш гость, в новенький, с иголки, черный комбинезон югоросийской СБ с подполковничьими звездами на погонах-хлястиках.

— Значит, Олег, говоришь, есть для нас работенка по профилю? — спросил у подполковника Костя Убиец, наголо бритый крепкий мужик средних лет с ухоженной короткой бородой, сидевший между мною и Курсантом.

— Да, Костя. Хорошая и неплохо оплачиваемая работа. На длительный срок. Единственное «но» — далековато, на Северных Границах.

— Понятно! — кивнул бородач Костя. — А заказчик кто?

— Ну, скажем так — правительственный подряд.

— Вот оно как... — удивленно и задумчиво тянет наш явно озадаченный старший. — Что ж, нужно обдумать, у нас тут тоже кое-что наклеывается.

— Послушай, Убиец, хватит цену набивать. Я же тебе сказал, работа эта очень хорошо оплачивается. А баки мне забивать не нужно! Наклеывается у них! Не забывай, с кем разговариваешь, я хоть и всего неделю как из госпиталя, но все же контрразведкой в здешних краях командую. Нет у вас никаких контрактов, и даже не предвидится. По всему Терскому Фронту режим прифронтовой полосы со всеми вытекающими в виде армейских патрулей, временных КПП на дорогах и всего остального. Чуть не через каждые полсотни метров по часовому. Никому сейчас ваши услуги не требуются. А там, где работа есть, — там свои Вольные Стрелки имеются.

— Слушай, Исмагилов, ну это с твоей стороны просто невежливо, вот так вот об колено-то ломать, — явно обиделся Убиец. — Прояви уважение к ритуалу найма.

— Костя, пока ты тут со своими ритуалами резину тянешь, за Волгоградом люди погибают. Обычные, ни в чем не повинные люди.

С лица Убивца словно тряпкой стерли обиженное выражение.

— Давай подробнее.

— Ситуация следующая: на Северных Границах беспокойно, сами знаете. И если раньше все более-менее держали под контролем пограничники, то сейчас их в полном составе перебросили на фронт. Выгребли, считай, всех подчистую. Некоторые участки границы прикрыты отрядами местных, тамошних Вольных Стрелков, но их на всю протяженность границы не хватает. Вот и принято решение привлечь к этому делу крупные и наиболее подготовленные отряды наемников с юга республики. У тебя сейчас сколько бойцов?

— Сто четырнадцать, — с гордостью ответил Убиец.

Косте было чем гордиться. До вторжения турок наш отряд насчитывал всего два десятка бойцов. Правда, бойцов хорошо обученных и сработанных, что и позволило отряду избежать серьезных потерь во время боя за станицу. Нет, ранены или контужены были все поголовно, но убитыми потеряли только троих. А вот у остальных Вольных Стрелков Терского Фронта дела обстояли куда хуже. Где-то потеряли половину людей, где-то — чуть ли не две трети. Отряд из Горагорского вообще полег в полном составе. Терской Фронт никогда не был спокойным местом, и потери у наемников были и раньше. Но вот чтобы в течение пары суток, да в таких количествах... Бойцам разбитых отрядов нужна была какая-

то точка опоры, флаг, под который можно было бы встать. И сохранившая и командира, и большую часть личного состава «Псарня» стала для них своего рода «точкой кристаллизации». Местом, где можно было собраться и почувствовать себя частью сильного коллектива, а не побитым и израненным одиночкой. Отряд увеличился почти в шесть раз буквально за пару недель. И вот уже почти весь февраль я, сменив на посту командира отряда Костю Убивца, который в свою очередь стал координатором, проводил боевое слаживание, превращая сотню бойцов в единое подразделение.

— Отлично! Значит, рота, — довольно потер руки Исмагилов.

— Да нет пока еще роты, Олег, — подключился к беседе я. — Есть сотня вооруженных и кое-что умеющих мужиков. А до роты им еще — как до Пекина кверху задом. Их бы, по хорошему, еще месяц-полтора погонять нужно.

— А что тебе помешает на месте их гонять? — поинтересовался контрразведчик. — Поймите, мужики, я ведь про погибших гражданских — совершенно серьезно. Там, на зараженных территориях за Северной Границей, какого отребья только нет. «Погранцов» они побаивались и не лезли особенно. Нет, бывало что и нападали, но только когда совсем в большую толпу сбивались. А сейчас граница, можно сказать, и не прикрыта толком, вот они и распоясались.

Мы с Костей переглянулись. Похоже, дела на севере и впрямь идут далеко не лучшим образом. Да и по поводу работы для отряда Исмагилов прав. Нет сейчас для наемников работы на Терском Фронте. А в действующую армию нас в нынешнем виде и статусе никто не возьмет. Хочешь служить и воевать — милости просим: военкомат, распределительный пункт, «покупатели» и, куда попадешь, туда и попадешь. Подобный подход мало кого из наемников устраивал. Тут же — долгосрочный контракт, да еще и на правительство. Словом, есть над чем подумать.

— Кстати, — прервал вдруг уже немного затянувшееся молчание Олег, — вы б отряду своему хоть название какое-нибудь выдумали... А то не солидно как-то — такая толпа народу, и безымянная.

— Да предлагал я им уже, — ответил Исмагилову наш младшенький, Толя Курсант, молодой парень, крепкие мускулы которого ощутимо проступали даже под плотным брезентом «горки».

— И что, Толь?

— Ай, ну их, — отмахнулся тот, наморщив «распаханный» некрасивым шрамом лоб. — На смех подняли...

— А то, — согласно кивнул я. — Название им подавай... И как обзовемся? Может — «Терские волкодавы»?

На секунду над столом повисла тишина, а потом все четверо синхронно хрюкнули и разразились громким хохотом. Фильм с одноименным названием в Червленную привозили пару недель назад. Вся станица ходила посмеяться, словно на комедию.

— Ну тебя, Тюкалов, — отсмеявшись сказал контрразведчик. — Все бы тебе глумиться. Не хочешь «Волкодавов» — обзовитесь тогда... я не знаю... ОМОН что ли.

— Как? — вытаращил глаза на Исмагилова я.

Подполковник контрразведки Олег Исмагилов был одним из немногих людей не только на Терском Фронте, но и во всем мире, кто знал, кем на самом деле является отчаянный и матерый наемник с позывным Чужой.

— А что? — с невинным видом захлопал тот глазами. — Отдельный мобильный отряд наемников... И по делу, и аббревиатура красивая. С историей, опять же.

— Уж что есть, то есть, — Убивец одобрительно чмокнул губами. — Неплохая идея, мы подумаем. Ладно, теперь давай поговорим о финансовом вопросе...

Два дня спустя я сидел в кабинете Исмагилова в Ханкале.

— Запомни главное, Миша, — Олег был серьезен и деловит. — Северные Границы — это не Терской Фронт. Там, с одной стороны — легче, с другой — намного сложнее. Во-

первых — радиация. Нет, южнее границы с этим полный порядок: дезактивация была проведена еще сразу после Большой Тьмы, как только республика более-менее твердо на ноги встала. Чуть не надорвались тогда, последние резервы на это дело бросали, но сделали. На въезде во все города и поселки — пункты обязательного дозиметрического контроля, за умышленную попытку продать «фонящие» товары или продукты — вешают без долгих разговоров. Все по-взрослому. Но вот севернее... Наши пограничники по факту контролировали и патрулировали саму линию границы и тридцатикилометровую «буферную зону». Дальше — территория анархии.

— Что, неужели вообще полный «Безумный Макс»?

— Нет, разумеется. Но единой власти там нет. Вот еще севернее — дело другое. Там есть сразу несколько крупных сообществ, можно сказать, государств. На тамбовщине крупный аграрный анклав. В районе Твери — те самые ребята, что нам помогли турок тут урыть, под Псковом еще, они с тверскими в союзе, как я понимаю. На севере бывшей Московской области тоже что-то вроде военно-церковной республики с центром в Сергиевом Посаде...

Тут Олег бросил взгляд на мое окаменевшее лицо и осекся.

— Ох, блин, прости, Миша, брякнул не подумавши... Слушай, если хочешь, можем попробовать по нашим каналам по семье твоей информацию запросить. Оно понятно, что шансов немного — столько лет прошло, да и творилось там поди черт-те что... Но ведь попробовать можно.

Я только и смог, что молча кивнуть в ответ.

— Ну, так вот, — продолжил Исмаилов. — У этих и какая-никакая экономика, и производство потихоньку налаживают, и армия есть или силы самообороны. Опять же — вполне легитимное и поддерживаемое своим народом правительство, что тоже немаловажно. А вот между нами и ими — полный разброд и шатание. Понимаешь, ведь что мы, что тверские-тамбовские, когда порядок у себя наводили, со всякой мразью, что тогда расплодилось и распоясалась дальше некуда, боролись самыми простыми и действенными методами. Кто не успел сбежать — того пристрелили как пса бешеного и в яме зарыли. А где и не зарывали, а, наоборот, на всеобщее обозрение выставляли, как предупреждение. Но вот тех, кто успел, тоже хватало. И теперь вся эта бандитская шобла на пустошах между нами и северянами сидит. Называют их выроднями и бредунами. Одни — на землю сели, базы основали — но таких меньшинство. Большая часть — по пустошам кочуют, потому, собственно, и бредуны. Новые, мать их, татаро-монголы нарождаются. Сбились, словно шакалы, в стайки. В клубы, мля, по интересам. Там же у них натуральная кунсткамера: кто грабежами промышляет, кто рабами приторговывает. Под настроение и обычной торговлишкой занимаются. Между собою грызутся, на наши и северян приграничные районы в набеги ходят, словом — беспредельщики. Но самые опасные — это выродни, их еще уродами называют.

— И что за звери?

— Как тебе сказать... Бредуны — бандиты. Жестокая и беспредельная погань, но все же хоть с какими-то понятиями. Понятно, что распространяются они только на своих, но все же... Пусть и преступное, но все же сообщество. А выродни, они же «уроды», — это просто зверье. Стая хищников. Дикари, причем очень кровожадные. Имеются данные, что именно среди «уродов» процветает каннибализм. Словом, их даже сами бредуны велят, словно бешеных псов, при любой возможности.

— А почему «уроды»?

— Если б ты их на фото увидел, то не спрашивал бы. Облученные потому что все поголовно. А радиация, она красоты никому не добавляет, знаешь ли.

— Ясно, с дикими и аморальными выроднями разобрались. Вернемся к цивилизованным и культурным бредунам. Торгуют-то они с кем? Друг с другом, что ли?

— А почему нет? Одни, допустим, на оружейные склады армейские сели, другие — какую-нибудь мелкую аграрную общину... э-э-э, ну, типа охраняют... «Крышуют» короче, в

лучших бандитских традициях. Вот и меняются — еду на патроны.

— Погоди, ты же сказал, что там одни бандиты. Откуда ж тогда эти общины?

— Да там кого только нет. И чего только нет. Правда, на мой взгляд, большая часть тамошнего «мирняка» ненамного лучше бандитов, разве что на земле сидят и в набеги сами не ходят. Как думаешь, для кого и с какой целью бредуны рабов ловят? А наркоту кому втюхивают?

— Ох, е-мое, как там все запущено! — замотал головой я. — И что, порядок навести даже не пытались?

— Миша, я тебя умоляю! На карту погляди, — страдальчески поднял взгляд к потолку контрразведчик. — Эти чертовы Пустоши по площади — больше Югороссии. Да, народу там живет куда меньше, но это-то и плохо — искать замучаешься. Опять же, где столько войск взять? Ну, загоним мы туда полк... Ай, что полк, давай уж сразу — дивизию. В сладких мечтах чего мелочиться-то?! И какую территорию эта дивизия под контроль взять сможет? Бредуны просто уйдут подальше, благо места там полно, и все — ищи-свищи хоть до морковкина загovenья. Вот и остается нам только глухую оборону держать.

— И что, из наших вообще никто на этих пустошах не бывает?

— Да как тебе сказать... — Исмагилов замялся. — Несколько раз после набегов за бредунами погони устраивали, но там, сам понимаешь, не разведка была, а преследование. Догнали, всех из пулеметов покروшили, выживших на суках поразвесили, остальным в назидание, награбленное забрали — и назад. Есть еще, правда, ходоки. Вот те на пустошах бывают часто. Что называется — работа у ребят такая: всякое-разное нужное и редкое на пустошах отыскивают и продают...

— Короче — сталкеры, мать их, — хмыкнул я.

Исмагилов чуть нахмурил брови, а потом, видимо вспомнив свое прошедшее еще до Большой Тьмы детство, улыбнулся и кивнул.

— Да, пожалуй.

— Хорошо, с бредунами и ходоками все понятно. Что по взаимодействию с местными военными?

— Из местных военных в твоей зоне ответственности осталась только отдельная Бригада. ППД¹⁰ у них в Иловле. В ней, правда, не вся Бригада, а только один батальон и штаб, но тебе именно они и нужны — взаимодействие налаживать.

Судя по нажиму, с каким Олег произнес слово «Бригада», оно было чуть ли не официальным названием и явно писалось с большой буквы.

— И кто это такие?

— Это, Миша, объединенные первая и третья бригады войск РХБЗ¹¹ Московского военного округа.

— Третья, это вроде из Кинешмы? — уточняю, слегка порывшись в памяти.

— Да, а первая — из Вольска. Стоп, а про Кинешму-то ты откуда знаешь? — изумился Исмагилов.

— Отец оттуда родом, бывал там пару раз в юности, вот и запомнил. Так погоди... С Вольском ладно, он тут относительно неподалеку, но из Кинешмы их каким ветром под Волгоград занесло?

— Радиоактивным, Миша, радиоактивным. Эти парни не только из Ивановской области аж к Волгограду, считай, в полной составе вышли, они еще и всю свою материальную базу вывезли, и гражданских целую толпу вывели. Да и Вольские ничуть не хуже сработали. Можно сказать, что только благодаря им, тогда, тридцать лет назад, и смогли ситуацию удержать. Ни МЧС, ни простые армейцы сами бы не вытянули. А тут и личный состав

¹⁰ ППД — пункт постоянной дислокации.

¹¹ Войска РХБЗ — войска радиационно-химико-биологической защиты.

обученный, и техника, и приборы...

— Значит, как я понял, они до сих пор по своей основной специальности там службу и несут? — снова уточняю я.

— Именно, — согласился Олег. — Поэтому их и на фронт вместе с пограничниками не отправили, и в рейды против бредунов не гоняют. Слишком ценные кадры. Таких под пули гнать — все равно что микроскопом гвозди заколачивать. Можно, конечно, если уж совсем припрет, но лучше воздержаться. Кстати, именно в Бригаде вы все должны будете пройти курс первоначальной подготовки, прежде чем к несению службы на границе приступите.

— Оно понятно, — соглашаюсь, немного подумав. — Тут никаких проблем с радиацией не было, а там, как я понял, облучиться все еще можно запросто, если в вопросе не разбираться. А у нас в нем, как раз, никто и не разбирается.

— Вот именно, — поддакнул Исмагилов. — Ну, ладно, считай, что краткий инструктаж ты прошел, на месте тебе командир Бригады всё более предметно распишет. С приготовлениями к выезду у вас как? С трофейщиками договорились?

Да, трофейщики — это отдельная история. Вообще большая часть имущества, оружия и техники, брошенных турками и Непримируемыми вокруг станицы, — законные трофеи тех, кто Червленную оборонял. Да вот беда — что с ними делать? Нет, с рабочими грузовиками, внедорожниками и, уж тем более, исправной бронетехникой подобных вопросов не возникало. Со стрелковым оружием под боеприпас русского стандарта — тоже. Со стволами под натовский патрон ситуация была чуть сложнее, но тоже решаемая — автоматные патроны калибра 5.56 мм и девятимиллиметровые пистолетные болгары тоже выпускали. По надежности тот же карабин М-4, конечно, до АКМС сильно недотягивает, но в умелых, а главное — заботливых руках и при хорошем уходе «американец» — более чем приличное оружие: точное, с несильной отдачей и хорошим боем. Про пистолеты — и говорить нечего. При всем моем патриотизме, просто приходится признать — до «Глока», что «семнадцатого», что «восемнадцатого», что «двадцать первого», «Беретты» или «Кольта — Кимбер» ни один наш пистолет недотягивает. Но вся проблема в том, что основную массу наших трофеев составляли не оружие и не автомобили. Хотя, врать не буду, мы с Костей безо всякого зазрения совести наложили лапу не только на оставшиеся от мамелюков «Нивы», но и на пару грузовых «КаМАЗов» и один ржавый, но весьма бодрый «Хантер», брошенные то ли турками, то ли Непримируемыми возле железнодорожной станции. Причем слово «масса» в данном случае употреблено мною не просто в качестве красивого эпитета, а в самом прямом смысле. Просто весят остовы подбитых бронетранспортеров и танков очень много. И не нужно саркастически улыбаться. Боевая техника, даже в виде горелого металлолома, стоит дорого. А что вы думали? Полтора, а то и два десятка тонн броневой стали, которую легко можно пустить в переплавку. Даром что ли после обеих чеченских кампаний местные чуть ли не со стрельбой делили брошенные военными остовы бронетехники? А нам таких вот «погорельцев» перепало богато! Только мы с Курсантом да покойным Кузьмой возле «Псарни» пять турецких бронетранспортеров сожгли и один сильно повредили. Так и остальные парни в это время не в носу ковырялись. В общем, намолотили мы за те двое суток четырнадцать бронетранспортеров разных типов и один танк — американский «Абрамс», скорее всего, попавший к туркам из Ирака. Мало того, два бронетранспортера достались нам не в виде черно-бурых, выгоревших дотла каркасов, а во вполне приличном состоянии. Одному Толя возле «Псарни» разворотил метким попаданием ходовую, а второй турки сами бросили возле КПП-2 при отступлении из-за заглохшего двигателя. Ситуация получалась совершенно дурацкая — имеем на руках чуть ли не двести тонн дорогостоящего металла, но продать его тут, в Червленной просто некому, а вывезти туда, где купят, — не на чем. И в таком положении оказались не только мы. На наше счастье объявились на Терском Фронте трофейщики — офицеры службы тыла югороссийской армии. Ну, сами понимаете, брошенное турками или отбитое у них в бою имущество, оружие, боеприпасы и технику нужно собрать, описать, инвентаризировать, упаковать и отправить на склады. Вот эти бравые ребята данным процессом и рулили. Кроме того, они

уполномочены были выкупать у местных, то есть у нас, наши трофеи. Правда, жлобились при этом просто страшно. Но я, самым бесцеремонным образом используя в личных целях и свое служебное положение, и связи в контрразведке и военном руководстве Терского Фронта (в смысле, с наглой рожей прикрываясь именами Олега и Игоря Костылева, цельного капитана, Коменданта Червленной и, по совместительству, моего без пяти минут тестя), умудрился выгодно обменять весь наш металлолом, и горелый, и неисправный. Махнул на два очень даже приличных БТР-80 и армейский ЗиЛ-131. Торговался при этом, словно турист в сувенирной лавочке в Хургаде, чуть глотку себе не сорвал. Но машины того стоили — они явно долго простояли где-то на складе и были сняты с консервации совсем недавно. С чего я это взял? Так, визуально определил, путем наружного осмотра: краска на бортах была потускневшая, словно пылью припорошенная, но зато без характерных вытертостей и царапин, которые довольно быстро появляются на технике во время эксплуатации. На мой вопрос, мол, «откуда дровишки», майор-интендант лишь равнодушно пожал плечами:

— А я знаю? Вроде, где-то под Гори наша десантура склады еще грузинской армии захватила. Турки там как раз полным ходом расконсервацию вели, да только припозднились малость.

Я только понятиво кивнул, похоже, у наших военных заставить противника в окрестностях этого небольшого грузинского городка, что называется, «со спущенными штанами» становится доброй традицией.¹²

— Нормально все с ними, Олег. Я, правда, немного тобою в процессе торга прикрылся, ты уж извини.

— Да знаю, — поморщился Исмагилов. — Жаловались они уже на тебя. Мол, что там у вас за летеха такой объявился, подозрительной наружности — здоровый, как горилла, и наглый, как мартышка? Матом ругается, контрразведкой пугает и пристрелить обещает у ближайшей стенки.

— А вот это уже совсем клевета! — моему искреннему возмущению нет предела. — Ругался — да, признаю, было дело. Так и они хороши — зачем же так безбожно цены-то сбивать?! Но вот пугать никого даже не думал, и уж точно расстрелом не грозил. Я что такое субординация — хорошо знаю.

— Ну, конечно, знает он! — фыркает особист. — Ты эту сказку пойдешь тому подполковнику расскажи, которого из-за тебя Зарубин на площади лично аж в майоры произвел...

— Слушай, так он сам виноват...

— Все, Миш, я понял, — отмахивается от меня Исмагилов. — У тебя, блин, все вокруг виноваты, как смертный грех, один ты весь в белом и китель на спине бугром — крылышки выпирают. Лучше расскажи, что и как у тебя в отряде сейчас с техникой?

— С техникой у нас сейчас все в полном порядке. Во время штурма нам турки один УАЗ сожгли и «буханку» повредили, но зато потом с трофеями подфартило. Сейчас в наличии: две «Нивы» в спецкомплектации, что от мамелюков остались, три УАЗа — мой, старый отрядный и от турок доставшийся «Хантер», грузовиков три штуки, два «КаМАЗа» и ЗиЛ. «Буханку», опять же, в более-менее божеский вид привели. Ну, и два бронетранспортера-«восьмидесятки» — основная ударная сила. «Хантера» мы уже успели к Умаровым в Петропавловскую отогнать, те из него еще одного внедорожного монстра сваяли.

— Значит, к отправке готовы?

— Да, почти закончили. Парни сейчас на станции машины на платформах крепят. Завтра мотовоз придет, цепляем их, два плацкарта и — «он сказал — поехали».

¹² Во время «пятидневной войны» в августе 2008 года в районе города Гори российскими военными была без боя занята покинутая личным составом база грузинской армии. Кроме оружия, боеприпасов, снаряжения, униформы на ее территории обнаружили 15 полностью исправных танков. Отважные грузинские военные бросили все и сбежали, даже не попытавшись оказать хоть какое-то сопротивление.

— А Настя?

— Ой, не спрашивай! — моя физиономия поневоле страдальчески кривится. — Как рассказал — всю ночь плакала. Понятное дело: жених, можно сказать из-под венца на войну сбегает. Пообещал, что как на месте окончательно обустроимся, — вернусь ненадолго, свадьбу сыграем, да с собой ее увезу. А Игорь пообещал, что как только из госпиталя выйдет — дом нам построит. Не всю ведь жизнь мне с автоматом бегать, верно? Вернусь — а тут жена-красавица, дом, сад, виноградник... Красотища! Детишек только для полного счастья не хватает, но это уже дело наживное.

— Угу, а главное — не хитрое, — хмыкнул Олег. — Да ты, батенька, мечтатель!

— А почему бы и нет? — лениво и доброжелательно огрызнулся я. — Имею полное право!

Володю со всем его хабаром, как старым, так и новоприобретенным от щедрот бугая Миши, веселый и доброжелательный парень Саша Шуруп устроил в десантном отсеке «восьмидесятки». Сам уселся сверху, а вот ходоку посоветовал под броней сидеть. Вид при этом, правда, у него был слегка виноватый, мол, прости, брат, но так нужно. Ха, нашел тоже дурака — сверху сидеть. Да после сегодняшнего «маленького происшествия», когда пули бредунов вокруг, словно воробушки в теплый весенний день, «чирикали», он себя в стальном нутре бронетранспортера чувствовал более чем уютно и комфортно. Опять же — пыльно снаружи, умываться и одежду стирать потом замучаешься. Это наемникам хорошо — у них на бывшей базе пограничников в Большой Ивановке и прачечная, и баня, и прочие красоты, включая собственную дезактивационную станцию, если вдруг что. А Володе все своими руками стирать приходится, ну, или на Маринку спихивал, когда некогда было. Так что, если есть желание — сами и катайтесь «с ветерком», а ему и под броней неплохо. Ходок только и успел, что поудобнее разместить на полу в ногах хабар да кивнуть невысокому молодому, едва ли на пару-тройку лет старше самого Володи, парню, сидевшему под башней на маленьком креслице наводчика. Но, не то что поболтать, а даже и поздороваться толком не получилось. Кто-то громко постучал снаружи по башне, скорее всего прикладом, и бронетранспортер, пару раз рыкнув двигателем, плавно покатиł вперед, а наводчик прямо-таки влип в прицел, развернув КПВТ влево по ходу движения.

Ход у БТР удивительно мягкий, плавный и укачивающий. Ну, еще бы — восемь ведущих, способных переехать через полуметровую стену. Что им какие-то ухабы на разбитой грунтовке? Словом, уже минут через десять предоставленный самому себе Володя закемарил.

Приснился ему Рыжий. Живой, но совершенно сам на себя не похожий: отощавший, грязный, одетый в какое-то невыразимое тряпье. Взгляд чуть близоруких голубых глаз, обычно дружелюбный и чуть насмешливый, тоже изменился. Рыжий взирал теперь на мир настороженно и угрюмо. Одна только его знаменитая на все окрестности тонкая длинная косичка осталась прежней, разве что волосы поседели еще сильнее и рыжих прядей в них осталось совсем мало. Другу и учителю явно сильно досталось, это Володя понял сразу и собрался было уже со всех ног броситься ему на помощь, но был остановлен коротким предостерегающим жестом. Рыжий, медленно поворачивая голову, словно пытаясь не привлекать лишнего внимания, огляделся, а потом зыркнул исподлобья и несколько раз сделал отмашку ладонью, мол, давай, парень, проваливай отсюда, пока тебя не заметили.

Подскочив, будто ужаленный, ходок чуть не приложился макушкой о внутреннюю ручку расположенного прямо над ним закрытого люка. Тьфу ты, зараза! Приснится же такое. И к чему бы? Вообще бабки говорят, что если снится, что пришел к тебе уже умерший человек и с собой зовет — ходить за ним нельзя, а то и ты скоро в могилу отправишься. Но, во-первых, Рыжий никуда его не звал, скорее, наоборот, прогонял, а во-вторых — никто отчаянного и не по годам шустрого пожилого ходока мертвым так и не видел. Да — уехал, да — сгинул, и позже на его предполагаемом маршруте ни подозрительных следов, ни обломков их старенькой «Нивы» не нашли. Поэтому, несмотря на то что с момента

исчезновения напарника прошел уже почти год, Володя продолжал надеяться на его возвращение.

Поверить в то, что Рыжий — самый умный, и самый добрый человек, что встретился им с Маринкой после смерти родителей, погиб, он просто не мог. Это было бы сродни предательству.

Александра Волженкова, самого удачливого, да что уж там — самого первого ходока в Иловле, предпочитавшего отзываться не на имя или фамилию, а на прозвище Рыжий, сорванец и непоседа Вовка Стельмашок знал чуть не с самого раннего детства. Ну, как знал, скорее — очень часто видел. Несмотря на вполне миролюбивый характер, был Рыжий не слишком-то общителен. И жил один, и в рейды ходил в одиночестве, что вообще среди ходоков не шибко-то часто встречается. В большие ватаги те, конечно, не сбивались — чем больше народу, тем меньше на каждого придется доли с добычи, но и одному на Пустошах делать было нечего. Однако Волженков, похоже, имел на этот счет другое мнение. Он вообще был необычным. Володин отец как-то рассказал, что появился Александр в Иловле буквально через несколько дней после Удара. Народ тогда просто с ума сходил, не понимая, что делать и куда бежать. Гвалт, суета, паника, а посреди этого бедлама — абсолютно спокойный, какой-то даже отрешенный мужик лет тридцати, примечательный лишь ярко-рыжей неухоженной шевелюрой, заплетенной сзади в тонкую длинную косицу, неспешно бредущий по обочине в сторону Волгограда. Кроме слегка застиранных, камуфлированных армейских штанов, расцветки «дубок», используемой в ВВС, уже изрядно пропылившейся белой майки, гражданского варианта «разгрузки» из джинсовой ткани со множеством карманов и небольшого рюкзачка за спиной, никаких вещей у него при себе не было, что тоже выделяло его из нагруженной скарбом сверх всякой меры толпы беженцев, бесконечным потоком тянувшихся с попавших под ядерный удар территорий на юг. Что именно задержало Александра в Иловле — никто уже толком и не помнит. Вроде военные из 56-й камышинской десантно-штурмовой бригады, пытавшиеся навести в бушующем море беженцев хоть какое-то подобие порядка, срочно искали специалиста по электронике. Волженков, услышав это, просто вышел из толпы и молча подошел к надрывно кричащему в севший мегафон лейтенанту-десантнику. Так и остался Рыжий в поселке. Сначала помогал камышинским «десантам» налаживать какую-то шибко секретную аппаратуру, сыпля на ходу такими мудреными терминами, что даже у бывалого майора — начальника связи бригады от удивления глаза были размером с пару чайных блюдечек, а отвисшая нижняя челюсть перманентно болталась где-то в области пропыленных, давно не чищенных ботинок. Много позже, месяца через три после Бойни — той страшной ночи, когда по каким-то, весьма надуманным, по мнению многих не только военных, но и гражданских, причинам генерал Ходаков отдал приказ «санировать» фильтрационные лагеря, заполненные голодными и умирающими от лучевой болезни беженцами с помощью артиллерии, Рыжий ушел в свою первую ходку. Собрав немногочисленное снаряжение: неизвестно, какими правдами и неправдами полученный у военных старенький АК-74, брезентовый подсумок с четырьмя магазинами на дешевенькой портупее из кожзаменителя, свернутый в скатку армейский ОЗК и противогаз, — ушел на север. Уж где он бродил те пару недель и что именно принес военным в большом туристическом рюкзаке — так и осталось для гражданских обитателей Иловли большой военной тайной. Но вояки после того случая готовы были с Рыжего пылинки сдувать и натурально размозжили бы череп любому, кто косо поглядел бы на рукастого и отчаянного мужика. Правда, осуществить свой жутковатый жест признательности им так и не удалось — не было у Рыжего в Иловле недоброжелателей. Причиной тому был его на редкость спокойный и не конфликтный нрав да некоторая замкнутость. Всю личную информацию, что к тому моменту смогли из него вытянуть, можно было уместить в одно коротенькое предложение: ехал из Москвы в Ахтубинск поездом, в момент Удара состав проезжал какой-то мост, не прошедший испытания ударной волной... На попытки выспросить про семью — мгновенно замыкался в себе и уходил. После третьей неудачной попытки разговора по душам от Рыжего отстали. Ну, не хочет человек говорить, в

себе пережитое прячет. Так мало ли тогда таких было? Некоторые так от горя совсем с катушек съезжали, и хорошо, если в тихих, безобидных идиотов превращались, некоторых — наоборот, в безудержную агрессию срывало. А тут — вполне нормальный, рукодельный и неглупый мужик. А то, что молчаливый, так все разные: кто худой, кто высокий, кто молчаливый...

Та самая, первая его ходка, авантюрная, да чего уж там миндальничать — совершенно безумная, но принеся ему благодарность и нешуточное уважение суровых и матерых офицеров камышинской ДШБр,¹³ положила начало и дала название такому явлению, как ходоки. Нет, оно понятно, что не будь Рыжего, так нашелся бы какой-нибудь Вася Иванов или Петя Сидоров, которые первыми решились бы рискнуть, и отправиться в покинутые города и поселки за чем-то нужным, полезным или ценным. Да и находились они повсеместно, по линии тогда еще весьма условной границы между зараженными территориями и землями, которым еще предстояло стать Югороссийской Республикой. Но именно здесь, в приволжских степях между Волгоградом и Камышином, Волженков был первым. И очень многие помнили, как встретили вернувшегося из своего сумасшедшего рейда Рыжего военные. На северный КПП поселка, совмещающий функции блок-поста и пункта дозиметрического контроля и дезактивации, примчались на УАЗе сразу два майора — начальник связи и начальник особого отдела бригады. Выскочив из машины, они тут же взяли в оборот Александра, только что вышедшего из устроенного в большой армейской палатке душа.

— Нашел?

Волженков только молча кивнул в ответ.

— Принес?

— Нет, просто поглядел, и на место положил, блин! Шутники... Там он, — Рыжий махнул рукой себе за спину, — хабар ваш, в караулке, под охраной.

— Силен! — восхитились оба майора в один голос, а особист, быстрым взглядом окинув «прикид» Рыжего: перекинутый через руку зеленовато-серый плащ ОЗК, висящую на боку противогазную сумку, подсумок с магазинами на поясе и автомат, небрежно закинутый за спину, хлопнул Александра по плечу, и добавил: — Ну, ты, блин, прямо сталкер...

— Ага, мля, — скептически хмыкнул в ответ Александр, — краса и гордость радиоактивных пустошей, мля. И хабара целый мешок... Осталось только вокруг костерка присесть, на гитарке побренчать и пару «бородатых» анекдотов затравить... Про Черного Сталкера и про «нового русского» с артефактом «Золотая Рыбка» на «цепуре рыжавой»... Тьфу, прости господи...

— Ты чего это завелся? — брови особиста удивленно приподнялись.

— Да ну их всех, писатели-фантасты, мля! Ведь до всего этого дерьма, — Рыжий раскинул руки, будто пытаясь обхватить ими весь мир, — читал многих, да с удовольствием. А сейчас встретил бы — придушил к чертовой матери. Навыдумывали, маму их, напроорочили.... Накаркали, бляха-муха! Вот если еще их «прогнозы» на тему всяких мутантов сбудутся — тогда вообще пипец нам всем.

— Не сбудутся, — успокоил его контрразведчик. — Наука сказала — сказки это все. Не будет никаких крыс, размером с собаку и ящериц — с Годзиллу. Ладно, не хочешь быть сталкером, другое название подберем, еще лучше...

— Да как ни обзови, — улыбнулся майор-связист, — ходок ты еще тот!

В голосе офицера явно слышно было уважение.

— О, — поднял вверх указательный палец Рыжий. — Вот ходок мне нравится куда больше.

— Ну, значит, будешь ходоком, — согласился особист. — Ладненько, передохни, отоспись, а потом в штаб ко мне загляни, разговор есть.

¹³ ДШБр — десантно-штурмовая бригада.

Майоры с величайшей осторожностью, будто он был сделан из тончайшего хрусталя, перенесли принесенный Рыжим рюкзак на заднее сиденье УАЗа и упылили в сторону занятой под штаб ДШБр школы. Сам же он направился в сторону палаточного городка бригады, где ему и еще нескольким «привлеченным гражданским специалистам» выделили койко-места в отдельной палатке.

Никто в Иловле так и не узнал, что и откуда принес Волженков армейцам, но с задачей он явно справился, потому что его ходки на север продолжились. Местные мужики, особенно из числа молодых, холостых, не обладающих какой-то востребованной после ядерной войны профессией, зато имеющих авантюрную жилку, быстро смекнули, что дело это хоть и опасное, но зато весьма прибыльное. Количество желающих сходить или съездить за всяческими ништяками на зараженные территории просто зашкалило. Но после того, как несколько любителей «быстрых и легких денег» вернулись в Иловлю с сильнейшей «лучевкой»: поминутно блюющие, с темно-бордовой шелушащейся кожей и сползающими с черепов ключьями, будто пакля, остатками шевелюры, а другие притащили в поселок какими-то окольными путями целый грузовик муки, фoniaщей так, что радиометр даже не шелкал, а просто заходил в надсадном хрипе, а сам грузовик — мало что не светился в темноте, количество добровольцев резко поубавилось, да и военные, с их тягой к простым и незатейливым решениям, железной рукой навели в этом вопросе порядок. Как говорится: «Не можешь запретить — возглавь». Десантники и возглавили — организовали для желающих стать ходоками нечто вроде армейского КМБ,¹⁴ с основным уклоном в подготовку по радиационно-химико-биологической защите, а чуть позже, когда группу ходоков без каких-либо попыток поговорить, с ходу, обстреляли недалеко от Красного Яра какие-то агрессивные хлопчики весьма характерной, откровенно уголовной наружности — еще и в огневую. Выдали своим «питомцам» средства химзащиты, подбросили, предварительно согласовав этот вопрос с Ростовом, кое-какого оружия. Даже снабдили старенькими армейскими радиометрами ДП-5В, не слишком удобными в эксплуатации, да и тяжелыми, но зато чрезвычайно надежными. Хотя ими ходоки пользовались недолго — первыми приоритетными целями в их «списках посещений» значились ближайшие склады и объекты ГО и ЧС, оставшиеся на зараженных землях. Там удалось разжиться и более современными образцами, причем в немалом количестве. Тот же висящий на поясе Володи радиометр ИРД-02 был из числа еще тех, найденных в первые выходы.

Кроме «пряника» в виде пусть и несколько скудной, но зато совершенно безвозмездной помощи, не стеснялись армейцы использовать и «кнул» — единственной мерой наказания за попытку провезти или пронести на чистые территории радиоактивные предметы, продукты или технику стала смертная казнь. Объявили об этом заранее и широко, а после того, как первые четверо умников, решивших, что древнее присловье про строгость законов, компенсируемую необязательностью их выполнения, все еще в силе, были выявлены бойцами Вольской бригады войск РХБЗ — их просто и без затей вздернули. Трупы в петлях повисели на виселице перед северным КПП чуть меньше недели, потом казненных сняли и похоронили, но «тонкий намек» был понят правильно. К тому же большая часть ходоков изначально относилась к подобным выкрутасам крайне негативно. Вокруг и так хватало проблем, и желающих своими руками плодить для себя и окружающих новые было немного.

Лично Володя познакомился с Рыжим пять лет назад, когда накатил на приграничье из северных пустошей смрадной волной очередной мор. Такое в здешних краях уже бывало. Особенно страшны были эпидемии во время Большой Тьмы: когда вымирали целые города, а армейские санитарные команды, не успевавшие рыть котлованы и засыпать их хлором, просто сжигали трупы умерших, сложенные в огромные кучи, из ранцевых огнеметов. Чуть позже ситуация улучшилась: возрождавшееся из пепла государство заново выстраивало

¹⁴ КМБ — курс молодого бойца, первоначальный этап подготовки молодого пополнения в РА и ВВ МВД РФ.

систему здравоохранения, да и с лекарствами стало полегче — худо-бедно начали производить, и карантинный контроль военные из числа объединившихся Вольской и кинешемской бригад РХБЗ и 56-й десантно-штурмовой, постепенно превращающейся в пограничную, установили очень жесткий. Но, все равно, время от времени с зараженных земель приходила в приволжские города и поселки какая-нибудь очередная чума, холера или сибирская язва. Одни обвиняли в этом американцев. Мол, когда те поняли, что война ими все равно проиграна, — долбанули по противнику всем, что было, в том числе и боевой химией и бактериологией. Другие говорили — что в степях и без всяких американцев разных могильников и захоронений полно было. Просто до Большой Тьмы их охраняли, а после — некому стало, вот и лезет оттуда всякое, разносится по степи ветром и дикими животными. Третьи резонно замечали, что военная химия и бактериология была не только у американцев, но и у нас. И все научные центры, которые этими вопросами занимались, наверняка числились у противника в списке приоритетных целей. Для которых, уж наверняка, нашлась во время войны ракета-другая. Причем вовсе не обязательно с ядерной боеголовкой. Зачем? Там ведь главное — защиту разрушить, а уж когда содержимое пробирок из стерильных боксов наружу вырвется — никакая радиация не нужна будет. И, получается, что мрет теперь народ от наших же разработок, предназначавшихся для врага. Видимо, резоны были во всех трех мнениях, потому как болезни, косившие людей сотнями, были настолько разнообразными, что никто, кроме военных медиков и военных из Бригады, уже и не интересовался их точным названием. Мор, он и есть мор.

По большому счету, двенадцатилетнему Вовке Стельмашку было глубоко плевать, что именно стало причиной начавшейся пять лет назад эпидемии. Была ли это выпущенная три десятилетия назад американцами ракета с какой-нибудь особо поганой начинкой, состоящей из специально выведенных в секретной лаборатории боевых штаммов, или обычный бестолковый степной суслик, не в том месте решивший вырыть себе нору. Гораздо важнее было то, что в тот раз не убереглась его семья. Слегли в один день, температура подпрыгнула аж до сорока градусов, голова постоянно кружилась, а сил не хватало даже на то, чтобы повернуть голову или поднять руку. Отец, пока еще мог сам ходить, вывел на куске картона крупными буквами: «Не входить — мор!» и повесил это предостережение на входной двери снаружи. Что было потом, Володя помнит плохо: его бросало то в жар, то в холод, невыносимо хотелось пить, горячечные бредовые видения в воспаленном мозгу сменялись одно другим, а потом, словно их продолжение, прямо над ним появилась затянута в серебристый комбинезон биологической защиты фигура, у которой вместо лица было жутковатое «хрюсло» изолирующего противогАЗа.

— Лейтенант, мальчишка-то, похоже, живой, — глухо пробубнил искаженный мембраной голос.

— Вижу, Рыжий, — отозвался откуда-то второй, почти неотличимый от первого. — Тут девчушка тоже дышит еще. Что делать будем? Ведь помрут скорее всего...

— Что делать, мля? А есть варианты? — порывисто развернулся на голос стоящий над Володей. — Или есть желание взять грех на душу?

— Не, ты чего? И в мыслях не было!

— Тогда, вызывай «таблетку»,¹⁵ и в госпиталь их. Бог даст — выкарабкаются.

Они с Маринкой действительно выкарабкались, хотя поправлялись долго и с трудом. Вот только особой радости внезапно повзрослевшему в свои двенадцать лет Володе это не приносило. Он уже знал, что родители похоронены в одной огромной братской могиле вместе с остальными жертвами мора, а вернуться в залитый дезинфицирующей химией дом им никто не позволит — слишком малы они с сестренкой, самостоятельно жить не смогут, а родственников, которые могли бы приютить сирот, не имелось. А значит — ждал их какой-нибудь детский дом в Волгограде, а то и еще дальше...

¹⁵ «Таблетка» — армейский автомобиль медицинской службы на базе УАЗа-«буханки».

Но вместо детского дома за порогом госпиталя их ждал, облокотившись на капот своей старенькой, издававшей звуки «Нивы», Рыжий.

Процедура въезда в Иловлю была уже привычной: бойцы Бригады на специальной площадке перед воротами проверяют радиометрами сначала технику, которую мы развернули в короткую шеренгу перед въездом в поселок, потом — парней моих, «федеральное бандформирование», блин, потом уже — шмотки, нами привезенные. Проверяли всерьез, без каких-либо послаблений. Знакомые не знакомые — военнослужащим Бригады без разницы, для них все равны. Вон, Вовку-ходока шерстят наравне с нами, хотя он ведь местный, и всех этих хлопцев, что сейчас вокруг нас с приборами бродят, наверняка знает как облупленных. Но стоит, молчит и даже мимикой никакого недовольства не показывает. Да уж, тут отношение к безопасности серьезное, слишком хорошо знают, чем беспечность заканчивается.

Подошедший ко мне совсем еще молодой паренек в выгоревшем на степном солнышке чуть не добела камуфляже просит показать индивидуальный дозиметр, старенький, но все еще работоспособный ДП-14. Беспрекословно вытягиваю его за шнурок из выреза футболки. Парни вслед за мной начинают доставать свои. Многие носят их так же, как и я, — на шее, словно ладанку. Другие — в специальном маленьком кармашке на поясе брюк. Второй боец проходит мимо нас с журналом, сверяя показания приборов с записями в журнале. Проверяет — не хапнул ли кто из нас дозу, пока по степям катался. Отбитое у бредунов оружие привлекло особое внимание, но мои орлы инструктажи по технике безопасности во время выходов на зараженные территории усвоили крепко, «фонящую» вещь с собой не потащат. Старший по КПП — пожилой седоусый и явно матерый прапор среди вещей эти трофейные стволы с ходу вычисляет — вот что значит опыт, просто глаз-алмаз у мужика, и, поднеся к ним свой радиометр, хмыкает.

— А фон-то — повышенный.

— В пределах нормы, — невозмутимо отвечаю я. — Мы правила знаем.

— Угу, в пределах, — слегка насупившись бурчит он себе под нос, — но в верхних...

— Но, один черт, в пределах, — не шибко вежливо обрываю его ворчание. — Не зарывайся, ладно?

Прапорщик недовольно топорщит усы, однако, в спор решает не вступать. Как ни крути, прав все-таки я. А то, что резковато я с ним, так ничего, потерпит его самолюбие. Таких вот старых вьедливых служак нужно стараться вовремя на место ставить, а то забуреют мигом, на шею сядут и ноги свесят. Сам не заметишь, как придется на каждый поход в туалет разрешения у них спрашивать. Письменного.

Махнув на прощание уже собравшему свои трофеи и хабар Вовке, который о чем-то беседует возле «брони» с Шурупом, топаю в будку блок-поста. Надо бы начальство местное навестить, о результатах доложить, но для начала — уточнить, на месте ли, чтобы попусту через весь поселок не переться. Оно, конечно, недалеко, но лишние круги наматывать нет ни малейшего желания.

— Здорово, воин, — словно старому знакомому кивнул я сидящему в будке поста связисту.

На самом деле встречал я его пару раз, не больше, даже имени не знаю, но, с другой стороны, мы ведь, можно сказать, только приехали. Успеем еще и познакомиться, и подружиться, а пока нужно контакты налаживать.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — улыбается он мне в ответ.

О как! А земля-то и вправду слухом полнится! А ведь я своими офицерскими погонами в Иловле и не козырял. О том, что командир недавно прибывшего отряда наемников «по совместительству» еще и лейтенант СБ,¹⁶ в чине старшего опера, знали всего несколько

¹⁶ СБ — Служба Безопасности Югоросийской Республики. Спецслужба ЮОРР, совмещающая функции МВД и госбезопасности. Пожалуй, самый близкий по смыслу пример подобной организации — НКВД времен Берии.

человек в штабе Бригады. Но, похоже, начала расползаться информация. Хотя, видимо, пока не сильно широко. Вон, тот же прапорщик на КПП явно не в курсе, иначе бы бухтеть не стал. Тут не наемничья вольница — регулярная армия, с субординацией и уважением к звездам и просветам на погонах все в порядке. А этот, значит, уже в курсе. Впрочем, чему удивляться? Всю жизнь самыми осведомленными людьми в армии были писаря и связисты.

— Слушай, не в службу, а в дружбу, уточни там, Лапшин сейчас на месте?

Паренек понятно кивнул и взялся за трубку стоящего перед ним телефонного аппарата.

— На месте, — сообщает он мне, обменявшись с кем-то парой фраз. — И вроде как сегодня никуда не собирается.

— Спасибо, братишка, — по-свойски подмигиваю я ему и выхожу на улицу, где моя бравая «банда» уже завела двигатели и стоит «под парами», ожидая, когда горячо любимый командир свои дела закончит.

— Всё, парни! — гаркаю прямо с крыльца. — Сработали отлично, все молодцы! Всем в расположение и дальше занимаетесь по плану, Курсант — старший. А я скоро буду.

Рыча двигателями и хрустя мелким гравием под рубчатым протектором колес, БТР и один из УАЗов разворачиваются и, отчаянно пыля, уезжают в сторону Большой Ивановки. Чуть позже и я туда поеду, на базу, уже почти ставшую для нас домом. Но сначала нужно заехать в штаб, к командиру Бригады полковнику Лапшину.

Врать не буду, особого впечатления при первой встрече на меня полковник Андрей Васильевич Лапшин не произвел. После всех рассказанных Исмагиловым на вводном инструктаже в Червленной историй о Бригаде и ее героическом командире я себе представлял его несколько иначе. Думал, будет здоровенный мужик вроде меня, только лет на пятнадцать старше. Реальность оказалась куда прозаичнее: никаких пудовых кулаков, квадратной челюсти и широченных плеч у товарища полковника не наблюдалось. Был он, скорее, похож на сельского врача или учителя. Этакий среднего роста, пожилой и несколько грузный дяденька с обильной сединой в волосах. Разве что глаза у него были для этого образа не совсем подходящие — спокойный и прямой взгляд умного, сильного и уверенного в себе человека. А уж когда он заговорил... Тут уже последние сомнения развеялись, как утренний туман на солнышке: сразу стало понятно — этот человек свое подразделение в ежовых рукавицах держит, и порядок у него наверняка везде образцовый. Уж на что я толстокожий и к субординации без особого пиетета относящийся анархист, и то, клянусь, под конец нашего с ним первого разговора едва удерживал себя от того, чтобы не встать по стойке «смирно» и в таком вот виде слушать. Да и в ответах на его вопросы постоянно сбивался на короткие уставные: «Так точно» и «Никак нет». Сам понимал, что выгляжу при этом словно «салага»-первогодок перед генералом, но ничего не мог с собою поделать, настолько могучая харизма была у этого внешне совершенно непримечательного человека. Со временем, недели этак через две общения, конечно, кое-какой иммунитет я к нему выработал и мог общаться относительно спокойно, не пытаюсь постоянно вытянуться во фрунт и начать козырять. Все ж таки я не его подчиненный, а командир совершенно самостоятельного подразделения. У меня тут свои цели, свои задачи, и приказать мне Лапшин ничего не может, разве что попросить. Вот он и попросил.

Как ни крути, стоит Бригада в здешних краях не первый год и, хотя сама в боестолкновения практически не вступает, службу тут несут со всем тщанием. А что там в Боевом Уставе написано? «Разведка ведется целеустремленно и непрерывно...» Короче, даром разведотдел и особисты у Лапшина свой хлеб не ели: и аналитикой занимались, и с населением работали, и агентурную сеть осведомителей, в смысле, добровольных помощников, имели весьма разветвленную. И, буквально неделю назад, «намыли» они среди пустопорожних разговоров и бестолковых слухов весьма интересную и важную информацию. Вот только для ее проверки нужны были не технические специалисты,

которых в Бригаде было полным-полно, а опытные вояки. А вот их как раз у Лапшина и не хватало. Еще полгода назад он бы и заморачиваться на эту тему не стал — переговорил бы с коллегами из 56-й бригады, которая хотя уже давно переквалифицировалась из десантно-штурмовой в пограничную, но боевых навыков при этом вовсе не растеряла. Те выделили бы парочку взводов разведки или одну мотострелковую роту, и проблема была бы решена. Но ни одного десантника-пограничника в пределах досягаемости не осталось — все воевали с турками. Зато под боком были какие-то не совсем понятные, но явно бывалые и тертые мужички, в смысле мы. Вот и обратился Лапшин ко мне с заманчивым предложением о сотрудничестве и планом одной интересной и многообещающей, в случае успеха, операции. О результатах которой я и еду ему сейчас докладывать. Нет, скорее, уже приехал — вот он, штаб Бригады. Осталось только войти да на второй этаж подняться. Излишней бюрократией тут не страдают, в приемной под бдительным оком секретаря-ординарца полчаса сидеть не придется.

Так и получилось, к Лапшину пропустили меня сразу же и беспрепятственно.

— Здравия желаю, Андрей Васильич! — с порога приветствую я хозяина кабинета.

— Ну, здравствуй, Михаил, — кивает тот в ответ. — Как прокатились, успешно?

— Более чем. Передавайте ребятам своим от меня поклон. Отлично сработали, и особисты, и радиоперехват. Взяли тепленькими, можно сказать, со спущенными портками. Да еще и парнишку одного из ходоков ваших из беды выручили.

— Это кого же? — полковник смотрит заинтересованно.

— Вовкой звать, прозвище — Малек.

— А, знаю такого. Саши Рыжего ученик, хороший паренек, толковый. Ходок из него со временем отличный выйдет, если доживет, — Лапшин тяжело вздыхает. — Наставнику-то его, Сашке Волженкову, тоже равных не было. А потом бац — и нет человека... Ладно, отвлеклись. С «языком», как я понял, не вышло ничего?

— Никак нет, — сокрушенно развожу руками я. — Мы пытались, товарищ полковник, честное слово пытались. Снайпер мой их старшего, который основную группу свой отход прикрывать бросил, а сам в отрыв пошел, подстрелил очень аккуратно — в ногу. Так тот, гнида, когда понял, что слинять не выйдет, — из своего же ТТ себе череп и продырявил.

— Даже так? — брови Андрея Васильевича изумленно выгибаются.

— Именно так, — поддакиваю я. — И вообще, я конечно, в здешних реалиях пока не шибко хорошо разбираюсь, но по вашим же рассказам судя... Странные какие-то эти бредуны были: радиосвязью пользовались очень грамотно, с дисциплиной — полный порядок, на верную смерть остались, чтобы отход старшего прикрыть. Да и сам старший... Сообразил, что его живым взять хотят, — хлоп, и «маслину» себе в бошку... Прямо не бандит с Пустошей, а самурай какой-то, разве что без шашки.

— Да уж, — соглашается комбриг, — действительно, необычная банда... Ладно, когда будете продавцов вязать, уж будьте аккуратнее, постарайтесь в живых побольше народу оставить. Может, они чего интересного расскажут.

— Обязательно, — клятвенно заверяю я. — Опять же, контрабандисты, думаю, похлипче бредунов будут. Они ж просто жулье, а не убийцы. Трупы на них гирляндами не висят, им «пеньковый галстук»¹⁷ не корячится, наверняка каторгой отделаются. Так что — до последнего патрона отстреливаться не будут. Если поймут, что их прижали и удрать не выйдет, — сразу лапки в гору задерут.

— Твоими бы устами, — качает головой Лапшин. — Парни-то твои как?

— А, — улыбаюсь я, — чего с ними будет? Счастливы — словно карапузы в песочнице. Это ведь с момента нашего тут появления первое настоящее дело. До этого — инструктажи да тренировки. Застоялись хлопцы в седлах... А тут такая возможность размяться! Чуть не передрались — кто поедет. Пришлось гавкнуть, чтоб порядок навести и

¹⁷ «Пеньковый галстук» — виселица.

своей властью добровольцев назначать.

— Как дети! — понимающе хмыкнул полковник.

— И не говорите, Андрей Василич! Есть одна поговорка, очень в тему: «Армия — тот же детский сад, только... э-э-э... писюны длиннее и автоматы настоящие». Вот она как раз про моих гавриков.

— Ладно, — Лапшин с трудом подавил рвущийся смешок, — давай-ка посидим, померкуем, как и где продавцов брать будем.

Несмотря на весь мой достаточно богатый в этой области опыт, лежать в засаде — занятие очень сложное и утомительное. Когда ведешь наблюдение за противником, как мы с Толей в свое время у моста возле Белгатоя или в Ца-Ведено, — все несколько проще: на той стороне постоянно какая-то движуха идет, кто-то куда-то бежит, что-то происходит. Словом, меняется обстановка. А вот лежать так, как мы сейчас, затихарившись под довольно реалистично изображающими выгоревшую под летним солнышком сухую степную травку маскировочными накидками и гадать в ожидании: приедут или нет... Все почти как в той древней, времен Афганской войны песенке:

А мы сидим в засаде втихаря
И кушаем дубовые галеты.
Курить нельзя, вставать и спать нельзя
И не дай бог захочешь в туалет ты...

Отличная песня, и очень точно самочувствие в таких ситуациях передающая. Я ее еще в той, прошлой жизни, в одной хорошей книжке вычитал. Там, кстати, парняга тоже впух некисло, вроде как я. Только, повезло ему больше, и попал он в хотя и опасный, но, по крайней мере, вполне предсказуемый и знакомый (пусть только по учебникам и художественным фильмам-книгам) сорок первый год, где развернулся во всю ширь своей щедрой русской души и в конце концов в личные порученцы к усатому Вождю Народов угодил. Живут же люди, а! Одному мне, как тому бедному Ванюшке из поговорки, — всюду камушки. И попал черт знает куда, и занимаюсь непонятно чем. Хотя, нет, чем именно занимаюсь, как раз очень даже понятно — в засаде лежу. Жду и бдю, блин.

А началось все с того, что на штурмовую полосу в нашем ППД¹⁸ в Большой Ивановке примчался взмыленный и заляпанный грязью по самые брови посыльный с поста дозиметрического контроля Бригады. Дождик накануне прошел очень хороший, что для этих мест летом — серьезная редкость. Развезло окрестные веси конкретно, вот и решил я, что называется, гнусно и подло воспользовавшись случаем, выгнать своих орлов на полигон, разом превратившийся в раскисшее болото. Как говорится — провести занятия в условиях максимально приближенных к боевым. Вообще-то я их и так вот уже почти полтора месяца гоняю нещадно и в хвост, и в гриву. Здорово помогает даже не омововский, а еще армейский опыт тех лет, когда я был «страшным», в смысле — старшим, сержантом войсковой разведки на должности замкомвзвода. Так что, порядочки у нас теперь почти как в «непобедимой и легендарной»: ранний подъем, правда, не в шесть, а в семь часов утра, трехкилометровая пробежка в среднем темпе, турники. Тест Купера, который тут, чтобы не вызывать лишних вопросов у личного состава, называю просто силовым комплексом, каковым он, собственно, в свое время в милиции и значился. Раз в неделю — обязательный марш-бросок на «червонец» в полной выкладке. Вспомнил и тут же ввел в обиход «лавочку дружбы». Не слышали? Зря! Чертовски полезительное упражнение. По сути — то же самое качание пресса на скамье, но не в гордом одиночестве, а всем взводом. Сели плотненько рядом на длинной скамье, обнялись за плечи и погнали под счет. Поначалу — все как обычно, а вот ближе к

¹⁸ ППД — пункт постоянной дислокации.

сотне повторений, когда самые слабые начинают сдавать... Даже если ты «сдох» и сил продолжать у тебя нет, соседи слева и справа все равно не дадут тебе остановиться, ведь ты словно звено в цепочке. А значит — будешь продолжать сгибаться и разгибаться. А мышцам, им все равно, что ты можешь или не можешь, они продолжают работать. А самые сильные, в итоге, чуть ли не вчетвером-впятером тянут вверх всю цепочку из двух десятков бойцов. Нагрузка у них при этом — тоже дай боже. Понятное дело, что поначалу и первые, и вторые ходят после такой «утренней гимнастики» слегка скособочившись и лишний раз им кашлянуть больно, зато видели бы вы, какой прогресс буквально через неделю начинается!

Параллельно с приведением в божеский вид физического состояния своих подчиненных занялся я еще и боевым слаживанием. На четыре взвода я свою роту разбил еще в Червленной, а вот здесь плотно занялся обучением работе в малых группах, разбив каждый взвод на постоянные звенья-«тройки». И бойцы этих «троек» у меня теперь и спали рядом, и ели, и на всех тренировках по боевой подготовке работали только совместно. Именно так нас в свое время незабвенный прапорщик Комаров учил, и, думаю, те из нас, кто в живых остался, очень ему за эту науку благодарны были. Потому как права старая поговорка, и один в поле на самом деле — не воин. Даже если очень крутой, матерый и везучий. Раз повезет, другой, а потом зажмут тебя грамотно, и все — пишите письма мелким почерком. А все только потому, что спину тебе прикрыть некому было. Вот потому и гоняю я парней «тройками». Чтоб чувство локтя у них выработалось, сработанность, чтобы научились друг друга без слов понимать, а главное — чтобы доверять напарникам научились безоговорочно. Потому как иначе — не выжить в по-настоящему серьезном бою. Гоняю серьезно, словно новобранцев в подразделении Спецназа, без скидок на возраст и бывлые заслуги. Многие, особенно те, кто годами постарше и нагрузки переносит тяжелее, этому факту не шибко рады: хмурые ходят, угрюмые. Но недовольства своего ни словами, ни как-то иначе не выражают. Слишком свежи еще в памяти воспоминания о боях с турками и Непримируемыми, которые многим прочистили мозги и очень наглядно доказали, что у того, кто постоянно держит себя в форме, шансы несколько выше, чем у того, кто на все... кхм... болт забил. И низкие потери нашего отряда на фоне практически полного разгрома всех остальных — яркий тому пример. Так что, молчат мои бойцы, потеют, зубами скрипят, но молчат и работают. Эту самую штурмовую полосу и недостроенную некогда блочную пятиэтажку, которую тут, похоже, уже не одно десятилетие для тренировок использовали, орёлики мои обжили почти так же капитально, как казарму, в которой у них койки стояли.

Штурмполоса, кстати, в Ивановке хорошая, сразу видно, что камышинцы, хоть и превратились уже давным-давно в пограничников, о своем десантно-штурмовом прошлом не забыли и тренировали свой личный состав серьезно. А уж вкупе с грязью полигон здешний превратился во что-то совсем невообразимое. Так что к исходу третьего часа занятий мои воины стали похожи то ли на леших, то ли на водяных, то ли еще на какую-то до невозможности грязную и злобную нечисть. Этот же бедолага-сержант, видно, по дороге изгваздался, не исключено даже, что падал. И дыхание запаленное, будто у загнанной лошади. Что неудивительно: по таким-то раскисшим говнам особо не посайгачишь. Вывод один — что-то важное к нам у бойца.

— Мужики, старший у вас кто? — выдохнул посыльный, переводя дух и вытирая обильно текущий по физиономии пот кепкой.

— Я старший. Что там стряслось?

— Только что из Иловли звонили, вас Лапшин подъехать просил. Срочно.

Вот так номер. Пересекались мы с командиром Бригады довольно часто, но больше как-то в плановом порядке: совещания, налаживание взаимодействия, организация занятий по РХБЗ для нашего отряда, который, с легкой руки Исмагилова и стараниями Курсанта, уже почти все бойцы величают ОМОНОм, кто в шутку, а кто и вполне серьезно. И всегда все встречи происходили точно по расписанию, а тут вдруг такая срочность... Ой, не к добру!

— Так, орёлики, — оборачиваюсь я к прервавшим свои побегайки и с интересом сгрудившимся у меня за спиной бойцам, — я в Бригаду по делам. Буду, наверное, не скоро.

Всем — в распорягу,¹⁹ мыться-стираться, а дальше — по личному плану.

На лицах явно проступает облегчение, бегать да кувыркаться по раскисшей грязи им явно больше не хочется. Ах, вот вы как?! Нью-нью, гасилы²⁰ грешные, дайте срок! На следующей тренировке я вам такой «детский крик на лужайке» устрою — волком взвоете! А пока — фиг с вами, живите.

Лапшин, ожидавший меня в своем кабинете, был задумчив и даже мрачен.

— Слушай, Михаил Николаевич, у отряда твоего с подготовкой вообще как? — огорошил он меня прямо с порога.

Здрасте, приехали! Нормальные такие вопросы вы мне, товарищ комбриг, задаете!

— Зависит от того, в какой области, — не стал жеманничать и напускать туману я. — Если охрана-оборона стационарных объектов или «проводка» колонн — то можно сказать, что отлично. И в теории и на практике, особенно на практике. В той части, что касается обороны...

— Да уж, наслышан я о том, как вы там туркам по сусалам настучали, — кивнул Лапшин. — Ну, а что касасемо армейской тематики?

— Общебойского боя или всякое там боевое обеспечение, типа разведка-засада? — хитро шурюсь я.

— Догадливый, — вроде как и не удивился полковник. — Второе.

— Если второе — то неплохо. Не буду врать или приукрашивать, до того же краснодарского ЦСН²¹ им — как до луны и назад, если не дальше, да и до тех же камышинцев из постоянного состава тоже, хоть к этим и значительно ближе. А вот тем же «срочникам» из ОсНаза или войсковой разведки — точно не уступают, а то еще и превосходят по некоторым параметрам. Все-таки жизненный опыт и возраст — тоже дело не последнее, да и повоевать мои мужики успели немало.

— Значит, кое-что умеют?

— Умеют, — согласно киваю я, — и продолжают учиться. Гоняю как шпротов, на совесть. Думаю, где-то через месяц мне за них краснеть ни в одной из возможных на здешнем ТВД²² ситуаций краснеть не придется. С любой поставленной задачей справятся.

— Нету у нас месяца, товарищ лейтенант, — вздыхает полковник. — Действовать придется в самые ближайшие дни. Правда, и задача будет куда легче, чем у вас в Червленой была.

— Слушаю, — подобрался я.

— Ситуация у нас следующая, — пристально глядя мне в глаза начал Лапшин. — Особый отдел бригады уже давно приглядывает за здешним криминалитетом. Не только тут, в Иловле, здесь преступности считай, и нету, так, разве что на бытовой почве... А вот южнее имеются несколько организованных преступных сообществ... Впрочем, не о том сейчас речь. Главное, есть оперативная информация, что одна из этих групп решила сплавить на Пустоши крупную партию стрелкового оружия.

О как! А впрочем, чему удивляться? Всю жизнь так было: одни на войне жизнь теряют, другие на ней же копейку куют в промышленных масштабах. В наше время, правда, подобными делишками все больше как-то коррумпированные военные чины, обычно те, что с большими шитыми звездами, промышляли. Тут среди вояк подобное поведение не в чести, зато криминал подобных заработков не чурается. Откуда берут — вопрос отдельный,

¹⁹ Располага (*армейск. сленг*) — казарма, расположение.

²⁰ Гасила (*армейск. сленг*) — человек, всеми силами отлынивающий от чего-то (работы, занятий и прочего).

²¹ ЦСН — Центр специального назначения ФСБ в Краснодаре. База спецподразделений ФСБ.

²² ТВД — театр военных действий.

возможно, через каких-нибудь посредников у тех же украинцев или болгар, а то и у казахов, до них ведь ближе, покупают под вполне благовидными предложениями. Кроме Терского Фронта в Югославии беспокойных, а потому вооруженных почти поголовно окраин хватает — это и Дагестан, и здешние края. Вот только потом оружие это идет не ополченцам приграничным, а в Пустоши, бредунам, которые с его помощью против тех же самых ополченцев да пограничников воевать будут. Короче — тухляком от этого дела за версту несет. Сидит где-то погань и на крови своих же земляков деньги зашибает.

— Думаете засаду устраивать?

— Именно, — кивает Андрей Васильевич. — И задумка у нас такая...

Полковник расстилает на столе крупномасштабную карту буферной зоны и начинает водить по ней остро отточенным карандашом, показывая мне, где, по его мнению, стоит накрывать сначала банду бредунов, а уже потом — приехавших на встречу «оружейных баронов».

— Андрей Василич, а откуда такая точность в координатах, если не секрет?

— Не секрет, — улыбается тот. — Радиоразведка хорошо сработала, перехватили переговоры на частоте, которую до Тьмы в здешних краях пожарные и МЧС использовали.

Ну, надо же, какие тут, однако, продвинутые контрабандисты и бандиты. Нет, в тех же горах Терского Фронта все понятно — турки поддерживали. Они же инструкторов и матчасть засылали. А тут-то кто? С другой стороны, в брошенных землях много чего осталось, и много кого. Не все ж они там отмороженные идиоты. Если крупные банды собрали, наркоту выращивать начали, рабами торговать да оброком мелкие общины обкладывать, значит, есть на той стороне умные люди и толковые организаторы. Которые до использования никем не занятой сейчас радиочастоты додуматься вполне могли.

— А почему не хотите всех разом накрыть? — скребя в задумчивости бритый затылок, интересуюсь я.

— Потому что слишком их много будет, — отвечает Лапшин. — Бредунов — человек двадцать. И контрабандистов не меньше, они ведь хоть и деловые партнеры, но один черт — бандиты, и те, и другие. Почувствуют слабость — схарчат безо всякой жалости. Вот и приходится им друг перед другом марку держать. Так что, в случае чего на противодействие как минимум полусотни стволов можешь рассчитывать смело. Они, конечно, бойцы те еще, но сам знаешь — нет никого страшнее, чем загнанный в угол противник. А у тебя всего сотня бойцов... Один к двум получается, мало того, встреча у них в брошенной деревеньке Гусевка планируется. Так что, считай, — укрепрайон штурмом брать придется. Хиленький, конечно, и гарнизон в нем будет — так себе... Словом, задавишь, конечно, но и сам потерь избежать не сможешь точно. Тебе это нужно?

— Совсем не нужно, — отрицательно мотаю головой я.

— И я о том же. Если же брать их по одному — совсем другое дело. Сначала бредунов завалить, а потом, под них нарядившись, продавцов встретить.

— А если они начнут покупателей по радиации вызывать? — берет меня сомнение.

— У меня РЭБ²³ тоже не за красивые глаза зарплату получает, — хитро сощурившись смотрит на меня полковник. — Почти все их переговоры записаны, и из ответов командира бредунов они несколько фраз смонтировали, на разные ситуации. Будут сидеть, эфир слушать, и если что — за вас ответят. Ну, и вы тоже слушать все это дело будете, чтобы в курсе событий быть.

В общем, за обсуждением засиделись допоздна, и в Большую Ивановку я вернулся далеко за полночь. Зато операцию по блокированию и разгрому банды бредунов мы разыграли потом словно по нотам.

Что, в общем-то, и неудивительно. И план составлен был толковый, и парней я тогда взял с собой только самых бывалых и подготовленных. Хотя, узнав, что предстоит боевой

²³ РЭБ — радиоэлектронная борьба.

выход, в добровольцы дружно записались все, а потом чуть было не переругались друг с другом, выясняя, кто именно поедет. Пришлось мне на разошедшихся подчиненных рывкнуть и назначать «лучших среди равных» волевым командирским решением, отдав при этом, чего уж лукавить, предпочтение старым своим товарищам из отряда Убивца. Не то чтобы остальные намного хуже или доверял я им меньше... Просто... Ну, считайте это мелким бзиком и глупым суеверием. С другой стороны, это самое суеверие, метко прозванное кем-то когда-то «чуйкой», только за неполный год мне несколько раз жизнь спасло. Да и сюда я угодил, по большому счету, только благодаря ему, родимому. А не послушался бы своего «вещуна» — так и спалили б меня «духи» в том «КаМАЗе» напротив школы в Алпатово.

Как бы то ни было, сработали мы хорошо. Жизнь, как водится, и тут внесла свои коррективы, и бредуны, которых мы должны были взять на их стоянке в Гусевке, в момент нашего появления активно пытались укокошить кого-то в развалинах Ольховки, примерно в пяти километрах от своего лагеря. Причем настолько активно, что наше появление «на сцене» банально прозевали, за что и поплатились. Так и вышло — хотели одно доброе дело сделать, а сделали два: и банду на ноль помножили, и мальчонку-ходока здешнего спасли. Хороший, кстати, паренек — шустрый, смелый и за словом в карман не лезет. Далеко пойдет, если раньше по бесшабашности своей мальчишеской голову не сложит. Короче, если б не странное, не совсем понятное самоубийство главаря банды, первый этап операции можно было бы считать чрезвычайно удачным.

Теперь же мы лежим тут, преля под плотными маскировочными накидками на палящем солнышке, в ожидании контрабандистов. А погодка, что называется, шепчет. Одурающее пахнет степными травами, ветерок качает синие васильки и звенит в серебристом ковыле, в траве оглушительно трещат кузнечики, а в небе заливаются жаворонки. Красотища! Даже зияющие пустыми провалами окон дома, просевшие сараи и завалившиеся заборы давно покинутой людьми деревни с простеньким названием Гусевка картинки не портят. Похоже, отсутствие людей природе только на пользу идет — разрослись вширь и выползли за пределы палисадников сады. Правда, всякие груши-яблони, почти наверняка давно уже одичали, ну так нам их не есть — рано еще, не сезон пока. Сквозь сильно занесенный землей асфальт давно уже пробилась не только трава, но и кусты и даже молоденькие, тонкие деревца. Скоро о том, что когда-то на этом месте была дорога, и догадаться нельзя будет. А чуть позже, лет этак через двадцать, и дома добьет окончательно непогода и сырость. И осядут они невысокими кирпичными холмиками, которые быстро занесет пылью и затянет травой и кустарником. И над всей этой идиллией, как и сейчас, будет жарить солнце с яркого голубого неба. Просто пастораль какая-то, честное слово, хоть и постапокалиптическая. А мы тут лежим в засаде и готовимся всю эту красоту порушить, если понадобится. Готовимся стрелять, взрывать и жечь. Как тот Волк в мультфильме сказал? «Работа такая...» Да уж, и не возразишь.

В этот раз я скупердяйничать не стал и взял на встречу с дорогими гостями почти весь отряд, за исключением дежурного взвода, исполняющего на нашей базе в Ивановке роль мангруппы.²⁴ Третью своих парней я обрядил бредунами и велел занять позиции в нескольких домах на южной окраине Гусевки. Сами бы, конечно, ни в жизнь не управились, но тут здорово помогла вещевая служба Бригады, на складах которой чего только не было. В старых, рваных и умышленно испачканных плащах от ОЗК, до белизны вытертых длиннополых кожаных плащах ходоков с глубокими капюшонами и каком-то еще невообразимом тряпье, в самодельных тюрбанах и шемахах выглядели парни колоритно и угрожающе. Этакие сухопутные пираты, с поправкой на постапокалиптический антураж. Ни дать ни взять, массовка для очередной серии кино про Безумного Макса. Подозреваю, что контрабандисты купятся, если только у них заранее какой-нибудь хитрый сигнал для

²⁴ Мангруппа — маневренная группа, подразделение, постоянно находящееся в боевой готовности.

опознания не предусмотрен. Но, даже если так, именно на такой случай и потеем под «лохматками» мы. Оставшиеся два взвода весьма плотно «держат» окрестности бывшей деревеньки, заранее распределив сектора обстрела и даже заминировав управляемыми минами наиболее удобные для отступления направления и самые подходящие для обороны позиции. То-то, ежели что, уголовничков наших сюрприз ждет! Главное — чтобы приехали.

В наушнике дважды отчетливо щелкнуло и почти сразу я расслышал сквозь завывания ветра в руинах и шелест высокой сухой степной травы слабые, на грани слышимости, завывания нескольких моторов. Ну, наконец-то! А мы вас уже заждались!!!

Мерный рокот двигателей все ближе. Внезапно оживает наушник.

— Чужой, Русу.²⁵

— На связи.

— Наблюдаю противника. Цель движущаяся, групповая. Четыре единицы. Идут с интервалом метров по двадцать. Три легковые и грузовик. Дистанция до головной машины — шестьсот. Выглядят спокойно. Держу головную, на ней «крупняк».²⁶

— Понял тебя, Рус. Помни главное — их старший мне нужен живым.

Объяснять снайперу, что в случае чего, его первостепенная задача — пулеметчик на головной машине, а потом — водители всех остальных и контрабандисты, вооруженные самым серьезным, как говорят в армии — коллективным оружием, я не стал. Ни к чему оно, Бекетаев и без меня отлично знает, что, как и в какой последовательности ему нужно делать.

— Принял, — Руслан замолкает.

Вообще-то я сам установил для всей группы режим радиомолчания, все сигналы — только тоновыми или просто короткими, заранее оговоренными сериями щелчков. Так, на всякий случай. Уж если у контрабандистов хватило ума с бредунами связь наладить, то и до сканирования эфира они вполне додуматься могли. Вполне логичный шаг был бы с их стороны. Но мы со снайпером сегодня — исключение. Повторять прокол с командиром бредунов у меня нет ни малейшего желания. Поэтому связь с нашей главной ударной силой мне нужна надежная и ясная. Именно поэтому и возле меня, и рядом с Русом лежат сейчас старые, но надежные и не раз проверенные в деле радиостанции Р-159. Одна — моя, трофей еще на Терском Фронте взятый, вторая — от щедрот Лапшина выделенная нам на время проведения операции связистами Бригады. Да, тяжела старушка, словно могильная плита, зато с включенным «Историком»²⁷ любой противник может эфир слушать аж до ишачьей Пасхи, все равно ничего, кроме треска да воя помех, не услышит.

Трижды щелкаю тангентой своего «Кенвуда», два длинных и короткий — приготовиться. Наши переодетые бредунами парни, не шибко прячась, но и не болтаясь особо на виду, занимают оборону. Но так, вроде как для проформы, мол, мы компаньонам, конечно, доверяем, но и про бдительность совсем не забыли. Видимо, контрабандисты к подобному уже привыкли, потому что их маленькая колонна из большого самодельного багги, старенького ЗиЛ-131 и двух УАЗов продолжает пылить по степной грунтовке к развалинам села, не сбавляя хода. Вот и отлично! Может, и перебдел я малость, когда по окрестностям минные «сюрпризы» расставлял, на случай, если противник решит в «пионеров-героев» поиграть и биться до последнего патрона. С другой стороны, ожегшись

²⁵ Особенности правил армейского радиообмена. Сначала звучит позывной того, кого вызывают, потом — того, кто вызывает. В нормальном, человеческом варианте между позывными вставили бы слово «ответь», но военные для краткости его опускают.

²⁶ «Крупняк» — крупнокалиберный пулемет.

²⁷ «Историк» — шифровальный блок к радиостанциям советского и российского производства. Радиосигнал, закодированный «Историком», расшифровке не поддается в принципе.

на молоке, и на воду дуют. Не хочу я рисковать, вот и учел разные возможные варианты, вплоть до самых неблагоприятных.

Оп-па, а это что такое?! Идущий головным дозором пулеметный багги, по внешнему виду которого я так и не смог определить, из чего же именно он изначально был собран, вдруг резко вильнул в сторону и пошел на разворот. Так, хреново дело! Не получилось у нас взять конвой хитростью, тихо и чисто. Похоже, какой-то условный сигнал все-таки был предусмотрен, вот только мы были не в курсе. Остальные три автомобиля, сбросив скорость, тоже начинают поворачивать назад. Э, нет, ребятки, так дело не пойдет! Звонкий щелчок Руслановой винтовки, после которого кулем вывалился из багги пулеметчик, словно дает сигнал всем остальным, и на машины контрабандистов обрушивается шквал огня. Но бьют мои парни не наобум, а по-умному — в ключья полосую резину скатов. Пригодится нам еще этот транспорт, под свои нужды или на продажу — не важно. Главное, что незачем просто так технику портить. Один только Рус продолжает бить на поражение, одного за другим выхлестывая водителей. Правильно, а то ишь, взяли моду, из-под обстрела сбегать!

Самым шустрым оказался водитель замыкающей машины — выглядящего удивительно новым, видно, совсем недавно с консервации, армейского УАЗа. Вот только, помимо шустрости, добыть бы где парняге удачливости... А вот с этим — явно не повезло, потому как, вырвавшись из-под огня, он, вместо того чтобы гнать свою машину на полной скорости прочь, загнал ее за стоящий на отшибе полуразвалившийся кирпичный сарай. И тут же из-за него по моим парням, переодетым бредунами, ударили три автомата. Ну, что ж, сами виноваты! Взвожу ПМку²⁸ и прихлопываю сверху ладонью по большой пластмассовой кнопке черного цвета. Заложенный за сараем, как раз под тем местом, где стоит сейчас УАЗ контрабандистов, фугас послушно рывкает, разнося в ключья и стрелков, и их машину, и часть сарая, и без того уже дышащего на ладан.

— Отставить огонь! — командую я в «Кенвуд».

Все, сохранять молчание в радиоэфире уже просто глупо, грохот на всю округу слышно было. Над полем боя повисает тишина, только трещит пламя, пожирающее остов подорванного мною УАЗа, да гулко хлопают в огне рвущиеся патроны. И над всем этим медленно оседает густая пыль, поднятая взрывом. Мои не стреляют, потому что приказ получили, контрабандисты, похоже, просто ошеломлены нападением. Ну, что, пообщаемся?

Перевожу свою портативку на ту самую бывшую частоту МЧС, благо спецы из РЭБ Бригады мне ее настроили, и даже небольшой инструктаж по пользованию ею провели. После этого я почувствовал себя тем самым Нищим из книжки Марка Твена, что Большой Королевской Печатью просто орехи колот. Даже обидно за себя стало, честное слово! Не каждый день тебе мягко, участливо и очень по-доброму сообщают, что ты полный кретин. Ай, ладно, это уже дело прошлое! Пора попробовать с противником «по душам» поговорить, может, и сдадутся без боя. Как ни крути, контрабандисты — не банда убийц с Пустошей. Парни, без сомнения, тоже лихие, но все-таки не отморозки, по которым виселица горячими слезами рыдает.

— Граждане бандиты, — рычу я в станцию, пытаюсь подражать Жеглову в «Месте встречи», — внимание! Ваша банда полностью блокирована! Сопротивление бесполезно!

М-да, что-то хреновенько у меня получилось, не Глеб Егорыч, в исполнении Высоцкого, а Джигурда какой-то, прости господи, с его натужным и неестественным хрипом. Ладно, вряд ли тут есть поклонники «Места», оценить мой провал как актера будет некому.

— Предлагаю вам сдаться! По-хорошему!!! — продолжаю развлекаться я.

Точно по Высоцкому, конечно, не выйдет — обстановка немного не та, но все равно продолжаю шпарить максимально близко к тексту, так, чисто из любви к искусству.

²⁸ ПМ, в данном случае ПМ-4 — малогабаритная подрывная машинка для инициирования электродетонаторов и электровоспламенителей.

— Иначе, в связи с особой опасностью вашей банды имею приказ командования Бригады вас живыми не брать! Минута на размышление, а потом открываем огонь!

Как и предполагалось, знатоков фильма Говорухина среди контрабандистов не оказалось и сакраментального джигарханяновского «А это кто там гавкает?» я так и не дождался. Зато кто-то решил в переговоры не вступать, а поиграть в героя: я только и успел, что увидеть резкий взмах рукой за капотом грузовика. Похоже, гранату в нашу сторону метнуть хотел, но не преуспел. Снова сухо и хлестко плюнула свинцом «снайперка» Руслана, и слишком храбрый, или слишком глупый бандит, схватившись за простреленное запястье, с диким воплем рухнул на землю. Впрочем, орал он недолго — секунды через три за грузовиком жажнуло, и подстреленный затих. Зато на разные лады взвыли еще несколько голосов, видно, осколками посеколо.

На этом воля к сопротивлению у противника иссякла.

— Эй, там, — забубнил незнакомым голосом мой «Кенвуд». — А чем докажете, что вы на самом деле из Бригады, а не бредуны и не перережете нас, как только мы сдадимся?

М-да, жидковаты вы, парни, супротив тех же бредунов оказались. Те бились до последнего, стрелялись, чтобы в плен не попасть. Подонки, конечно, но подонки, вызывающие некоторое уважение. А тут... Надавили на них чутка, и все, потекли, как дерьмо на солнышке. Слабаки!

— Да ты там, не охренел ли в атаке, братское сердце? Тебе что, может, бумагу какую с поклоном принести, с печатями и подписями? — ехидно интересуюсь я. — Думаешь, мне что-то сейчас мешает вас передавить, как клопов? Просто время свое и патроны казенные на вас, уродов, тратить не хочется... Короче, если жить хотите — выходите из-за машин, оружие сваливаете перед ними в кучу, а сами тихонечко топаете к белому забору слева от вас и вдоль него строитесь. Мордой в забор, руки в гору, ноги расставить пошире. Все понятно?

— Понятно, твою мать, — шипит наушник злым голосом.

— Вот и ладушки... И чтоб без глупостей мне!!!

Без глупостей все же не обошлось. Пара уж совсем самонадеянных ребят решила, похоже, под шумок улизнуть. Но не была готова встретить на своем пути минное поле. Противопехотная мина ОЗМ-72²⁹ — штука страшная, и «сладкая парочка» зайцев-побегайцев убедились в этом на собственной шкуре. Почти две с половиной тысячи готовых поражающих элементов, разлетающихся во все стороны, — это вам не баран чихнул! Шансов у беглецов не было ни малейших. Хреново только, что из-за дурости их осколками машины, похоже, побило. Наши уже, между прочим, машины. Твою ж мать, они мне не в виде металлолома нужны!!!

— Ну и какого хера? — сварливым голосом интересуюсь я в станцию. — Мины, между прочим, подотчетные. Мне потом объяснительные писать, на что потрачены. И чего отвечу? На двух полудурков? Да мне проще тогда вас тут всех к херам положить и про кровавый и беспощадный бой начальству насвистеть.

Все! Видно, тот факт, что нападающие оказались не только хорошими бойцами и хладнокровными убийцами, но еще и законченными жмотами, добил контрабандистов окончательно. Не вынесла, понимаешь, тонкая душевная организация того факта, что могут их тут перебить, словно цыплят, только ради того, чтобы бумажек лишних не писать. По одному, держа оружие над головой, они начинают выбираться из-за машин и, побросав автоматы-пистолеты в кучу, покорно строиться вдоль указанного мною полуразвалившегося забора из силикатного кирпича. На двоих — кое-как намотанные окровавленные бинты, еще двоих вообще несут на руках. Не ошибся я, действительно, осколки что гранаты, что ОЗМ даром не пропали. Что, всего шестеро? М-да, не густо же вас осталось... Вяжут сдавшихся наши «типа бредуны», остальные так и лежат под «лешими», контролируя теперь уже

²⁹ ОЗМ-72 — противопехотная выпрыгивающая осколочная мина кругового поражения (в просторечии — «мина-лягушка»).

внешний периметр. Мало ли...

Из-под «лохматок» выбираются трое — я и два приданных нашему отряду на время операции «варяга» из бригадных особистов: матерого вида майор и совсем еще зеленый старлей. В принципе — все верно, весь наш отряд — исполнители, нажиматели спусковых крючков, пусть и не бесталанные. А организовали и спланировали всю операцию офицеры Особого отдела Бригады. И контролировать ее завершающий этап — их полное и законное право. Прибыли они в наше расположение минут за пять до выезда, и я, загруженный по самые ноздри подготовительными хлопотами, даже познакомиться с ними не успел. Так и остались эти мужики для меня майором и старлеем. Ладно, вот на подведении итогов у Лапшина и представимся.

Подходим к пленным. Ребяتيшки мои уже их обыскали, побросав все найденное в карманах одежды и разгрузочных жилетов в одну небольшую кучку, и уже начали оказание первой помощи. Все верно, особого сопротивления те не оказали, ожесточения у моих к ним нет, а жестокость к противнику ради самой жестокости — это уже патология, ей-богу. К тому же видок наши вражины сейчас имеют весьма бледный: белые как мел лица, трясущиеся губы, испуг в глазах. Про раненых так и вообще молчу, тем бравый вид иметь по определению не положено.

— Старший кто? — рявкаю я, едва подойдя.

— Я старший, — делает шаг вперед невысокий рыхловатый мужик средних лет, с иссеченным осколками левым плечом.

— Ох, елки-палки! Какие люди в наших краях да без охраны! — оживляется вдруг идущий чуть позади меня майор-контрразведчик. — Модякин, ты ли это?!

Услышав свою фамилию, контрабандист кривится, будто целиком здоровенный лимон слопал.

— Что, старый знакомый? — оборачиваюсь я к особисту.

— Бог с тобою, лейтенант! — вроде и жизнерадостно, но как-то при этом очень недобро скалится тот в ответ. — Какой там знакомый? Можно сказать — друг закадычный! Правда, Рома? Известнейшая, кстати, в узких кругах личность...

— И чем известен?

Я начинаю пристально разглядывать «широко известного» Рому, пытаюсь сообразить, чем же этот вполне заурядной внешности мужичок умудрился так прославиться.

— Поганая такая была история, — улыбка исчезает с лица контрразведчика. — Был наш Рома не просто Рома, а целый старший лейтенант интендантской службы. Не в наших, правда, местах, а недалеко от Уральска. Это, вообще-то, уже Казахстан, но форпосты там совместные... И вот в один далеко не самый прекрасный день вышла в сторону передовых блокпостов на границе с Пустошами колонна. Небольшая — шесть грузовиков с охраной. Везли всякое-и оружие, и боеприпасы, и жратву, и даже топливо, кажется... Да, Рома, была ведь у вас в колонне «керосинка»?³⁰

Модякин, совсем уж посмурневший лицом, молчал, только зыркал на нас с майором злыми глазами.

— Так вот, — словно не замечая его взгляда продолжил особист, — до блоков колонна так и не дошла. И назад не вернулась. Зато нашли чуть позже в глубоком овраге в одном безлюдном местечке полтора десятка обобранных чуть не до белья трупов. Личности установили — оказалось, водители и охрана того самого конвоя. Мало того, судмедэксперты над телами поработали и дали заключение — шестерых из них просто застрелили в спину. Вот остальные — бой вели: руки и лица в пороховом нагаре, характер ранений соответствующий... А этих — кто-то свой, в затылок, по-тихому. Потом и место нашли, где все произошло. Выяснилось, что напали на колонну во время остановки на отдых. И главное — так и не нашли старшего колонны, которым был...

³⁰ «Керосинка» (армейск. сленг) — грузовик с цистерной для перевозки топлива.

— Старший лейтенант интендантской службы Роман Модякин... — заканчиваю я за майора.

— Сообразительный, — кивает он мне в ответ.

— Да уж, правда, — соглашаюсь я. — История не просто поганая. Откровенно смердит от нее. Предательством и продажной крысой воняет. Так, парни, этот кусок дерьма — перевязать, а потом спеленать получше. До суда эта сука дожить просто обязана, а потом я лично вас всех на экскурсию свожу, поглядеть как он в петле болтаться будет.

— Ладно, лейтенант, ну его, — дружески толкает меня в плечо контрразведчик. — Пойдем-ка лучше глянем, чего они такого бредунам везли.

Сказано — сделано, откинув в нескольких местах пробитый осколками тент и откинув борт, забираемся в кузов. Большая часть груза ни у меня, ни у майора интереса не вызывает. Все по маркировке на ящиках видно: тут — гранаты Ф-1, тут — автоматные патроны, тут — винтовочные... Зато четыре небольших контейнера-кейса из темно-зеленого пластика прямо-таки притягивают взгляды. Осмотрев на всякий случай со всех сторон, нет ли какого взрывоопасного «сюрприза», я щелкаю замочками ближайшего и поднимаю толстую крышку. Ох ты, елы-палы! Вот чего-чего, а такого я тут увидеть просто не ожидал. Оружие, боеприпасы, взрывчатка, продукты, медикаменты... Но никак не этот лежащий в углублении в мягком черном поролоне, неизвестный мне электронный прибор. Стоящий рядом майор удивленно присвистывает и открывает второй кейс. Там, в таких же нишах, лежат две большие микросхемы, или печатные платы... Словом, не силен я в этой электронике, но больше всего содержимое контейнера напоминает часть «потрохов» компьютера или телевизора. А если хотите точнее — это не ко мне, а к специалистам-электронщикам. Вот про автоматы-пулеметы я вам расскажу, а про все эти приبلуды — увольте, не моя специализация.

— Твою ж мать, ну ни хера себе! — вырывается у него.

Так, похоже, в отличие от меня, он прекрасно знает, что это. Но так же, как и я, совершенно не ожидал увидеть нечто подобное в кузове грузовика контрабандистов, в куче товара, приготовленного для торговли с бредунами.

— Здорово, пограницы! Что, граница на замке, а ключ в кармане?!

Жизнерадостный голос Исмагилова на полуслове прерывает доклад Курсанта, который в этот самый момент рапортует мне о состоянии дел с трофейной техникой. Багги мы продали местному перекупщику из Иловли. Прямо так, как есть продали, с пулевыми отметинами, торчащими из размочаленных шин клочьями корда и смятыми колесными дисками. Разве что кровь смыли из поливочного шланга. Можно было бы, в принципе, и повозиться с восстановлением, тогда получили бы за нее немного больше, но не стали, а совместными усилиями взялись за приведение в божеский вид грузовика и УАЗа, которые решили оставить себе. Обидно, честное слово, — самой новой машиной в колонне оказался тот самый армейский УАЗ, что я собственноручно фугасом на воздух поднял. Второй был в куда более плачевном состоянии, да и ЗиЛ новизной не отличался. Так что, придется над ними поработать тщательно и вдумчиво. Вот уж когда пожалели мы все, что мастерская Умаровых аж в Петропавловской, а не где-то поблизости.

— Чего смурные такие? — Олег внимательно смотрит на нас с Толей. — Или видеть меня не рады? Вот и приезжай после этого к старым друзьям в гости!

Да нет, Олежек, мы-то рады. Вот только показной своей жизнерадостностью и веселостью ты, если кого обмануть и сможешь, так это простодушного и доброго, как теленок, Толика. Вон, он в улыбке до ушей расплылся. А вот меня — вряд ли. Слишком я старый, много в жизни повидавший, и оттого циничный, чтобы в подобные совпадения верить. Сначала берем какую-то непонятную и очень подозрительную контрабанду, потом в штабе Бригады, после долгих благодарственных славословий и обещаний всемерной помощи и поддержки в случае необходимости, мне тонко так, почти прозрачно, намекают, что... Ну, как бы это повежливее... Словом — не мое это собачье дело, что именно в тех кейсах

лежало. Нет, в оригинале сказано было намного мягче, мне поведали про секретность и про уровни допуска, подробно разъяснив, что, почему и как. Даже пару бумажек дали подписать о неразглашении. Все по-взрослому. Но все равно, смысл был однозначный: не суй сюда свой нос, лейтенант, не с твоим рылом в калашный ряд переться. Я парень понятливый, сделал вид, что не сильно-то оно мне нужно было. А теперь, четыре дня спустя — такая вот «неожиданность» в виде внезапного появления вполне высокопоставленного и при этом знакомого мне лично представителя здешних спецслужб... Вот только не говорите мне, что он просто мимо проезжал по своим делам и решил в гости заглянуть исключительно потому, что соскучился. Угу, два раза! Как там, в «нетленке» было? «В кустах совершенно случайно оказался концертный рояль»? Вот-вот, очень похоже. Хорошо, поглядим, что там от нас на этот раз Службе Безопасности понадобилось.

— Что, Миша, как сам? Как жизнь, какие планы? — присаживается на свободный стул Исмагилов.

— Да нормально все, устроились, обжились, — я широким жестом обвожу свой небольшой кабинет. — Вот, думал в самое ближайшее время назад в Червленную скататься. Дела у меня там важные. А назад уже с молодой женой. Надеюсь, ей тут понравится.

Олег как-то уж очень пристально смотрит на меня, а потом показывает глазами на Курсанта. Понятно...

— Так, Толян, — беззаботно подмигиваю я Курсанту, — с машинами потом разберемся, время терпит. Дуй в столовую, скажи, пусть сообразят на ужин чего-нибудь такого, праздничного. Не каждый день к нам такие важные гости приезжают.

Толя понятно кивает и, крепко пожав Исмагилову руку и, по кавказскому обычаю, слегка приобняв его, ломится выполнять распоряжение. Кто бы сомневался, вкусно и обильно покушать наш Толя любит! Впрочем, давайте смотреть правде в глаза — не он один...

Едва за напарником закрывается дверь, сразу перехожу на деловой тон.

— Ну, что, контрразведка, зачем пожаловал? Что на этот раз понадобилось Родине? Снова где-то стоять насмерть нерушимой стеной? От полутора до двух суток по предварительным расчетам...

— Злой ты, Тюкалов, — неодобрительно качает головой Олег, — недобрый. Я к нему в гости через всю республику ехал, а он, не накормив, не напоив, в баньке не попарив, с ходу о делах.

— Олег, не обижайся, — чуть сбавил обороты я, — но в то, что ты просто так в гости заехал, уж прости, не верю. Я очень рад тебя видеть и приезд твой мы вечером отметим по полной программе, не сомневайся! Но ты тут по делу, даже отрицать не пытайся. Если бы просто сильно соскучился или сказать чего хотел — так для этого телефонная связь есть или телеграф. Ежели что важное и не для всяких ушей — радиосвязь в режиме ЗАС...³¹ А уж если сам приехал, значит, что-то экстраординарное у тебя к нам. Ну, или ко мне... Хотя, вряд ли, сам по себе, в гордом одиночестве я особого интереса для контрразведки не представляю. Значит, ко всему отряду у тебя дело. А уж если присовокупить к этому последние... Ну, скажем так, странные события, то вырисовывается не самая радужная и беззаботная для нас картинка.

— А чего такого странного в этих ваших событиях? Взяли груз контрабанды, заказчиков уконтрапупили, исполнителей даже частично повязали. В порядке ж все!

— Угу, в полном. Только часть груза уж больно подозрительная и странная. Мало того, оказывается, мне про то, что это вообще такое было — даже и знать не положено. Но и это еще не самое-самое.

— А что тогда самое? — прищурившись, интересуется Олег.

— То, что мне до сих пор непонятно, чем бредуны собирались расплачиваться и на чем

³¹ ЗАС — засекречивающая аппаратура связи.

товар вывозить. Или господин Модякин им еще и свой грузовик загнать хотел, пользуясь случаем? Не исключая такой возможности, но тогда бредуны ему еще больше отстегнуть должны были. А мы при них только и нашли, что мелочь кое-какую, так, чисто на карманные расходы. На круг даже на покупку одного приличного автомата в «Ратнике» не хватило бы. Не кажется тебе это подозрительным?

— В очередной раз убеждаюсь, что аналитическими способностями тебя бог не обделил. Как один мой знакомец говаривать любит: «Слишком умный стал, стрелять пора».

— Что, неужто за этим и приехал?

— Тьфу на тебя! Ляпнешь тоже! — морщится Исмагилов в притворном неодобрении. — Ладно, не буду вокруг да около бродить, скажу напрямую — по бредунам я пока ничего не скажу, а вот со свадьбой тебе, Николаич, придется немного обождать.

Вот так, значит? Блин, какое ж счастье, что я о своей задумке с моим скорым приездом в Червленную и свадьбой Насте сообщить не успел! Сюрприз сделать хотел. Теперь, похоже, сюрприз здорово откладывается. Но хоть солнце мое голубоглазое не расстроится. Я, внутренне подобравшись, вопросительно смотрю на Олега.

— Есть новое задание. Очень хорошо оплачиваемое, но очень серьезное и опасное. Не для всей роты, группа нужна человек в тридцать — тридцать пять, но самых лучших. Остальные бойцы твоего отряда продолжают нести службу тут. Понятно, что придется им сложнее, восемьдесят человек — это не сто десять, но так и остальные не на чай с баранками отзываются.

— Это при условии, что я дам согласие... — немного осаживаю я контрразведчика.

Нет, Олег мужик правильный и надежный, но садиться себе на шею нельзя позволять никому. Я сейчас наемник, Вольный Стрелок. Хочу — берусь за контракт, не хочу — не берусь. Мне, как какому-нибудь летехе-взводному, приказ не отдашь. Я сам себе начальник.

— Именно, — тяжело вздохнув, соглашается мой собеседник. — Но я очень надеюсь, что ты согласишься. Вот веришь, нет, вопрос о твоей кандидатуре на самом верху решался.

— Ну, надо же, — в притворном восхищении тяну я. — Какая честь! Постараюсь оправдать. А в чем подвох-то?

— Что, прямо вот сейчас рассказывать? Слушай, Миш, я только что приехал. Устал, как пес. Мне бы, честное слово, пожрать чего да помыться сначала. Ну, где твое гостеприимство? Расскажу я все, и не только тебе, все равно с командованием Бригады координироваться придется. Вот, чтобы сто раз одно и то же не пересказывать, оповещу тебя и Лапшина разом.

— Прости, Олег, зарапортовался. Сейчас я тебе какой-нибудь легкий перекусон перед праздничным ужином соображу. Чайку вскипачу, бутербродов настругаю. Душевая у нас постоянно работает, а вот если в баньку, то часика четыре подождать придется.

— Нет, отказаться от бани я сейчас не смогу. Так что, можно и подождать. Что ты там, кстати, про чай и бутеры говорил?

— Момент! — Я достаю из шкафа небольшую электроплитку, чайник и сахарницу с крупно наколотым коричневатым сахаром, а потом из соседнего ящика на свет божий появляются свежий, только утром купленный в маленькой пекарне, по дороге на службу, батон, примерно четверть круга желтого ноздреватого сыра и кусок копченого мяса.

— Вот, другое дело, с довольным видом потер ладони Исмагилов. — А то накинусь с ходу, как ирод какой: «Происки кровавой гэбни, кругом враги...», а покормить старого друга — не судьба была.

— Ты не выпендривайся, а лучше нарезать помощи, я не Шива, у меня не шесть рук, — протягиваю Олегу нож. — Заодно рассказывай, какие дома новости.

— У Шивы рук всего четыре, умник! Да какие там новости... — отмахивается, ухмыляясь, хитрый татарин. — Так, по мелочам все больше... Станицу восстанавливают, в Ханкале гарнизон увеличили наконец-то, танков дали всего пять, зато бронетранспортеров пригнали аж два десятка, новеньких, только с завода. На модернизированные БТР-152 похожи сильно, но намного мощнее и комфортнее. Морда у них прикольная такая, народ их

сразу «свинобразами» окрестил. У Сергеича в «Ратнике» новая фишка — производство «глушаков» наладил и боеприпасов к ним. Говорят — неплохо идут, в основном вояки берут, что через нас на фронт едут. Абы плохо — свой ПБС иметь? А, вот еще новость — Ильяс твой, Байсаров, приподнялся здорово. Он ведь в горах на бывшей территории Непримиримых сейчас самая серьезная, если не сказать — единственная, сила. В других-то тейпах даже намек на вооруженные отряды не осталось. С Ханкалой уже контакты наводит официально, да и выше заглядывает...

— Вы, Олежек, поостроже с ним, но и палку не перегибайте. Он мужик правильный, но на своей волне. В набеге не ходил только потому, что сам это неправильным считал. Мне помог, потому долг чести за ним был, ну и в память о былой дружбе. В остальном же он ни под кого гнуться не будет. То, что против Югории не воевал, когда остальные воевали, — лишнее тому доказательство. Так что, если с ним лишнего заигрывать — сядет с наглой физиономией на шею. Оно вам надо? Проходили уже, хватит! Со строгостью переусердствуете — обидится. А противник он очень серьезный, я его людей в деле видел.

— Сообщу о твоих выводах, но, думаю, в аналитическом у нас тоже не дураки сидят и все уже поняли и просчитали.

— Слушай, — не выдерживаю я, — может, хватит уже? Неужели не понимаешь, каких новостей я от тебя жду?

— Да все я понимаю, — хитро щурится Олег. — На вот, все тебе интересные новости, сам читай, Настя письмо передала...

— Эх ты, морда татарская, вот надо было кота за хвост тянуть! — Я буквально выхватываю конверт из его рук. — Жуй давай, пока чай не остыл! И меня не отвлекать, занят я!

М-да, похоже, напрасно мы с Олегом вчера вечером на праздничном ужине лишнего усугубили. Не стану лукавить, с моей стороны это была банальнейшая попытка подпоить приятеля, в надежде, что у него язык развяжется. Угу, щаз, два раза! Исмагилов вполне убедительно доказал, что особысты водку пить могут чуть ли не ведрами, но о делах службы при этом продолжают молчать с упорством белорусского партизана на допросе. Словом, провалился мой хитрый план с треском и поэтому сейчас, на импровизированном совещании в кабинете Лапшина, сидим мы оба понурые и скучные. Не сказать, что очень страдаем, я так вообще похмелью не сильно подвержен, но чувствуем себя все равно не самым лучшим образом. Мне-то полегче, я поутру уже успел с бойцами на зарядку сбегать. «Трешку» пробежал, на турнике повисел, разогнал кровь по жилам, а вот Олег, похоже, к совещанию только и успел, что душ принять да побриться. В лучшем случае — стакан чаю выпить. Самого хозяина кабинета нет, он накануне по какой-то срочной надобности в Волгоград убыл, а вот начальник разведки подполковник Бурляев и начальник Особого отдела майор Грачев — присутствуют. Оба смотрят на нас с легким осуждением, но вслух не высказываются. То ли статус Олега и субординация не позволяют, то ли (и это более вероятно) просто понимают, что не могло оно быть иначе. Все ж таки два боевых товарища встретились, это вам не хухры-мухры.

— Итак, товарищи офицеры, — берет быка за рога Исмагилов, — надеюсь, что про секретность никому напоминать не нужно. Кроме присутствующих, полковника Лапшина, который будет поставлен в известность сразу после возвращения, и непосредственных исполнителей, до которых суть и цели операции доведут в свое время и в части, их касающейся, ни одна живая душа в округе не должна знать, о чем мы тут с вами говорили. И еще, зная любовь лейтенанта Тюкалова задавать якобы наводящие вопросы в самый неподходящий момент и тем самым уводить беседу очень далеко от первоначальной темы, предлагаю ему зашить себе рот и молча выслушать все, что я скажу, а уж потом расспросы начинать. Идет?

— Дык, герр оберст, елы-палы. Вы ж знаете: Тюкалов только когда можно балабол, а когда не можно — нем, как гробница Тутанхамона, — обиженным голосом заканючил я.

Все-таки Олег явно на меня благотворно влияет, опять же Лапшин своим присутствием не давит, вон, даже ерничать могу. Вот только неодобрение в глазах офицеров Бригады начинает переходить в раздражение. Ну, да, они ж люди военные, субординация, выслуга лет, все такое. А тут какой-то наемник с лейтенантскими погонами над подполковником глумится. Надо их успокоить малость, а то вскипят, как чайники.

— Успокойтесь, товарищи офицеры. Просто так жизнь сложилась, что совсем недавно в Червленной я господину подполковнику кишки его назад в пузо затрамбовывал. Так что, имею право на некоторые вольности. И то, если обстановка позволяет.

— Так, все, хорош трепаться, Миша! — слегка прихлопывает по столу ладонью Исмагилов.

Я принимаю некое подобие стойки «смирно», только в положении сидя и делаю максимально серьезное лицо.

— Что ж, будем считать, что договорились. Итак, цель операции — добраться до Самары и вывезти оттуда изделие П-26/17-бис, предположительно находящееся в развалинах МИК Военно-космических сил РФ.

— Ну, спасибо, что хоть в Самару, а не сразу в Подмосковье, в бывший штаб РВСН в ЗАТО Ногтево...³²

— Миша! — грозно повышает голос Исмагилов.

— Олег, — извини бога ради, — прижимаю руку к сердцу я. — Тогда вопрос по делу: что такое МИК? И что за изделие такое с этой абракадаброй вместо названия?

Исмагилов тяжело вздыхает, мол, кто бы в тебе, трепло, сомневался. Но на вопрос все же отвечает.

— МИК — это монтажно-испытательный комплекс. Сначала, еще при Советском Союзе он принадлежал научно-производственному объединению «Энергия». Потом был практически заброшен, работы по проекту «Энергия» — «Буран» были свернуты, персонал разбрелся кто куда. А за несколько лет до Тьмы весь комплекс передали в ведение ВКС. Так вот, судя по имеющимся в распоряжении Службы безопасности сведениям, за два месяца до начала войны в МИК на испытания было доставлено это самое изделие — новейшей военный спутник наблюдения и связи «Вихрь-2ТМ». По ним же известно, что спутник прошел весь цикл предстартовых испытаний и был готов к запуску. После ядерного удара вывезти его не успели. По крайней мере человек, отвечающий за организацию эвакуации, к МИКу пробиться не смог из-за сильнейших пожаров и покинул Самару вместе с беженцами. Именно благодаря ему у нас и есть вся эта информация. Сам спутник упакован в специальный защитный контейнер и, по идее, пострадать был не должен, ну, при условии, что прямо на него какая-нибудь бетонная плита или стальная балка не упала. Вот держи...

Исмагилов передает мне несколько листов машинописного текста на скрепке. Бегло пролистываю. Ага, понятно, это — описание контейнера: внешний вид, маркировка на стенках, вес брутто. Ох, ни черта себе! Девятьсот семьдесят кило! М-да, увесистая штука, в карман не спрячешь. Так, а это что? Рекомендации по маскировке автотранспорта, рекомендации по внешнему виду, основные социальные группы и особенности поведения их представителей... Это что еще такое? Вопросительно смотрю на Исмагилова.

— Это отчет полковника Удовиченко, — совершенно правильно истолковывает он мой взгляд. — Год назад группа под его руководством прорвалась аж до Тверского Анклава. По пути успели полюбоваться на тамошние реалии, да и тверичи дельными советами помогли. Так что изучи и обдумай. Вам в качестве прикрытия лучше всего небольшой, но зубастой бандой себя выставить... Итак, продолжим. Задача ваша — найти спутник и вывезти его в Югорию.

— А смысл? — скептически хмыкаю я. — Спутник без средства доставки — просто

³² ЗАТО — Закрытое административно-территориальное образование. Специально для осведомленных в вопросе читателей: автор прекрасно знает, что штаб Ракетных войск стратегического назначения находится совсем в другом подмосковном ЗАТО. Но так ли важно настоящее название и нужно ли оно в этом тексте?

куча высокотехнологичного железа.

— Средство доставки есть. На Байконуре смогли сохранить один «Протон», его как раз перед войной к старту готовили, он должен был очередной спутник ГЛОНАССа на орбиту выводить. Сначала он там, в ангаре, просто лежал, никому не нужный, потом, когда все более-менее успокоилось и в норму пришло понемногу, тамошние сообразили, какая это ценность. И обеспечили полную консервацию всего, что там могло накрыться, и просто бережно хранили все остальное. Так что ракетоноситель вполне исправный. С гептилом для него украинцы помогли. Подробностей и я не знаю, и тебе они не нужны совершенно. Одним словом — проект этот совместный, и Югороссия вносит в него свою долю спутником. Потому-то и нужно его найти любой ценой.

— Извини, Олег, но ведь один спутник — это же очень мало...

— Ты еще и в спутниках разбираешься? — иронично бросает начальник Особого отдела Бригады.

— Угу, — спокойно и уверенно смотрю я ему в глаза. — Просто в школе на уроках на задней парте не спал, как некоторые. Так что, на какую орбиту планируется выводить? Геостационарную? Низкую круговую, высокую?

Не ожидавший такого выпада Грачев сразу тушуетсся и краснеет. Уж не знаю, что именно преподают в здешних школах на уроках астрономии, но, похоже, с задней партой и сном я в самую точку попал.

— На высокую эллиптическую, Миша, — ехидно отзывается Исмагилов. — И что это тебе сказало?

— Достаточно, — будто и не заметив подкола, отвечаю я. — Высокая скорость и небольшая высота в перигее, низкая скорость и большая высота в апогее. Огромная площадь покрытия. Средний период вращения спутника — порядка двенадцати часов. Вот только одного все же мало будет, чтобы обеспечить квазистационарность как минимум три, а лучше — шесть-восемь нужно.

С каменной рожей, но испытывая в душе «чувство глубокого удовлетворения», как говаривал один бровастый генсек, оглядываю три вытянувшиеся физиономии, уставившиеся на меня огромными от удивления глазами.

— Я же говорю, в школе на уроках не спал, — добиваю я их.

На самом деле секрет моих познаний прост: в командировке, кажется, 2001 года единственным чтивом, которое удалось раздобыть, был неизвестно какими путями попавший на блок-пост журнал «Авиация и космонавтика», мятый, грязный и без обложки. И от скуки я умудрился его чуть ли не наизусть вызубрить, вот и шпарю сейчас, словно по писаному. Но эти подробности им знать совершенно ни к чему, пускай сидят и поражаются широте моих познаний.

— Кхм, — первым в себя приходим Исмагилов, ну, да, он все-таки в курсе, кто я такой на самом деле. — Даже один спутник — это уверенная связь и возможность наблюдения за поверхностью несколько часов в сутки. У противника нет и этого, кроме того, ты сам сказал — площадь покрытия, а вернее — обслуживания очень велика. Значит, кроме непосредственно зоны боевых действий с турками сможем много чего еще интересного увидеть. Благо, тамошние приборы, судя по описанию, такое увеличение дают — газету, на улице лежащую, с орбиты читать можно. Учитывая, что у противника, как, впрочем, и у нас, даже с авиацией проблемы, спутник в космосе — это серьезный козырь.

Возразить нечего, мне остается только согласно кивнуть.

— Остается самый важный вопрос...

— Да, конечно, — подхватывает Олег. — По оплате вам предлагается следующее: если задание будет выполнено, то всем бойцам группы, как живым, так и погибшим, в смысле, их семьям, назначается пожизненная ежемесячная выплата в размере пятнадцати рублей золотом.

— А если не будет?

— Лучше, — с нажимом отвечает Исмагилов, — чтобы было выполнено. Но если вдруг

у вас ничего не выйдет, то я взял в Червленной у Убивца стандартный контракт. Тот, что на «проводку» колонны, посуточный. Он толковый, и все ситуации, вплоть до ранения или смерти бойца, предусматривает. Вот по нему и заплатим.

Что ж, справедливо, тут нужно отдать контрразведке должное. Вот только вопрос у меня был совсем о другом, и размеры оплаты только утвердили меня в правильности догадки. Уж больно сумма обещана малореальная. Имея месячный доход в пятнадцать рублей золотом, можно смело вешать бандану и автомат на стену и до конца жизни не работать, а валяться в саду собственного домика в тенечке, черешневыми косточками поплеывая. За красивые глаза таких денег не предложат.

— Я не про это спросить хотел, Олег. Деньги — хорошо, большие деньги — вообще прекрасно. Вот разъясни только, где именно ты нас кидаешь-то?

Офицеры Бригады снова недовольно хмурят брови. Им подобное обращение к старшему по званию явно не по душе, а вот Исмагилов держится так, словно этого вопроса ждал. А может, и правда ждал, кто его знает.

— Никто вас кинуть не пытается, просто ты по своему обыкновению снова не дослушал. Задача у вас, как я уже и говорил, очень сложная. Просто прогулка туда и назад за ящиком, пусть тяжелым и дорогим, тех денег, что вам предлагают, не стоит. А главная сложность вашей миссии в том, что район Самары не является необитаемым. Мало того, обитатели тамошние — не просто банда бредунов, кочевых или оседлых. В тех краях обитает, пожалуй, самый опасный главарь из всех нам известных — некто Черный Полковник. Судя по всему, он бывший офицер Российской армии, причем явно не связист или летчик. Его банда — это примерно шесть сотен человек, может, и не самая большая из тех, о которых мы знаем, но, пожалуй, самая подготовленная. Ее смело можно считать двумя батальонами. Не ОсНаз, конечно, но уровень хорошо обученного мотопехотного подразделения они имеют. Главное же — Черный Полковник ненавидит Югорию лютой, какой-то просто животной ненавистью. Что творят его подручные во время налетов — это психически нормальному человеку даже вообразить себе сложно.

М-да, скажите-скажите, Черный Полковник... Черный Тюльпан... Зорро, мать его. Если б не слова Исмагилова про два батальона головорезов, то я всерьез такого противника не воспринял бы. Уж больно фиглярством и дешевой опереткой от этого прозвища тащит. Но, человек, имеющий за спиной шесть сотен бойцов, может себе и не такие чудачества позволить. Поэтому заслуживает этот Полковник отношения самого серьезного, будь он там Черный, Зеленый или Серо-Буро-Малиновый в оранжевую крапинку.

— Ну, спасибо, удружили, — привстав со стула, я изображаю намек на поясной поклон. — Отправляете в самое пекло, да еще и с таким хлипким прикрытием. Не пойдет.

— Что именно? — уточняет Олег.

— Прикрытие ваше не пойдет, потому как полное фуфло! Одно дело по безлюдным территориям проехать, под бредунов нарядившись. Если кто издаля увидит — решит, что банда. А вот перед настоящими бредунами комедию ломать — ну его на фиг! Они ж нас раскусят с ходу. Это как в уголовном розыске: любой опер знает и законы преступного мира, и особенности поведения уголовников, но вот изобразить урку так, чтобы настоящие бандиты купились, — дано не каждому. Мне — точно не дано, даже пытаться не буду. Верная смерть.

— Твои предложения?

Я на несколько секунд задумался.

— Элементарно — дезертиры! У нас же сейчас война. Вот, допустим, взвод что-то этакое отчебучил, что именно — еще подумаем, чтоб на правду похоже было, и в бега подался. А куда из Югории бежать? Только на Пустоши. Скажем, через Казахстан. Там степи, проскочить можно. Да и момент нашего типа прорыва можно обставить со всей пышностью: пальбой, взрывами и прочими спецэффектами. Для реалистичности...

Олег моей идеей явно заинтересовался.

— А что, — встревает вдруг в разговор Бурляев, — толковая мысль! И путь

непосредственно по Пустошам здорово сократить можно. Организовать этот «прорыв» где-нибудь в районе Уральска... Оттуда до Самары куда ближе, чем от нас.

— Стоит подумать, — согласно кивает Исмагилов. — Вот только на этом ваши проблемы не заканчиваются...

— Что, еще что-то есть?! — мне и так уже не по себе от такой вводной, а тут оказывается, что «приятные сюрпризы» еще не закончились.

— Есть. Наши специалисты пришли к выводу, что захваченные вами у контрабандистов блоки системы упр...

Олег замолкает на полуслове, заметив, встревоженную жестикуляцию начальника Особого отдела Бригады.

— В чем дело, товарищ майор?

— При всем уважении, товарищ подполковник, — Грачев виновато разводит руками, — насколько мне известно, лейтенант Тюкалов не имеет соответствующего уровня допуска и вряд ли стоит разглашать в его присутствии секретные сведения.

— Успокойтесь, Николай Иванович, — уверенно отвечает Олег, — все необходимые допуски у Михаила Николаевича уже есть. Причем получены они на самом высоком уровне. Его кандидатура утверждена лично министром обороны и Президентом.

Не буду лукавить, проняло даже меня. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не грохнуть по полированной столешнице упавшей челюстью. Про бригадное начальство и говорить нечего — устали на меня, словно на незнамо какую диковину. Даже муха под потолком, и та вдруг замолкла. Все, абзац! «Ревизор», немая сцена.

— Итак, на чем я остановился? — как ни в чем не бывало продолжил Исмагилов. — Так вот, наши аналитики уверены, что покупателем захваченных вами блоков системы управления запуска для баллистической ракеты «Тополь-М» является все тот же самый Черный Полковник.

Ох, твою ж мать в коромысло через семь гробов точно в центр мирового равновесия! Ни хрена себе новость!!!

— Стоп, одну секунду, — прерываю я Олега. — И ты так спокойно об этом говоришь? Неужто не понятно, на кой ляд ему эти блоки и сам «Тополь»? Он что, в ядерную войну еще раз поиграть собрался? А с учетом его «любви» к Югороссии...

— Чуть спокойнее, Миша, — жестом останавливает меня контрразведчик. — Начнем с того, что ни необходимых блоков системы управления у него нет, благодаря вам, кстати, ни боеголовки. Это точная информация и хорошая ее часть. Плохая в том, что Черный Полковник тоже ищет изделие П-26/17-бис. Причем он твердо уверен, что это какое-то просто чудовищной силы оружие.

— А он точно ошибается? — просыпается моя здоровая паранойя.

Как-то меня совсем не прельщают лавры человека, по вине которого и без того искалеченный ядерной войной мир переживет еще одну «зачистку». Хватит, один раз уже с оружием массового поражения побаловались, второй раз — без меня, какие бы благородные и возвышенные цели под эту гнусь ни подводили.

— Спутник там, Миша, — глазами взрослого и умного человека, вынужденного объяснять прописные истины бестолковому ребенку смотрит на меня Исмагилов. — Хороший, даже очень хороший, но всего лишь спутник. Если все выгорит — то на восемь лет Югороссия будет обеспечена и хорошей, пусть и не постоянной, спутниковой связью, и «космическим оком». А ежели повезет — то и подольше, но гарантированный срок службы «Вихря» — восемь лет.

— Понятненько... — тяну я время, собираясь с мыслями и решаясь.

С одной стороны, действительно, подобный туз в рукаве Республики — серьезное подспорье в войне с Турцией. Победу не гарантирует, но может ее здорово облегчить и приблизить. Да и кроме сугубо военных областей его много где применить можно. Восемь лет — срок не малый. К тому же в области космоса наши всегда с хорошим запасом прочности все делали. Ту же самую станцию «Мир» вспомнить. Сколько она там сверх

положенного срока на орбите провисела, прежде чем ею решили тихоокеанскую селедку поглотить? А с другой — сказать, что задание опасное, — значит ничего не сказать. Сам собой на ум пришел диалог из фильма «Перл-Харбор»:

— Вы знаете, что такое особое задание?

— Да, за его выполнение дадут орден. Но вручат его, скорее всего, уже семье.

Опять же, с парнями посоветоваться нужно. Если что — не мне одному там жизнью рисковать. Конечно, никаких деталей я им пока рассказать не смогу, но просто сообщить о степени риска — обязан. Тогда и решим, так сказать, коллегиально.

— Ну, Олег, и работенку ты нам подкидываешь...

— Знаю, — кивает он, — риск большой.

— Большой? — у меня вырывается нервный смешок. — Да это не задание, а просто билет в один конец какой-то!

— Не настолько все плохо, — не соглашается Исмагилов. — Шансы есть, и весьма неплохие. На верную смерть вас гнать никто не собирается, от героической вашей гибели никому пользы не будет. Нам нужен спутник, а не ваши трупы.

— Так, мне нужно время, посоветуюсь с ребятами. Без подробностей, просто скажу, что предложили очень щедрый, но очень опасный контракт. Если три десятка желающих наберется — считайте, что я согласен. Только и от вас серьезная помощь потребуется.

— Какая именно? — раскрывает лежащий перед ним с самого начала совещания блокнот Исмагилов.

— Сразу не скажу, но, как минимум: автотранспорт, я от остающейся тут части отряда технику отрывать не могу, им тут тоже боевые задачи выполнять придется. «Броня», лучше старого образца, БТР-80 в самый раз будет, только чтобы исправный.

— Не боишься на малознакомой технике фактически во вражеский тыл? — внимательно смотрит на меня Бурляев.

— Нет, товарищ подполковник. Я туда на своем транспорте поеду, а полученное от вас тут взамен оставляю. Если что случится — последствия не такими тяжелыми окажутся. По вооружению тоже некоторые требования есть, но это уже чуть позже обсудим, когда с БЧС³³ группы определимся. Карты тамошних мест нужны, все доступные сведения о том, что там и как. Подозреваю, что во время Тьмы там многое поменялось, вплоть до ландшафта.

— И как такие подробные карты впишутся в легенду о дезертирах? — интересуется майор Грачев.

— А никак. Я их с собой брать не собираюсь. Тут изучу, главное — запомню, остальное в виде крок или пометок на какой-нибудь плохонькой, вроде дорожного атласа, карте, какая у дезертира вполне оказаться может.

— Продукты, бензовоз какой-нибудь, одежда как у бредунов или ходоков, чтоб в глаза не бросаться, — продолжает мою мысль Бурляев.

— Продукты — да. Остальное не нужно, — отрицательно мотаю головой я. — Мы там кто? Дезертиры. А значит, просто обязаны в глаза бросаться, потому как не местные и порядков не знаем. Да и «керосинка» ни к чему. И опасность лишняя, и какие-то уж слишком предусмотрительные дезертиры получают — бежали впопыхах, но грузовик с горючкой прихватили. Подозрительно.

— А что тогда? — это уже снова Исмагилов.

— Во-первых, какие-то материальные ценности, компактные, но имеющие хорошую стоимость. За них-то мы и получим все необходимое от бредунов, и горючее, и одежду, и все остальное.

— А не раскулачат вас там, таких «богатеньких буратин»? — снова пытается поддеть Грачев.

Нет, вот вроде хороший он мужик, но все равно работа отпечаток на характер

³³ БЧС — боевой численный состав.

накладывает.

— Это как себя поставим. Дураков, как известно, и в алтаре бьют. А вот серьезных и уверенных в себе парней даже самые отмороженные просто так трогать опасаются. Только дезертиры, которые все с собой притащили, слишком подозрительно выглядеть будут.

— Есть мысль, — немного подумав, отзывается Исмагилов. — Надеюсь, руководство СБ пойдет в этом вопросе нам навстречу. Что, если выдать вам в качестве «обменного фонда» некоторое количество турецких денег, что на территории Грузии, Армении и Азербайджана захватили? Это, кстати, и легендой может стать: влезли наемники на освобожденной от турок территории в банк, давай карманы набивать. А тут, как снег на голову, армейцы. Слово за слово, понятно, чем по столу... И готовы несколько свежих покойничков из числа военнослужащих. Тут до наемников и доходит, что все произошедшее языком военного прокурора называется мародерство и убийство, а то и вооруженный мятеж. Трибунал, одним словом... И «вышка». Ну, они не будь дураки, и рванули в те края, где Фемида не дотянется... И все, что в банке взяли — с собой прихватили. Золото, оно и в Африке, и на Пустошах — золото. А турецкое или югороссийское... Бредунам все равно, они любое примут.

— Толково, — соглашаюсь я. — Вполне правдоподобно и многое объясняет. Но, есть еще одна трудность. Проводник нам нужен. Бывал из здешних ходоков кто в тех краях?

Особист и начальник разведки переглядываются.

— В сторону Самары у нас несколько раз только один человек ходил, — неуверенно начал Грачев. — Волженков Александр Александрович, Рыжий. Но он без вести пропал прошлой осенью. А кроме него...

— Если только ученик его, — добавляет Бурляев. — Рыжий его брал с собой в одну ходку. Только он сопляк еще совсем, хоть и не без способностей.

— Сопляка вашего, часом, — вспоминаю я спасенного в Пустошах мальчонку-ходока, — не Вова Стельмашок зовут? Который Малек?

— Он, — согласно кивает начальник разведки.

— Ну, тогда, мне кажется, он нам подойдет, если согласится, конечно.

Володя сидел за столом на маленькой, но уютной и аккуратно прибранной сестренкой, кухне и чистил на разложенной старой газете трофейный ТТ. Все остальное: и отвертки, и генераторы, и дрель с болгаркой и дисками, и даже самозарядный симоновский карабин он продал сразу же после возвращения. Причем если весь остальной хабар просто принес им с Маришкой, пусть и ненадолго, некоторое финансовое благополучие, то вот доставшийся от убитого бредуна СКС еще и серьезно поднял статус молодого ходока. До этого отношение к Вовке Мальку у взрослых «коллег по цеху» было жалостливо-снисходительное. Ну, да, был у Саши Рыжего молодой ученик, который после того, как учитель сгинул, начал сам на Пустоши ходить, чтоб с голоду ноги не протянуть. Гордый паренек, скулить и помощи просить не начал — молодец. Даже кое-какой не совсем бросовый хабар приносить начал — дважды молодец. Но, все равно, малец еще совсем. Какое к нему может быть серьезное отношение? Володя все прекрасно понимал и не обижался. Мало того, в отличие от других ходоков он знал, что весь якобы добытый им по зиме хабар — всего лишь вскрытые малые схроны Рыжего, которых он в буферной зоне на границе с Пустошами понаделал великое множество. Как он тогда объяснял Володе — на черный день. Мол, придет нужда, а сил не будет, так сюда и на одной ноге допрыгать можно. Или если прямо в пути беда застанет, а до дома будет слишком далеко. Хабар в тех схронах лежал не самый дорогой и ценный: патроны, кое-какие медикаменты и всякое разное по мелочам. Но только благодаря этим «беличьим запасам» они с Маринкой до весны и дотянули. Были, конечно, и более серьезные, как их называл Рыжий — «стратегические» тайники, в которых он хранил добытые на Пустошах радиодетали, часы, инструменты, разную исправную и еще подлежащую восстановлению электронику. Но в такой Володя запустил руку только однажды, когда угроза голодной смерти была почти неминуемой. А чтобы просто так запасы

учителя потрошить начать — об этом молодой ходок и подумать не мог. Даже в малые, «тактические», схроны он перестал заглядывать сразу же, как начал приносить в Иловлю собственноручно добытый хабар.

В ту самую секунду, когда он вошел в «Ржавую гильзу» — кабак, уже лет пятнадцать как облюбованный ходоками, и в котором можно было не только выпить пивка или водочки и закусить, но и продать добытое в Пустошах, с трофейным карабином в руках, все изменилось. Он неспешно прошел через зал к барной стойке и положил рюкзак и СКС на прилавок перед хозяином «Гильзы», ушлым и веселым, похожим на цыгана мужичком по прозвищу Жук.

— Я хочу сдать хабар.

— Что, Малек, — цыкнул тот зубом, — похоже, ходка была удачной?

— Начало было удачным, а вот концовка чуть хреновой не стала. Еле жив остался, — ответил Володя. — Бредуны уже южнее Камышина забираться начали. Нарвался на банду рыл в двадцать. Если б не наемники из Большой Ивановки, так бы в Ольховке и остался. Так что, коллеги, берегите себя.

По «Гильзе» словно ледяным ветерком сквозануло. И само словечко «коллеги» и присловье-пожелание «береги себя» любил использовать в разговорах Рыжий. А Волженков был в Иловле самым старым и самым опытным. Он когда-то большинство сидящих в зале ходоков еще зелеными, ничего не умеющими толком юнцами видел. И советами помогал, и объяснял, и подсказывал. И настолько Володя в тот момент и голосом, и интонациями на учителя своего похож был, что многих словно морозом пробрало, передернуло, будто привидение увидели.

И обернувшийся в зал Стельмашок по лицам и по поведению сидящих за столиками понял — все, он больше для этих людей не сопляк зеленый, на которого можно снисходительно сверху вниз поглядывать. Он теперь в «Гильзе» равный, он теперь полноправный ходок. Как любил порой пошутить подвыпивший Рыжий: «Сталкер, мля, краса и гордость радиоактивных Пустошей».

— Вов, ты уснул что ли?

— А? — встряхивает головой Володя.

— Да я тебя уже раза три спросила: «Кушать будешь?», — участливо смотрит на него Маришка. — А ты сидишь молчишь, только железяку свою в руках крутишь...

— Прости, маленькая, задумался.

— О чем? К терским, что ли, податься задумал?

Вот, блин, точно говорят — женщины нас, мужиков, насквозь видят. Вон, Маринке десять лет всего, а ничего не утаить, будто сердцем чувствует. Действительно, с самого момента почти невероятного спасения Володя только и думал о том, как бы попробовать в отряд к этому гиганту с веселыми и умными глазами попасть. Быть ходоком, особенно таким бывалым и опытным как его учитель — это очень здорово. И достаток, и уважение, хоть и опасно, конечно. Но Володе сызмальства хотелось чего-то другого. Он даже всерьез подумывал о том, чтобы, как только восемнадцать стукнет, в пограничники податься. Опасностей в службе у тех тоже хватает, но сама такая служба была ему куда более по душе. А тут вдруг в округе появился отряд, по сравнению с которым даже пограничники выглядели несколько бледно. Может, попробовать к ним? Возьмут ли? Да, возраст у него не великий, ну так наводчик в их бронетранспортере тоже далеко не дедушка. Ну, может, он не такой сильный, как тот же Саша Шуруп или уж тем более Тюкалов, но зато шустрый и наблюдательный. А боевой опыт — дело наживное. Вот только как бы к ним подкатить с просьбой? Не хочется, чтобы все выглядело так, будто он чего-то выклянчивает. Но других вариантов, похоже, просто нет.

— Все, точно уснул! — Маринка, уперев кулачки в бока, с укоризной смотрит на брата. — Второй раз кулеш греть не буду, так и знай! Сама поем, а тебе придется холодный лопать.

— Прости, Мариш, больше не буду, — улыбается Володя, сгребая со стола закапанную

ружейным маслом газету и убирая на подоконник масленку, протирку и собранный ТТ. — Давай носи свой кулеш, а то что-то я и впрямь замечтался.

Но нормально поесть все равно не получилось, через пару минут кто-то настойчиво постучал в дверь. Жестом остановив было подскочившую сестренку, мол, сиди, сам открою, Володя пошел встречать гостей и просто обомлел, когда открыв увидел на крыльчке Тюкалова в компании еще одного незнакомого офицера в черной форме СБ и подполковничьи звезды на погонах.

— Здрав будь, хозяин, — перешагнув порог, протянул ему руку Михаил. — Извини, что побеспокоили, но мы по делу к тебе. Кстати, знакомься, это мой старый друг, начальник контрразведки Терского Фронта подполковник Исмагилов.

Ходок и контрразведчик, почти одновременно кивнув, пожали друг другу руки.

— Дело сильно важное? — с огромным трудом Стельмашку удалось сохранить на лице невозмутимое выражение, хотя душа прямо-таки райской птицей запела. — А то я обедаю. Кстати, проходите на кухню, и на вас хватит. У Маринки сегодня отличный кулеш, вам понравится.

— Спасибо за предложение, — Михаил разводит руками и улыбается, — но не голодные мы. А дело важное, но не сильно срочное. Так что, айда на кухню, ты покушаешь, а я тебе пока все распишу в подробностях.

— Не буду вокруг да около долго ходить, — начинает Михаил, когда все рассаживаются вокруг стола, — есть группа, уходящая на север с важным заданием. Нужен грамотный проводник, хорошо знающий Пустоши.

— А почему именно ко мне пришли? — Володя из последних сил крепился, стараясь говорить спокойным и даже немного равнодушным голосом, хотя отлично понимал — вот он, его шанс и упускать его нельзя ни в коем случае. — Есть ходоки куда старше и уж точно куда опытнее.

— Есть, — согласно кивает Тюкалов. — Но нужен именно ты. Потому как пойдем к Самаре.

— Куда?! — вся напускная невозмутимость с Володи слетела в один миг. — Мужики, вы здоровы вообще? Что вы в Самаре забыли? Там же Черный Полковник.

Наемник и контрразведчик обмениваются быстрыми взглядами.

— Ну, что я тебе говорил Олег? — Тюкалова ответ Володи почему-то явно обрадовал. — Он нам точно подходит!

С парнями в расположении отряда разговор вышел долгий и непростой. Рассевшиеся на первых ярусах застеленных серыми армейскими одеялами коек мужики — это вам не пацан-ходок семнадцатилетний, который как ни пыжился, как ни старался выглядеть невозмутимым и незаинтересованным, блеска в глазах спрятать так и не смог. Среди наемников таких практически не бывает, даже совсем молодые хлопцы, вроде моего первого напарника Курсанта — Толи Коломийцева или наводчика нашего БТР Сережки Горбова, позывного пока не заслужившего, от романтической шелухи избавляются очень быстро. Нету в войне ничего хорошего. Это только в кино все выглядит красиво и пафосно. В жизни — кровь, гарь, грязь и вонь. И подчиненные мои об этом отлично знают. Их тягой к приключениям не привлечешь, они натуры заглубевшие и практичные. А главное — опытные, битые. И непомерно высокая за внешне вполне обычную (прокатились куда-то, взяли что-то и назад вернулись) задачу цена их, так же как и меня чуть раньше, с ходу настораживает. Но они мне верят и потому вслух ясно видимый в их глазах вопрос: «Командир, а в чем подвох?» — никто не произносит. Я к этому вопросу перехожу сам.

— Значит так, мужики, из соображений секретности ни маршрут наш, ни конечную его точку, ни точную цель я вам назвать прямо сейчас не могу.

Парни снова молчат, но на лицах их читается неудовольствие. А то! Интересно, а как бы я выглядел, если бы мне предложили отправляться неведомо куда и непонятно за каким хреном.

— Все, что я знаю по нашей задаче — расскажу вам обязательно, — продолжаю я. — Но только тем, кто войдет в состав группы, и только после того, как мы покинем Большую Ивановку. Не подумайте, что я вам не доверяю, но информация — штука такая, имеет свойство утекать, словно вода сквозь пальцы. И не уследишь как, а она уже ушла. Причем по закону всемирного свинства, уйдет она именно туда, где ей будут очень рады.

— Но хотя бы в общих чертах можно узнать что-то кроме «кое-куда съездим и кое-что привезем, а взамен получим золотые горы и молочные реки в кисельных берегах до кучи»? — интересуется Артем Коваль.

— Можно. Едем в глубь Пустоши. Не сказать, чтобы сильно далеко, но километров на двести — двести пятьдесят заберемся. Сведения о тамошних делах у нас весьма скудные, но из того, что знаем, можно сделать один вывод — легкой прогулки не получится. Там довольно сложный рельеф: слияние двух крупных рек, масса мелких протоков, а вокруг — холмы и лес, плюс — много разрушенных населенных пунктов...

— Радиация как? — это уже сидящий рядом с Ковалем Шуруп.

— Вряд ли, — отрицательно качаю головой я. — Бредуны, конечно, ребята с прибабахом и лезут где ни попадя, но базу строить в местах с высоким фоном не станут.

— А база, значит, есть?

— Угу, и это — главная проблема. Район держит крупная и очень серьезная банда. Уровень подготовки у них, примерно как у Непримирих из Ведено или Итум-Кале. Серьезные противники, и весьма многочисленные. Стволы шестисот банда выставить сможет.

Кто-то из парней громко выдохнул, а Курсант тихонько присвистнул.

— Ни хрена себе... И что, мы при соотношении двадцать к одному их всех забороть должны?

— Нет, наша задача — просто найти и привезти нужную заказчику вещь. В конфликт с местными вообще лучше не вступать.

— Что, кто-то там, — Коваль указательным пальцем тычет в потолок, — верит в то, что тридцать человек на автомобилях и бронетехнике смогут незаметно просочиться через обитаемые земли?

— Нет, Артем, там надеются, что наших артистических способностей хватит на то, чтобы изобразить группу сбежавших от угрозы трибунала югоросских дезертиров. А уж там — как себя поставим. Я так понял по данным разведки, что у бредунов совсем уж отмороженных, которых выроднями кличут, не так уж много. Эти опасны всегда и для всех, включая самих бредунов. Кочевые банды выродней вообще никаких законов или понятий не соблюдают. Ходят слухи, что кроме убийств и разбоя они еще и людоедством не брезгают.

— Мля-я-я, — тихонечко тянет кто-то.

— Да уж, — соглашаюсь я. — Но таких, как я понял, не так уж много. Остальные относительно адекватны. Верить им и неприкрытую спину подставлять нельзя ни в коем случае, но если тебя признают равным по силе, то по беспределу буром переть не станут, особенно в поселке или городке каком-нибудь. Там обычно что-то вроде нейтралитета держат. Мол, пока ведешь себя спокойно и стволом не машешь не по делу, к тебе относиться будут равно, а заслужишь — так и с уважением. Что вовсе не исключает возможности заработать нож или пулю в брюхо в пьяной драке в кабаке, если ты будешь настолько глуп, что сам ее спровоцируешь, или нарваться на засаду в паре-тройке километрах от этого самого поселка. Причем устроят ее те, кто час назад с тобой за соседним столом в трактире сидел и сплетни местные рассказывал.

— Ничего себе перспектива... — вид у Шурупа озадаченный и задумчивый. — Хреновенько...

— Нормально, — не соглашаюсь я. — Просто зарекомендовать себя с ходу нужно правильно и потом булки не расслаблять.

— А подробности такие откуда? — спрашивает Руслан.

— Из отчета. Мы далеко не первая группа, что в Пустоши уходит. Были и другие.

Причем — размерами меньше, а ходили намного дальше. И смогли не только задание выполнить, но и назад вернуться, и подробный толковый отчет обо всем, что видели и слышали, написать. А мы что, хуже? Что сидите, будто на похоронах? Нас ведь из-под палки туда никто не гонит. Не согласимся, будем дальше в здешних краях сусликов пасти да контрабанду ловить. В принципе — тоже дело нужное и важное, да и платят нормально. Вот только не пожалеет ли потом? Такие контракты только один раз предлагают.

— Кстати о других группах, — Коваль явно колеблется и, прежде чем принять решение, хочет расставить все точки над «ё». — А почему именно мы? Раз армейская или эсбэшная «спецура» уже глубоко в Пустошах бывала, то что ж их-то не послали?

— Хороший вопрос, Артем, — морщит лоб, собираясь с мыслями я. — И ответа на него у меня нет. Мало того, у привезшего это предложение Исмагилова его тоже не имеется. Операцию разрабатывал и продумывал не он, а люди, сидящие в куда более высоких креслах. Олег тут только потому, что все мы и особенно я, как ваш командир, его знаем, ну, и доверяем ему, не без того. Человеку, с которым бок о бок сражался, отказать сложнее, тут они все грамотно рассчитали. Но он — всего лишь посыльный, который и сам в курсе дел только, как это в армии любят говорить: «в части, его касающейся».

— Все по Суворову, — хмыкает Руслан. — «Каждый солдат должен знать свой маневр». А вот больше — ни-ни...

— Точно.

— А по деньгам-то не кинут, командир? — спрашивает кто-то.

— Сомневаюсь, — отрицательно качаю головой я. — Не тот уровень. Слишком серьезные люди наши кандидатуры отобрали и утверждали.

— Ну, хоть это неплохо. А свои-то соображения какие есть по теме? — интересуется все тот же голос, но на этот раз его обладатель слегка привстал, и я смог разглядеть спрашивающего — Сергея Акимовкина.

— Лично у меня версий по этому поводу две, Сергей. И обе — так себе. Первая — у Югороссии на самом деле настолько плохи дела, что они роту «спецуры» для выполнения задания найти не смогли. Но, в таком случае, даже если мы задачу выполним, войну выиграть это не поможет. Вторая — что задание наше, конечно, важное, но не настолько, чтобы своими спеццами рисковать. Типа, получится — отлично, не получится — да и бог бы с ним, не сильно-то и хотелось, хорошо хоть людей своих не потеряли. А наемников не так жалко...

Я на несколько мгновений замолкаю. На самом деле, версий у меня целых три, но последнюю я парням не озвучу. Потому как она совсем уж для нас поганая. И я очень надеюсь, что она не верна.

— В любом случае, хлопцы, решать, беремся или нет, — вам. Я только повторяю — второй раз такой жирный шанс нам судьба точно не подарит.

— Насчет шанса, ты, конечно, прав, командир. Но живем тоже только один раз, — глядя в пол, произносит Сергей.

Этот немолодой уже мужик, с сильной сединой в усах и коротко стриженных волосах, до нападения турок на Терской Фронт был заместителем командира отряда в Шелкозаводской. Хороший, говорят, отряд был: грамотный умный командир, неплохо подготовленные бойцы. Одно плохо — маленький. С другой стороны — и станица тоже небольшая... Была. Одним словом, когда со стороны Дагестана армейцы подошли, все, что там могло сгореть, уже дотлевало. В живых человек с полсотни осталось, среди них и Сергей. Единственный из всего своего отряда. Мужик он толковый, неглупый и знающий. Я его в самом ближайшем будущем на должность взводного думаю поставить. Толя Курсант, Коваль и Аким, думаю, с такими взводными хлопот у меня будет куда меньше, чем сейчас, вот только подучу их еще малость и можно назначать.

— Согласен с тобою, Сергей, риск там очень серьезный. Вот только если мы это задание выполним, то на совсем другой уровень перейдем, как мне кажется. Сможем себя в глазах заказчика зарекомендовать как следует — возможно, и другие контракты появятся.

Как я погляжу — платит государство весьма щедро. А откажемся — и пролетим мимо кассы. Думайте, парни, решение за вами, я давить ни на кого не собираюсь.

Первыми, как я и ожидал, если честно, решилаась и, переглянувшись, высоко, словно прося разрешения ответить на уроке, подняла руки моя «не совсем святая троица»: Курсант, Шуруп и Коваль.

— Ай, двум смертям не бывать! — комментирует свое решение Саня. — Зато не буду потом до конца жизни локти кусать, что такой куш упустил. Да и интересно — куда ж нас зашлют-то?

Доводы подействовали, и вверх тянутся все новые ладони. Сначала только «старая гвардия» знакомая мне еще по отряду Убивца, но и среди новичков (хотя, какие они, в баню, новички — многим к сороковнику уже) решительных и отчаянных оказалось немало. Прикидываю общее количество: необходимые три десятка точно набрались, даже немного больше. Ну, что ж, значит, ждет нас путь-дорога на стольный град Самару.

Ага, ждет, конечно... Нет, поехать-то поедem, но вот только о-о-очень не сразу. Это в книжках или в кино все ладно выходит — решили и тут же поехали. В жизни все куда сложнее, и подготовка заняла у нас почти неделю. А вы думали? Это генералу какому-нибудь в штабе хорошо, отдал приказ: «В указанный срок организовать передислокацию подразделения N из пункта А в пункт Б» — и сиди, контролируй, как подчиненные его исполнять будут, периодически отческим ебуком их подбадривая. А как все организовать — пусть у них голова и болит. Вот только быть одним из этих самых подчиненных — дело суетное, хлопотное. Над картами посидеть и с помощью уже бывавшего в тех краях Вовы Стельмашка примерный маршрут движения составить необходимо? Да в первую очередь! Причем маршрут «туда» еще полбеда: прикинули, где наша техника проползти сможет, чтобы ни через леса, ни через болота, ни через крупные реки пробираться не пришлось, а уж на месте окончательно и определимся. Тем более что Володя уже знает, где там проехать можно. С маршрутом «оттуда» все гораздо сложнее. Никто ведь не в курсе, как именно мы назад возвращаться будем. Удастся все тихо сделать — хорошо. А если нет? Если с боем вырываться придется, догоняющего противника с хвоста стряхивая? Тут уж как минимум три варианта путей отхода готовить нужно. Как говаривал некогда незабвенный прапорщик Комаров: «Прежде чем куда-то влезть, хорошенько обдумай, как именно вылезать будешь». Вот и сиди, думай, башкой пухни, коли она тебе дорога. И ведь это только начало... Список всего в ходе операции необходимого составить нужно? А то! Потом еще и проверить — что из списка у отряда есть, чего нет, на недостающее заявки подать да со складов получить. Та еще морока! Это ведь и продукты, и боеприпасы, и вооружение, и снаряжение, и топливо... Блин, да проще перечислить то, о чем беспокоиться не нужно! К тому же «пожитки собрать» нужно с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, — все необходимое под рукой было, а с другой — подозрений лишних у стороннего наблюдателя не вызывало. Ведь по легенде мы — просто беглецы от угрозы трибунала когти рвущие. Следовательно — заранее ничего не планировавшие. Отсюда вывод — никаких излишков имущества у нас при себе нет, и быть не может. Кроме того, просто необходимо свой автотранспорт и бронетехнику к долгому маршу подготовить, а те машины, что взамен здесь останутся, — в божеский вид привести. Потому как знаю я эту «славную» армейскую практику: отдадут только то, что не жалко, по принципу «На тоби, убоже, що нам негоже». Однозначно попытаются подсуropic какой-нибудь металлолом. А парням нашим на нем по здешним степям кататься, контрабандистов да залетные шайки налетчиков-бредунов отваживать. С «броней» тоже, кстати, история вышла... Если коротко — снова пополнение у нас: вместо изначально планируемого грузовика — «сто тридцать первого» ЗиЛка или «Урала-375» решили брать новый югоросский бронетранспортер «Секач». Тот самый «свинообраз», про который мне Исмагилов совсем недавно рассказывал. Действительно, очень похожий на древний БТР-152, разве что габаритами побольше — шире и немного длиннее. И вместо брезентового полога имевший полноценную бронированную крышу с небольшой башенкой, из которой торчал

ствол «Утеса»,³⁴ а в корме — большой двустворчатый десантный люк, почти как у БМП, только без перегородки посередине. Своим общим выражением «лица»: бампером, радиаторной решеткой, фарами и прикрытыми бронезаслонками окошками он и в самом деле напоминал такого нахального кабана. Да еще с таким-то названием! Словом, не зря кличка приклеилась. Саму идею подобной замены подкинул нам наш молодой проводник ходок Володя. Узнав, что для перевозки груза, за которым мы в Самару отправляемся, предполагается использовать обычный армейский грузовик, он вежливо, но с плохо скрытой ехидцей поинтересовался, каким именно образом мы собираемся в случае необходимости защищать нашу поклажу? Брезентовый тент «Урала» пули держит весьма плохо, а «Секач» не только проходимее, но и крепче будет, и противопульное бронирование имеет. К тому же «свинообраз» только на первый взгляд издала показался мне бронемашинкой примитивной, выполненной по классической «грузовиковой» трехосной схеме. Это когда для экономии денег и времени на производство бронекорпуса монтируют на обычное гражданское шасси. Получается, действительно «дешево и сердито», но не всегда достаточно надежно. Грузовик все равно остается грузовиком, даже если на него бронелистов наклепать и пулемет поставить. Приглядевшись получше, я понял, что здорово ошибся: и подвеска у «Секача» оказалась как у «восьмидесятого» БТР, и даже прикрытый овальным лючком гребной винт чуть ниже десантного люка обнаружился. Выходит, он даже плавать может. Если верить сопроводительной документации — далеко не дредноут, но метров триста проплывет уверенно. А главное, судя по описанию контейнера, в который упакован наше изделие П-26/17-бис, он должен без каких-либо проблем войти в десантный люк бронетранспортера. Попотеть, конечно, придется — как-никак почти тонна веса, вдвоем не поднять, ну да ничего, справимся.

По оружию и боеприпасам у нас особых проблем не было, на этом югороссийская армия не экономила, и склад РАВ, доставшийся нам в наследство от убывших на фронт пограничников еще полтора месяца назад, был забит под завязку. Разве что пришлось немного подсушиться и выбить через Исмагилова «Винторез» для Руслана. Работать нам, возможно, придется не только в чистом поле, но и в населенных пунктах, или их развалинах. Тут условно бесшумная винтовка в руках опытного снайпера совсем не лишняя будет. Здорово я пожалел о том, что так и не смог сманить к себе в отряд отчаянного артиллериста Диму У-Два. Этот виртуоз-зенитчик, в комплекте с самой зениткой ЗУ-23, разумеется, да с тремя толковыми помощниками в расчете мог бы здорово повысить нашу боевую мощь. Но — не судьба, да и от идеи брать с собою грузовик мы все равно отказались. Придется довольствоваться спаркой КПВТ-ПКТ³⁵ на БТР-80 и «Утесом» «свинообраз», что, если вдуматься, тоже очень немало. Да и в выстрелах к РПГ-7 мы себя ограничивать не стали. Так что, если возможный противник на нас танки не двинет — то отобьемся, по крайней мере, я на это надеюсь.

Отъезжавший на несколько дней в Ростов для утрясания всех организационных вопросов Исмаилов вернулся не как в прошлый раз, на разъездной машине штаба Бригады в Иловле, а на бронированном «Тигре» с ростовскими номерами. И с весьма серьезным сопровождением из двух похожих одновременно и на БРДМ, и на допотопный БТР-40 бронемашинах. Я такие, помнится, пару раз видал еще в прошлой жизни, назывались они, по-моему, «Выстрелами». Делали их вроде для погранвойск, потом несколько штук в Чечню присылали, для обкатки в боевой обстановке, но что-то они военному люду не шибко понравились, и на том все дело и заглохло. А тут — гляди-ка, всплыли из небытия, да еще и во вполне работоспособном состоянии. Удивлялся я этому «параду» не долго, ровно до того

³⁴ «Утес» — крупнокалиберный пулемет калибра 12,7 мм.

³⁵ КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, калибра 14.5 мм. ПКТ — пулемет Калашникова танковый, калибра 7.62 мм.

момента, как пара дюжих хлопцев в черной эсбэшной форме и беретах, увешанные оружием и снаряжением, будто новогодние елки, начали выгружать во дворе нашей казармы содержимое десантного отсека «Тигра». Буквально за пару минут они выложили на крыльцо у моих ног десяток небольших, но явно увесистых кожаных мешков-чувалов, аккуратно прошитых по верху стальной проволокой и опечатанных маленькими свинцовыми печатями. На тугих боках белой краской по трафарету видна слегка уже затертая, но вполне читаемая надпись: *Turkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi*.³⁶ Ага, понятно, выбил-таки Олег из своего руководства для нас трофейных турецких денег для обеспечения легенды.

— Ну, что, мародерская твоя рожа, принимай, — Олег кидает мне кошелек, больше похожий на прочный кожаный кисет. — Получи, что называется, и распишись.

Я автоматически ловлю его одной рукой и едва не роняю на землю, уж больно неожиданным оказывается несоответствие скромных размеров и вполне приличного веса. Развязываю шнуровку на горловине и высыпаю на ладонь несколько крупных золотых монет. Точно, куруши,³⁷ те самые, что в Югории почему-то называют турецкими пиастрами, или просто пиастрами. Или куруши только серебряные, а золотые турецкие монеты как-то иначе называются? Алтыны, там, или вообще империалы... Черт его знает! Мне-то, собственно, не все ли равно? Золото, оно золото и есть, как ни обзови. Или все-таки стоит у Исмаилова этот вопрос уточнить, так, на всякий случай. Хотя, похоже, туплю я не по-детски, совсем закрутился. Тут ведь и гадать нечего, достаточно просто немного к монетам приглядеться. М-да, чтобы не разглядеть на аверсе словосочетание *Turk Lirasi*³⁸ — это совсем слепым нужно быть. Значит — лиры. Ну, пусть будут лиры.

— И что, во всех мешках, такие же?

— Ага, чичаз! — ухмыляется Исмаилов, — губу назад закатай, а то грязным берцем нечаянно наступишь! В остальных — серебро и меди немного. Вы ж, мил друг, все-таки не хранилище Государственного банка в Тбилиси ограбили, а всего лишь небольшое отделение в Хачмазе. Так что, скромнее нужно быть. К тому же, поверь, по меркам Пустошей сумма у вас на руках и так будет более чем приличная. Главное — не прое... Ну, ты меня понял.

Чего уж тут непонятного? Чувствую, за каждую потраченную копейку, тьфу, блин, в смысле, каждую пару³⁹ придется потом длинный отчет строчить на тему «Были ли эти траты действительно необходимыми и не является ли данный расход средств нецелевым?». Знаю я этих крысюков тыловых, всю душу вымотают!

Едва мы с бойцами охраны и Олегом успеваем перенести полученные от государства «несметные сокровища» в мой кабинет и закрыть их в тяжелый, словно танк, и явно не только времена Советского Союза, но и царское время помнящий облупившийся сейф, как, едва не сорвав с петель входную дверь, в комнату вламывается запыхавшийся Курсант.

— Командир, слушай, ну какого хрена! Позвони Лапшину, пусть со своими демонами разбирается! Это ж уже вообще ни в какие ворота не лезет!..

Ой, мать же твою за ногу, ну чего у них там еще произошло?! Господи, ну когда ж этот дурдом, с цирком скрещенный, закончится?!!

Как известно, надпись на том самом, легендарном, известном всем кольце царя Соломона гласила: «Все пройдет. И это тоже пройдет». Закончилась, наконец, и неделя сборов в путь, заполненная суетой, неразберихой, нервотрепкой и прочим бардаком,

³⁶ *Turkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi* — Центральный банк Турции.

³⁷ Куруш — турецкая монета.

³⁸ *Turk Lirasi* — турецкая лира, денежная единица Турции.

³⁹ Пара — мелкая турецкая монета, 1/40 куруша.

который, как мне кажется, был вечной и неотъемлемой частью русской армии во все века. Все необходимое снаряжение и все припасы были упакованы и уложены в машинах, сами машины — отремонтированы и заправлены, бойцы — экипированы, вооружены и смертельно опасны. Словом, в полном соответствии с заветами прусского Великого молчалика, последнюю пуговицу мы пришили⁴⁰ — можно и на войну.

Из Ивановки ушли поздней ночью. С погодой, опять же, подфартило — и луны на небе не было, и тучи под вечер стянуло серьезные, но дождь так и не начался. В общем — темно, ветрено, но пока сухо. Самое оно. Выдвинуться постарались максимально скрытно: на бронетранспортерах просто включили пониженную, благо блокировка колес у них автоматическая, а вот на УАЗах пришлось еще и раздатки врубать. На фарах светомаскировочные «намордники» опустили, их только и хватало, что прямо у себя под носом дорогу чуть-чуть подсветить. Думаю, в прежние времена вообще бы одни «Драконы»⁴¹ оставили и по приборам ночного видения пошли бы, но «Дракон» в здешних реалиях — мечта, причем неосуществимая. Скорость у колонны, понятное дело, едва до двадцати километров дотянула, зато ушли, как говаривал в «Бриллиантовой руке» комический кинозлодей Лелик, «без шума и пыли». Опять же, ползти таким вот макаром нам все равно не больше пары часов. Мимо Иловли по проселкам в сторону Волгограда километров на десять проскочим, и можно будет уже ехать спокойно, без лишних предосторожностей. Да и то, как мне кажется, перемудрили мы малость с мерами безопасности. Ну, даже если и есть у этого самого Черного Полковника в Иловле осведомитель, что, в принципе, возможно, учитывая, что контрабанду столь ценного и нужного ему оборудования он через наши края пытался организовать. И что? Что этот самый осведомитель сможет увидеть и понять? Что три десятка бойцов из охранявшего границу отряда вдруг расселись по своим внедорожникам и бронетранспортерам да и уехали куда-то в сторону Волгограда? М-да, безумно ценная, блин, информация... А главное — какие выводы он, или те, на кого он работает, смогут из нее сделать? Да никаких! Разве что, наоборот, порадуются тому, что нагрузка на наших парней теперь возрастет и контроль границы, скорее всего, ослабнет. С другой стороны, как гласит древняя, не одним десятком войн проверенная солдатская мудрость: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Значит, будем перестраховываться так, словно противостоят нам не местечковый «пахан» с полутысячей головорезов, а, как минимум, спецслужбы небольшого государства. Ага, такого, совсем небольшого, вроде Андорры или Лихтенштейна.

Путь нам предстоит неблизкий: сначала необходимо добраться до Волгограда. Раньше это вообще никаких проблем бы не составило — погрузились бы на поезд в той же Иловле и по рельсам, под убаюкивающий стук колес на стыках... Вот только от той железной дороги одни воспоминания остались да насыпь, до сих пор креозотом воняющая: еще во время Большой Тьмы разобрали ее да на фортификационные нужды пустили, в смысле, на строительство оборонительных сооружений вокруг поселков. Так что — не судьба, придется своим ходом. От Волгограда, по большому кругу объезжая до сих пор немного фонящую проплешину спекшейся до черного стекла земли на месте Капустина Яра, плюхать нам аж до Астрахани, вернее, до станции Аксарайская, благо дороги, по словам Исмаилова, в тех краях вполне приличные. Там нас погрузят в эшелон и через Атырау и Макат довезут до

⁴⁰ Крылатая фраза — «Войну нужно начинать тогда, когда пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата» — приписывается самым разным военным и политическим деятелям. Михаил придерживается версии, что произнес ее Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке, прусский генерал-фельдмаршал, видный военный теоретик, считающийся одним из создателей Германской империи, носивший прозвище Великий молчалик.

⁴¹ «Дракон» — инфракрасный прожектор, устанавливаемый на бронетехнику. Выглядит как обычная танковая фара, прикрытая темно-красным светофильтром, но при включении дает подсветку, видимую только через прибор ночного видения.

Индера, небольшого, размером вряд ли превышающего Иловлю, поселка посреди казахских степей, известного только тем, что там стоит нужный нам мост через реку Урал, и расположенным неподалеку одноименным необычайно соленым озером. Ну, а от этого самого Индера нам снова своим ходом придется пилить аж до Уральска. Далеко — слов нет, да и условия будут, мягко говоря, далекими от идеальных: воды нет, нормального человеческого жилья нет, жара, пылица, разбитая грунтовка, больше похожая на выючную тропу... Но зато к Уральску мы действительно станем очень похожи на тех, за кого себя собираемся выдавать — дезертиров, которые, что называется, изо всех лап, убегают от трибунала. Уставших, грязных и злых, словно черти.

Недалеко от Уральска, в заранее оговоренном с Исмагиловым месте, нас будут ждать ребята из югороссийских погранвойск. Какая-то тамошняя спецгруппа, сто раз на надежность Службой безопасности проверенная. Местных пограничников вообще решили к операции не привлекать. Во избежание... Не то чтобы им сильно не доверяли, но в такой ситуации и внедренный в подразделение вражеский агент не нужен. Просто сболтнет лишнего в неподходящем месте молодой солдатик мол, недавно устроили посреди ночи на границе какую-то непонятную клоунаду — палили в белый свет, как в копейку, гранаты взрывали, а противника-то даже и не видели. И пойдет гулять по окрестностям ненужная информация о том, что весь наш «героический прорыв» — всего лишь фикция. При таких раскладах она уже вполне может дойти не до тех ушей. Оно нам надо? Это за своих оставшихся в Иловле парней я могу быть уверен, что не проболтаются. Лапшину и офицерам его — тоже доверяю. А вот за каждого казахского погранца поручиться не могу, а потому — ни к чему им все это. «Во многие знания — многие печали». Вот встречающая нас спецгруппа, по словам Исмаилова, — ребята тертые, в подобных тайных операциях уже несколько раз задействованные. Ну, они-то и обеспечат нам, как говорят... в смысле, теперь уже говорили американцы, dog and pony show. В смысле — этакую «Зарницу» со стрельбой и взрывами, цель у которой проста как гвоздь: создать у возможных свидетелей произошедшего однозначное впечатление — тут кто-то с боем отрывался от преследующих пограничников и хотя и понес серьезные потери, но все же смог уйти.

Дальше — уже по обстановке, уповая на удачу и актерский талант. Судя по словам Вовы Стельмашка, места чуть севернее границы вполне обитаемые, хоть и не шибко густонаселенные. Там, почитай, до самой Самары месторождения горючих сланцев были, и после ядерных ударов, когда запыляло все, что только могло гореть, имел в тех краях место, похоже, натуральный филиал ада. Такой, что все торфяные пожары, вместе взятые, показались бы просто невинной детской шалостью. Особенно если учесть, что тушить их было просто некому, нечем и некогда. Короче, представить страшно, что там творилось, пока все само по себе постепенно не потухло. Однако выгорело не все, и народец, в тамошних местах осевший, довольно быстро осознал, что богато жить можно не только разбоем, что, пока нужно чем-то машины и генераторы заправлять, тот, кто на добыче топлива сидит, — ноги с голоду не протянет. Правда, и желающих столь прибыльный бизнес контролировать тоже немало найдется, а потому нужно не только добыть и переработать, но еще и от вооруженных и весьма агрессивных «халявщиков» оборонять. Словом, почти что американское кино, «Безумный Макс» часть вторая, только вместо нефтяной вышки — карьеры, а вместо прекраснотушных, бестолковых и беспомощных ребятишек в белых тряпках и футбольных панцирях — сбившиеся в волчьи стаи конкретные подонки. Агрессивные, злобные, готовые перегрызть глотку кому угодно и живущие по старому как мир и внезапно ставшему безумно актуальным в двадцать первом веке лозунгу «Сдохни ты сегодня, а я — завтра». И атаковали их подонки ничуть не меньшие, разве что менее шустрые и сообразительные. Со временем, разумеется, все наладилось, сферы влияния поделили, карьеры и заводи, на которых из сланцев похожую по свойствам на нефть смолу добывали, а потом в бензин ее перегоняли, в настоящие крепости превратили, какие-никакие торговые связи и пути наладили. Относительно нейтральные и условно безопасные поселки отстроили. А «крышевал» все это небезызвестный нам Черный Полковник. Причем далеко

не факт, что просто «крышевал». Учитывая все то, что я о нем узнал из документов Исмагилова и от Володи, не исключено, что он все это и организовал.

В общем, народец там обитает разбойный, к чужакам не шибко приветливый. Нам же не просто через те места до Самары прорваться нужно, а сделать это максимально спокойно, без конфликтов с местными, с одной стороны, но и дав понять всем окружающим, что сила мы серьезная, с которой стоит считаться, с другой. Задача не из легких, но и награда, в конце концов, нас ждет более чем солидная. Есть ради чего стараться.

Володя сидел на полу вагона, свесив ноги в широченный дверной проем товарной «теплушки», и, лениво щурясь на солнышко, обозревал расстилающийся перед ним пейзаж. Хорошо! В вагоне, несмотря на распахнутую настежь здоровенную, чуть не в полстены, дверь, все равно было душно. А тут ветерок, пусть и горячий, но все равно обдувает, пот на груди и лбу сушит. Благодать, словом. Вот только с видами не повезло. Казахская степь в середине лета, как бы это помягче сказать... Словом — не отличается особой живописностью. А если прямо, то все, что можно увидеть — это бескрайняя песчаная равнина с невысокими волнистыми барханами, какие-то чахлые кустики, уже выжженные безжалостным солнцем до бурого и темно-коричневого цветов. Ну, еще иногда видны светло бежевые и белые стволы саксаула, уродливые, перекрученные и голые, словно корни старого выворотня, с незапамятных времен валяющегося на волжском берегу. Перекати-поле катятся, подгоняемые степным ветром. Все, больше ничего вокруг нет на многие километры, даже глазу зацепиться не за что, и любая попытка определить расстояние до горизонта изначально обречена на провал. Но даже вот такой вид — куда лучше, чем созерцание грязных и местами растрескавшихся, с отстающей краской, досок стен «теплушки». А ведь почти сутки только на них и любовались.

Нет, сначала было очень интересно, хоть и хлопотно и суетно. Довелось и над картой вместе с начальником разведки Бригады подполковником Бурляевым, Тюкаловым и его взводными посидеть, маршрут движения прокладывая. Один, но максимально удобный для движения — туда, и сразу несколько — обратно. Для чего, он и без объяснений понял, чай, не маленький. Обратная дорога по-всякому сложиться может. Не исключено, что придется на максимальной скорости рвать когти, отстреливаясь из всех стволов. Не лучший вариант развития событий, конечно, но и к нему нужно быть готовым. Мало того, что Володя на словах рассказал все, что помнил из рассказов Рыжего и видел в тех краях сам, так Тюкалов еще и на бумаге все это расписать велел во всех возможных подробностях. И про рельеф местности, и про состояние брошенных городов и поселков, и про мосты и переправы через реки, и о тамошних поселениях и кочевых бандах, ну, о которых знал хоть что-то. В общем, длинный отчет вышел, Володя и сам не ожидал, что столько вспомнит. Но тут, наверное, нужно Мишиному другу подполковнику Исмагилову спасибо сказать. Умеет мужик вопросы задавать — поневоле вспоминается что-то, о чем вроде позабыл давно.

Потом был процесс, как Тюкалов это обозвал: «постановки на вещевое довольствие». Ходок как-то даже и не ожидал от нанимателей такой щедрости: выдали ему и «горку», и «подвесную», и новенький рейдовый ранец, вместо его старенького, латаного-перелатаного рюкзака, и даже сапоги новые, хромовые. Когда Володя попытался поинтересоваться у выполнявшего в отряде наемников функции старшины Саши Шурупа, сколько он за все это должен, рыжий наемник только весело подмигнул и заговорщицким шепотом ответил:

— Неменьжуйся, парень, Родина уже все оплатила.

Потом были короткие сборы дома. Уложив все, что могло понадобиться в пути, в ранец и забив «подвесную», Володя еще раз строго-настрого предупредил Маришку, чтобы ни с кем и ни при каких обстоятельствах не говорила о том, куда и зачем уехал брат, оставил ей все полученные в качестве аванса деньги и отправился в Большую Ивановку. За сестренку он не переживал, полковник Лапшин лично пообещал, что за ней присмотрят, а понадобится — и помогут. А о том, что командир Бригады слов на ветер не бросает, — вся Иловля уже много лет знала.

Из расположения отряда наемников выехали поздней ночью и двинули в сторону Волгограда. Сначала почти крадучись — на пониженной и притушив светомаскировкой свет фар. Потом, часа через три-четыре, уже вполне ходко. В Волгограде переправились через Волгу на большом пароме и двинулись дальше — на юг, в сторону границы с Казахстаном. Но до нее немного не доехали. На довольно большой станции Аксарайская, что недалеко от Астрахани, их ждали. Машины и бронетранспортеры загнали на платформы, закрепили, притянув кусками витой, толстой многожильной стальной проволоки, и, установив над ними легкие каркасы из тонких металлических труб, плотно замотали получившиеся конструкции брезентом. Со стороны — поди разбери, что под ним. Под людей выделили вагон, внешне очень похожий на обыкновенный товарный, только с двухъярусными нарами внутри. На них — набитые комковатой ватой старые и не очень чистые матрасы, рядом аккуратно сложены несколько ящиков с армейским сухим пайком и стоят четыре сорокалитровых бидона с водой. В дальнем углу что-то вроде отгороженной от остального вагона будки. Туалет, скорее всего. Не успели наемники покидать на нары свои пожитки и оружие, как, громко пыхтя, посвистывая и отдуваясь струями белого пара, к составу подполз сильно облезший, некогда черный паровоз. Тюкалов его еще почему-то овцой обозвал, вернее — овечкой.⁴² К удивлению Володи, стоявший рядом пожилой железнодорожник не только не обиделся, но и согласно кивнул. Чудно! Но обдумать странность Володе не дали, зычным голосом Михаил рывкнул: «В вагон!» — и наемники дружно потопали в теплушку. Тот самый, не обидевшийся на Тюкалова пожилой мужик в старой темно-синей форменной железнодорожной фуражке с перекрещенными молоточком и разводным ключом на кокарде задвинул снаружи дверь и загремел запорами. Потом состав лязгнул сцепками и неспешно пополз. Куда? Да бог его знает! Сквозь стены видно плохо, а открывать дверь Михаил запретил, как он сам сказал, из соображений секретности. Так и ехали в этой душегубке, обливаясь потом, почти сутки, пока командир не сменил гнев на милость. Мол, обитаемые места проехали, а в степи их вряд ли кто увидит. А если и увидит, то вряд ли что поймет, так что шпионов можно не опасаться. Хотя, возможно, он просто пожалел себя и остальных, потому как вагон все больше и больше напоминал хорошо протопленную сухую парную. В такой хорошо в свое удовольствие посидеть минуток десять-пятнадцать, а потом пойти в предбанник, завернуться в простыню и глотнуть холодного пивка или кваса, но вот находиться несколько часов кряду просто невозможно. И вот теперь Володя сидел в дверном проеме и наслаждался бьющим в грудь ветром.

Далеко впереди показалось кладбище. Похоже, скоро будет какой-нибудь поселок. Володя только улыбнулся, вспомнив, как нынешним утром он впервые увидел такое и решил, что это небольшой и очень опрятный городок, чем вызвал хохот Тюкалова. А потом, после Мишиных пояснений, долго недоумевал: зачем строить своим мертвым настоящие маленькие дворцы из белоснежного кирпича с красивыми сферическими куполами небесно-лазурного цвета и позолоченными шпилями, увенчанными полумесяцами? Самим же при этом жить во вросших в землю саманных хибарах с крытыми старым рубероидом крышами, а то и вовсе в округлых палатках из верблюжьих или лошадиных шкур. Нет, в Иловле и других поселках пограничья тоже использовали в строительстве саманный кирпич. Сам саман дешев и легок в изготовлении. Уж с чем-чем, а с соломой, глиной и коровьим навозом проблем в сельскохозяйственном районе нет и быть не может. Дома из него получаются теплые, да и подновить их в случае необходимости — пара пустяков, даже ребенок управится. Но там эти дома все-таки строят большими и просторными, белят известью,

⁴² «Овечка» — паровоз серии ОВ. Легенда железнодорожного транспорта. Созданный еще в 1912 году, безотказный, неприхотливый, простой в ремонте и эксплуатации, способный ездить на угле, дровах, мазуте и даже торфе, этот паровоз использовался до середины 50-х годов XX века. В эпоху «холодной войны» большое количество паровозов серии ОВ были законсервированы на складах резерва на случай ядерной войны. В условиях тотальной разрухи и отсутствия электричества «овечки» могли бы вновь продемонстрировать лучшие качества.

кроют шифером или черепицей, наличники окон красят яркой голубой краской. А тут... Даже в тех селениях, что Володя видел в Пустошах, когда они с Рыжим ходили в сторону Самары, жилье выглядело не так убого... Ну, по большей части. А тут — совсем беда. В тех строениях, которые здешние под жилье используют, нормальный человек в Иловле скот держать постеснялся бы — соседи же засмеют. Но, что там старая поговорка про свой устав и чужой монастырь говорит? Во-о-от!!! Уж если нравится местным так жить — и ради бога. А у ходока главное правило — не конфликтовать на ровном месте с аборигенами, потому как это весьма плачевно может для него закончиться. Рыжий всегда учил, что для ходока самое важное — уметь договариваться с людьми, быть дипломатом. А с презрительным отношением к местным и их образу жизни дипломатических успехов не добиться, будь ты хоть трижды Талейраном. Кто это такой, Володя не знал, а у Рыжего спросить постеснялся, решив про себя, что, судя по всему, был этот самый Талейран каким-то на редкость шустрым и вертким малым.

Паровоз вдруг громко и пронзительно взвыл гудком и резко сбавил ход, так, что платформы и вагон ощутимо трянуло. С нар слышались разноголосая матерщина и всевозможные «добрые» пожелания тому, кто возит приличных и интеллигентных людей, словно дрова. Володя встал и выглянул из вагона вперед. Ох ты, надо же — а вот и аборигены. Только вспомнил, и вот они, тут как тут.

— Что там такое? — на плечо ходока легла тяжелая ладонь Тюкалова.

— Местные. Похоже — хотят чего-то, — кивнул он в сторону колоритной конной группы, перегородившей пути замедляющему ход составу. — Сам погляди.

Да уж, поглядеть было на что. Видок у кочевников был еще тот: сами маленькие, ощутимо кривоногие, с темными, словно выдубленными степным солнцем и ветром морщинистыми лицами. Одеты в какое-то невыразимое тряпье, грязное и засаленное. Володя много разных людей повидал во время ходок, и одеты они были по-разному. Но чтобы вот так... Даже чуть не убившие его в Ольховке бредуны, и те выглядели как-то... Ну, не так потрепанным. Такое ощущение, что эти длиннополые, некогда полосатые, а теперь — просто однотонно-грязные халаты вообще никогда не стирали. Как и выглядывавшие из-под них штаны. На широких кожаных поясах висят какие-то под сумки. На головах — бесформенные, похоже, войлочные колпаки. Довершали картину явно самодельные сапоги из шкур. У большинства, судя по остаткам грязной вытершейся шерсти, из овечьих, а у одного, по всей видимости — старшего, из собачьих... Хотя, судя по масти, скорее — из волчьих. Сидят верхом на невысоких, косматых степных лошаденках. А главное — вооружены все поголовно. И пусть винтовки их больше похожи на экспонаты музея, но, собственно, какая разница, из чего именно тебе голову прострелят?

— Та-а-ак, — задумчиво тянет Михаил. — А это что за басмачи на нашу голову? Не, так дело не пойдет. Я не Сухов, ты не Петруха, а Черный у нас по сценарию ни фига не Абдулла, а Полковник. Так что нужно эту ситуацию как-то разруливать, пока они сдуру палить не начали.

— Думаешь, до стрельбы дойдет? — настроение у ходока упало ниже некуда, ведь только что на эту тему думал, и вот тебе пожалуйста...

— Не хотелось бы, — морщится и отрицательно качает головой командир наемников. — Убогих обижать — нехорошо, меня так еще в детстве учили. Но и стрелять в себя безнаказанно мы не позволим. Ладно, пойду поговорю со здешним курбаши.

Михаил натянул поверх оливковой, в темных разводах пота, футболки свою «подвесную», поправил немного съехавшую набедренную кобуру со «стечкиным», перекинул через голову ремень автомата и воткнул в левое ухо «таблетку» наушника, проводок от которого уходил за плечо, к закрепленной в специальном под сумке портативной радиостанции. Потом повернулся в сторону замершей в ожидании команды наемников:

— Так, мне три «тройки» нужны, прямо сейчас, в полной экипировке. До моей команды сидеть в вагоне и наружу носа не совать. Как скомандую — выпрыгивайте наружу и изображайте свирепых и очень плохих мальчиков. Но! Огонь — только в случае крайней

необходимости. Рус, хватай «Винторез», он красивый и выглядит внушительно, со мной пойдешь, за переводчика. А то, мало ли, может, тут русский за тридцать-то лет окончательно забыли.

— А можно и мне с вами? — как-то само вырвалось у Володи.

— Тебе? — Тюкалов с сомнением окидывает ходака взглядом. — Ладно, можно. Тебе с твоей работенкой еще не раз с самыми разными людьми и в самых разных ситуациях и обстоятельствах общаться. Пригодится...

Заходящийся в свисте паровоз, наконец, остановился, несколько раз напоследок пыхнув клубами белоснежного пара. Михаил и Руслан легко выпрыгнули из вагона и зашагали по осыпающейся у них под ногами песчаной насыпи в сторону паровоза и замершей перед ним цепочки вооруженных всадников. Подхватив со своего места автомат и «подвесную», Володя бросился вдогонку.

Увидев неспешным шагом направляющуюся к ним вооруженную троицу, только что о чем-то на повышенных тонах общавшиеся с машинистом всадники слегка попритихли. Вид спокойных и крепких мужиков, уверенно и привычно держащих в руках явно не простое оружие их первоначальный пыл похоже охладил.

— Так, и что здесь, собственно говоря, происходит?

Громко произнеся это, Михаил коротко хмыкнул, словно вспомнил что-то забавное. В ответ раздался многоголосый гвалт кочевников.

— Что, по-русски никто не говорит?

Хорошо поставленный командный голос Тюкалова легко перекрыл тархтение всадников, и те окончательно затихли, пытаясь сообразить, чего вообще можно ожидать от этого странно ведущего себя и совершенно их не боящегося большого и явно сильного человека.

— Значит, никто... — словно в задумчивости повторил Михаил. — Ладно, зайдем с другой стороны. Дружище, ты с ними вроде общался, перевести сможешь?

Машинист, воспринявший их появление с явным облегчением, слегка смешался.

— Да, так... Понимаю немного, но нормально говорить не могу.

— Ладно, тогда мы сами. Рус, спроси у этих басмачей, кто они такие и какого хера им от нас нужно?

Руслан поудобнее перехватил «Винторез», пристроив его толстый цилиндрический ствол на локтевом сгибе левой руки, и бойко затараторил на казахском. На этот раз ответил один, тот самый, в сапогах из волчьих шкур. Точно вожак. Подойдя поближе, Володя разглядел, что и на шапке его сквозь грязь видны какие-то вышитые узоры, и вооружен он не «трехлинейкой», как остальные, а охотничьим карабином «Тигр», правда без оптики и с очень сильно поцарапанным прикладом и цевьем. И на вид ему не меньше шестидесяти, даже странно, что он русского не знает. Хотя в таких суровых к людям краях стареют раньше, и мужик в сорок лет уже вполне может выглядеть на все шестьдесят. А женщины — так и вовсе после тридцати смотрятся натуральными старухами.

— Он говорит, что за проезд по территории его рода мы должны заплатить им бакшиш. Говорит, они все великие воины, потомки самого Темуджина, и если мы откажемся, то очень сильно об этом пожалеем.

— Да ты что? — в голосе Тюкалова явно слышится какое-то нехорошее веселье. — И что они хотят?

Руслан снова бросает короткую фразу на казахском. В ответ вожак степняков разражается целой речью.

— Короче, — морщится снайпер, — всю ту пургу, что он мел, переводить не буду. Там чисто понты корявые, и ничего больше. По делу — они хотят все наше оружие, все боеприпасы и сто монет золотом. Тогда, мол, сохраняют жизнь и пропустят. Твой автомат, кстати, ему понравился.

— Ну, еще бы, автоматик у меня знатный, — глумливо хмыкает Михаил и пристально смотрит в глаза вожаку. — А харя твоя узкоглазая не треснет? Совсем, что ли, в атаке

охренел?! К вагону!!!

Позади послышалось негромкое звяканье железа и глухие удары, будто что-то тяжелое падало на землю. Хотя, почему «будто»? Правда, не что-то, а кто-то, и не падало, а довольно ловко выпрыгивало, в смысле — выпрыгивали. Володя осторожно скосил глаза назад. Ох, елки зеленые! Выглядели выстроившиеся по насыпи в редкую цепь наемники колоритно. Один Курсант чего стоил. Голый по пояс, играющий накачанной мышцей, да еще и пулеметными лентами крест-накрест опоясанный. А в руках — пулемет ПК с коробкой на сотню патронов. Поперек лба — багровый шрам, а рожу скорчил такую, словно собирается сейчас начать младенцев на завтрак жрать. Сырыми, а возможно, даже и живьем. Остальные — не лучше. Ну просто банда кровожадных упырей на прогулке. «Великим воинам и потомкам Темуджина» увиденное явно понравилось. Судя по вытянувшимся лицам и панике в глазах, они сейчас рады оказаться где угодно, лишь бы как можно дальше отсюда. Володя даже тихонько хихикнул, поймав себя на мысли, что они наверняка бы побледнели, если бы могли.

— Значит, бакшиша тебе захотелось? — ехидно и зло спрашивает Тюкалов у пытающегося из последних сил сохранить лицо, изображая невозмутимость, кочевника с «Тигром». — Ну, пошли в вагон, я там тебе отсыплю... Не унесешь... С лошади слезай.

— Мен тусинбеймин,⁴³ — жалобно лепечет в ответ тот.

— Слезай, говорю, — почти ласково повторяет Михаил. — Как родного прошу.

Тот покорно начинает сползать из седла.

— Ну, пойдем, братское сердце, поговорим, — наемник приобнимает буквально вжимающегося в землю степняка за плечи и ведет к вагону. — Парни, остальных на мушке держите, чтоб фокусничать не начали.

Но фокусничать «потомкам Темуджина» явно не хочется — ну, никак десяток глядящих точно в лицо автоматических стволов этому не способствуют. А Михаил тем временем уже подсаживает жоака на ступеньки маленькой лестницы вагона и даже придерживает его под локоть, а уж потом сам забирается следом. Ну, ни дать ни взять — молодой мужик о пожилom и немощном родственнике заботится. Володя, решив, что внутри будет интереснее, чем снаружи, тоже карабкается в вагон.

— Значит, по-русски не понимаешь? — голос у зажавшего в угол кочевника и нависшего над ним, точно скала, Тюкалова слаще меда.

Тот с испуганным лицом отрицательно мотает головой.

— А если вот так? — Михаил внезапно отвешивает ему могучего «леща»,⁴⁴ от которого у бедолаги слетает с головы его расшитый войлочный колпак.

— Э-э-э-э, нинада мине бить, белый батыр!

— О, ты гляди-ка! Заговорил наш немой. Вот она, Володя, мистическая сила волшебного подзатыльника! — с видом узревшего подлинное чудо провозглашает на весь вагон Михаил. — Ты понял, «великий воин», что именно сделал не так?!

— Понил, я фисе понил! Я не тот поизд астанавил...

Второй «лещ» взбалтывает голову кочевника так, что Володя даже забеспокоился, а не приключится ли у того, часом, сотрясение мозга.

— Ты ничего не понял, братское сердце. Главная твоя ошибка — что ты вообще подумал о том, что можно пробовать поезда грабить. Запомни: еще раз — и больше ни разу. Узнаю, что ты что-то подобное опять отчебучил, — вернусь, найду и весь род твой вырежу. Всех, и людей, и верблюдов, и овец, и даже собак. Понял?!

Тот испуганно закивал.

— Вот и молодец! — Михаил поднял с пола, отряхнул и аккуратно водрузил жоаку на

⁴³ Мен тусинбеймин (казах.). — Я не понимаю.

⁴⁴ «Лещ» — подзатыльник.

голову его колпак. — А теперь иди, садись на лошадь и скажи своим людям, что все это — большая ошибка и что вы больше так делать никогда не будете. И почему не будете — тоже расскажи. А потом — домой, овец пасти и кобыл доить. Ты меня точно понял?!!

Кочевник снова быстро-быстро закивал.

— Тогда — свободен, — Михаил сделал рукой широкий жест в сторону двери, и кочевник, схватив свой прислоненный к стене «Тигр», метнулся к выходу.

Уже через несколько секунд с улицы послышались его громкие крики, а потом — ржание и топот копыт мчащихся во весь опор лошадей.

— Чего он там своим вопил, Рус? — поинтересовался Тюкалов.

— Да примерно то, что ты ему и велел: мол, ошибочка вышла, но великий белый батыр их всех по доброте своей простил и отпустил.

— Ясенько. Вот так, Вова... Такая вот дипломатия канонерок, мля...

— Чего дипломатия? — не понял Володя.

— А, старая история. Лет этак двести пятьдесят, наверное, назад был у одной сильной по тем временам страны интересный способ диктовать свои условия более слабым. Подгоняли к берегам слабой страны канонерские лодки — это корабли такие, сами небольшие, но с большими пушками, и начинали «мирные переговоры». Ну и кто под дулами пушек «мирные предложения» отвергать станет? Самоубийц нету...

— А они точно за старое не примутся, когда мы уедем?

— Вряд ли, Вов. Здешний народ, он, в общем-то, неплохой. Только бедный очень, ну, и не шибко умный. Что поделать — младший жуз, скотоводы-кочевники...

Стоящий рядышком Руслан согласно кивнул, словно подтверждая слова командира.

— И, если сильной власти нет, — продолжил Тюкалов, — озоровать пытается. Вот мы им намекнули, что власть есть и что, если нужно будет, — она до них легко дотянется — и все снова будут себе спокойно скот выращивать. Поэтому и не хотелось мне в них стрелять. Не бандиты они, работяги, просто решившие втихаря погопничать. Тихо не вышло, про возможную ответственность им «тонко» намекнули... Думаю, с них хватит. А нет — так мы в том же Индере местным властям о происшедшем намекнем. Пусть приглядят.

— А почему думаешь, что не бандиты?

Володе на самом деле интересно, каким образом командир так быстро определил, кем именно на самом деле являются встреченные ими степняки. Он даже неожиданно для себя вспомнил мудреное выражение «социальный статус», которое в чем-то похожей ситуации вырвалось года два назад у Рыжего. Тюкалов присел на плавно покачивающиеся вместе со всем вагоном нары и хлопнул ладонью рядом с собой, мол, присаживайся.

— Молодец, Вовка, правильные вопросы задаешь. Ну, раз интересуешься — учись, пока старый дядя Миша жив и при памяти. В такие вот моменты главное — как можно быстрее просчитать своего оппонента. Поймешь, кто он — с достаточно большой долей уверенности сможешь определить, чего ожидать можно. А значит — и разговор будешь строить в выгодном для себя направлении, и с действиями своими определишься: что можно, а что — ни в коем случае. Вот если ошибешься, то может такая ошибка тебе очень дорого стоить. Поэтому просто необходимо как можно больше общаться с разными людьми. И не просто лясать точить за жизнь, обо всем и ни о чем, а внимательно глядеть и запоминать. У людей сходных занятий или профессий и реакция на похожие ситуации однотипной почти всегда будет. Нет, кое-что, разумеется, от склада характера зависит, но в целом... Вот гляди, допустим, раздался где-то неподалеку выстрел. Что ты сделаешь? Ну, или я, к примеру?

— На землю упаду и в ближайшее укрытие откачусь, если есть поблизости хоть какое-то. В крайнем случае — даже кочка какая-нибудь подойдет или, наоборот, яма, — не задумываясь ответил Володя. — Ну, а как за что-нибудь подходящее спрячусь — ответный огонь открою. Ты, наверное, то же самое.

— Во-о-от! — согласно кивает Тюкалов, наставительно подняв вверх указательный палец. — Так, скорее всего, и будет. А теперь представь, что на твоём месте — «мирняк». Крестьянин, допустим, или слесарь с завода. Причем — конкретный «мирняк», без боевого

опыта. Который или совсем не служил, или служил, но давно, лет сто назад и уже устройство автомата толком не помнит.

— В панику ударится? Метаться начнет, или, наоборот, в ступор впадет? — делает несмелое предположение ходок.

— Не исключено, — снова соглашается наемник. — Но это не сразу, а через пару-тройку секунд, когда до него дойдет, что случилось. А сначала?

Володя только плечами пожал.

— А сначала, Вова, будет он стоять столбом и по сторонам озираться, с глупой физиономией. Типа: «А шо енто было?»

— Точно, — поддакивает прислушивающийся к разговору Акимушкин, лежащий на втором ярусе нар. — Вот помню, когда с турками в Крыму хлестались, привезли нам в полк молодое пополнение. Щеглов желторотых, пороху не нюхавших. Даже боевого слаживания им провести в учебке не успели толком. Война же шла, потери — страшные, вот и затыкали дыры такими... Ну, мы на станции эшелон встретили. Рассадили их, кого в грузовики, кого на «броню» и на «передок» двинулись. А турецкие кайсери,⁴⁵ как назло, на нашем пути засаду устроили... Так оно и выглядело со стороны — после первого же взрыва под головной «бэхой»⁴⁶ все «старички» обстрелянные уже мордой в грязь по кюветам лежат и окрестную «зеленку» свинцом полосуют, а молодняк в кузовах, как галчата в гнезде, только головами по сторонам водят. Интересно им, маленьким...

Сергей резко обрывает рассказ на полуслове и явно едва удерживается от того, чтобы сплунуть на пол. Воспоминания ему явно неприятны.

— И что? — не выдерживает затягивающейся паузы Стельмашок.

— Да ничего, — хмуро отмахивается Акимушкин. — Тех, что на «броню», мы кого спихнуть, кого за ноги вниз стащить успели. А те, что в кузове, — чуть ли не в мелкий фарш. Там даже и патрон в патронник никто дослать не успел, так и умерли — сидя и с автоматами между коленок.

— М-да, — качает головой Михаил. — История, конечно, звиздец какая жизнеутверждающая, но очень в этом смысле показательная. Короче, на одно и то же событие реакция подготовленного человека ничего общего обычно не имеет с реакцией неподготовленного. Просто в случае с внезапным выстрелом это очень сильно в глаза бросается, даже неопытный наблюдатель заметит. В остальном, конечно, сложнее, порой — намного сложнее, но с опытом все придет.

— Круто, — тряхнул головой Володя. — Миш, но вот с этими-то ты как догадался, как их просчитал?

— Ну, гляди, давай совсем с простого... Как думаешь, часто бредуны работают?

— Что делают? — изумлению Стельмашка не было предела. — Это с какого перепуга они работать-то будут? Ну, разве только барахло награбленное в кузов закинуть, и то — если спешат сильно, а так, скорее всего, пленных таскать и грузить заставят.

— Именно, — Тюкалов выглядит явно довольным его сообразительностью. — У бредуна если только на костяшках кулаков кожа набита, да еще пистолетной рукоятью автомата, между большим и указательным пальцам, и от нагара порохового следы на руках и роже характерные. А у этих «великих воинов» ручищи заскорузлые, об их ладони, как о крупную наждачку, поцарапаться можно. Такие мозоли бывают только у тех, кто всю жизнь сызмальства вкалывает целыми днями. И пахло от них не порохом, а навозом, шерстью овечьей и молоком немного. Поехали дальше — оружие. Нет, к винтовкам они своим привычные, не отнять. Так это края тут такие: и волков стреляют, и охотятся, чтобы скотину свою на мясо не резать. Но вот моторика — совсем другая...

⁴⁵ Кайсери — диверсионные подразделения, командос воздушно-десантных войск Турции.

⁴⁶ «Бэха» (армейск. сленг) — БМП, боевая машина пехоты.

Видя, что Володя мудреного слова не понял, Тюкалов пытается пояснить.

— Ну, как бы тебе попонятнее-то... Словом, боец и охотник оружие держат по-разному, да и ведут себя с ним тоже не одинаково. Дичь в охотника в ответ не выстрелит, понимаешь? Вот подъехали к нам эти деятели, увидели троих вооруженных мужиков, напряглись, не без этого, но ни один сразу винтовку свою из-за спины даже вытащить не попытался. Потом, когда наши повыпрыгивали, — понятное дело, побоялись, что мы ответный огонь откроем. Но с самого-то начала, когда они думали, что в большинстве... Просто нет у них такого рефлекса — чуть что, сразу за ствол и палец к спусковому крючку поближе. Ну, и какие это, к едрене матери, бредуны?

— У старшего, кстати, карабин поперек седла лежал, — припоминает ходок.

— Ага, даже с предохранителя не снятый, — ухмыляется Михаил. — Там как раз все понятно — дедушка свою пушку демонстрировал. Показывал, что он старший, и потому ружжо у него самое крутое. Так сказать — статусная вещь. Но и это не главное.

— А что?

— А то, что испугались они нас. До усрачки испугались, Вов. Когда наши из вагона с Курсантом во главе посыпались, нужно было не ворон считать, а в глаза им смотреть. В них самый настоящий ужас был. У двоих, что помоложе, аж губы затряслись, как не заплакали — ума не приложу. Да и дедуля этот только за счет гонора своего держался, ему при младших лицо терять никак нельзя было. А как я в вагон его завел, так и все, скис... Колени трясутся, голову в плечи вжал... Словом, решили кролики от большого ума в шакалов поиграть, да на стаю волков нарвались. Сейчас небось сидят у себя в стойбище, штаны сушат, седла отмывают и Аллаха благодарят за милость его.

— И ты думаешь, что они за старое снова взяться не попробуют?

— Процентом на девяносто уверен. Я ж говорю — народ тут не разбойный, скорее — наоборот, вполне доброжелательный и дружелюбный...

Услышав это, Руслан только скептически хмыкнул.

— Успокойся Рус, я про ваши междусобойные разборки жузов в курсе, но прямо сейчас они никакого отношения к делу не имеют, — отрезал Михаил. — Так вот, ребята они неплохие, и трудяги — каких поискать, но, как бы это сказать: из-за своего обособленного житья и удаленности властей малость к анархии склонные. Но если им вовремя напомнить, что нарушать законы — это ай-ай-ай, потому как потом придут большие дяди и сделают бобо, то будут они жить тихо и законопослушно.

— Угу, или напортачат и сбегут, а потом ищи-свищи, — недоверчиво сморщился Стельмашок. — Степи-то вокруг вон какие.

— Да куда они денутся с подводной лодки?! — вопросительно поднял бровь Тюкалов. — Это банде бредунов в этом плане хорошо — всех пожитков едва на рейдовый ранец наберется. А у этих — бабы, детишки, стойбище и стадо здоровенное. Куда они со всем этим? Заметь — со стадом далеко от воды не уйдешь, причем воды нужно много. А все надежные ее источники между такими вот кочевыми родами давно уже поделены. И чужаков на своей территории видеть никто рад не будет. А значит — ежели накосячат они, то выловить их — пара пустяков. И вот именно поэтому, когда в Индер доедем, я тамошние власти обо всем происшедшем изведу. Наказывать их пока, в общем-то, не за что, а вот приглядеть — стоит. Так, на всякий пожарный.

О том, что состав наш приближается к Индеру я понял минут, наверное, за сорок. Сначала мы увидели в степи небольшое стадо верблюдов. Выглядели они вовсе не так нарядно, как на пачке «Кэмела»: мало того, что двугорбые, так еще и цвета непонятного — ржаво-черного, и все в свисающих клочьях свалывшейся чуть не до состояния войлока шерсти. «Корабли пустыни» проводили нас меланхоличными взглядами, продолжая что-то жевать, хотя, клянусь, не понимаю, как они умудряются жрать здешнюю «траву», которая по всем параметрам больше на колючую проволоку похожа.

Потом промелькнули какие-то занесенные песком руины, больше всего похожие на

остатки пакгаузов и обвалившийся элеватор. Хотя могу и ошибаться, торчало из-под наметенных под рухнувшие стены барханов песка немного. Вот упавшую, проржавевшую насквозь, водонапорную башню, похожую на гигантскую противотанковую гранату, перепутать с чем-либо сложно. Вдоль насыпи, с которой давно уже были сняты и рельсы, и шпалы, валялись явно сброшенные когда-то с путей остовы грузовых и пассажирских вагонов, цистерн и платформ, раскуроченные донельзя. Сложно сказать, когда именно их так разбарахлили, уж больно давно это было, но, похоже, что это некогда от мешающего неисправного подвижного состава избавлялись. Еще через несколько минут проскочили мы мимо будки железнодорожного переезда и шлагбаума, тоже давным-давно заброшенных, облезлых и занесенных песком. Еще через пару-тройку километров начались места вполне обитаемые. Вдоль насыпи стали появляться какие-то длинные сараи из посеревших от времени досок, сложенные из старых, некогда черных от пропитавшего их креозота, а теперь светло-коричневых, выцветших от времени и выгоревших на безжалостном пустынном солнце, шпал непонятного непосвященному назначения будки. А потом и дома: и глинобитные, и саманные, и даже кирпичные. Покрытые настолько толстым слоем песка, что совершенно невозможно на глаз определить, а есть ли под ним вообще асфальт, улицы, играющая в пыли чумазая ребятня, какой-то аксакал верхом на неспешно трусящем сером ишачке. У меня даже возникла мысль, что вот в таких местах, как Индер, наступления Большой Тьмы, наверное, практически и не заметили. Тут люди уже бог знает сколько десятилетий в состоянии вялотекущего постапокалипсиса живут. Привыкли.

Без остановки, только дав несколько длинных предупреждающих гудков, наш состав проскочил мимо лет сто, наверное, не крашенного и сильно облупившегося, но вполне симпатичного здания вокзала, судя по внешнему облику, явно после Великой Отечественной пленными немцами построенного. Таких по всему Казахстану полно, богато фашисты тут повкалывали, нанесенный ими стране ущерб возмещая.

Вот только полюбоваться нам на сие вот уже почти сотню лет стоящее архитектурное чудо не дали — состав, немного снизив скорость и периодически коротко посвистывая, продолжал куда-то ползти, скорее всего — на товарную станцию. Так и оказалось: окруженная высоким бетонным забором с тремя-четырьмя «нитками» ржавой колючей проволоки поверху территория, невысокая платформа с аппарелью, явно складского вида здания вокруг. Чуть в стороне — большой и малость ржавый железнодорожный кран, буквой «П» раскорячившийся над путями. Водокачка и здоровенные бурты с углем поодаль. Ошибиться сложно.

А еще нас там ждал сюрприз: буквально в нескольких шагах от платформы стоял внедорожник «Дон», а возле него — четверо крепких, коротко стриженных ребят в разгрузочных жилетах, при автоматах, одетых в выгоревшую чуть не добела, некогда оливкового цвета форму. Кстати, здорово похожую на хорошо памятную мне «афганку». Старую, еще советского образца. Шевроны на рукавах толком не видно, но триколор югоросийский различим явственно. Это что такое? Комитет по торжественной встрече?

Так и оказалось. Командир той самой спецгруппы погранвойск, что будет обеспечивать нашу инфильтрацию,⁴⁷ выслав навстречу своих бойцов, чтоб мы не заплутали в дороге. Интересные, кстати, ребята: крепкие, подвижные, с приятными лицами и, что забавно, все как один — яркие шатены. В смысле — рыжие.

Парни, как только я первым выпрыгиваю из вагона, подходят ближе.

— Вы лейтенант Тюкалов? — спрашивает тот, что стоит чуть впереди.

— Да, ребята, я. А вы кто такие?

— А мы тут вас ждем. Я — лейтенант Шрайнер, отдельная разведывательно-диверсионная рота пограничных войск Югоросийской Республики, — отвечает он и протягивает мне раскрытое удостоверение.

⁴⁷ Инфильтрация — проникновение, внедрение.

Остальные тоже представляются:

— Старший сержант Зиберт.

— Старший сержант Брунгард.

— Сержант Резнер.

О как! Ерш твою меть, это ж надо, как подобрались! Нет, я, конечно, слышал, что в Казахстане много немцев живет, но чтобы вот так, в одно время и в одном месте...

— Парни, а вы, часом, не братья? — с улыбкой интересуюсь я, пожимая им по очереди руки.

— Не, — отрицательно мотает головой лейтенант Шрайнер. — Однофамильцы.

Ну, да, согласен, анекдотец «бородатый», но уж больно все в масть легло, не удержался.

— Так, проясним сразу, — Шрайнер понижает голос так, что слышу его только я и, возможно, выскочивший за мною следом Вовка Стельмашок. — Передай своим людям, что шуточки про бундесвер, вермахт или еще какой-нибудь ваффен-СС — очень сильно не приветствуются.

— Да не вопрос, парни, прекрасно вас понимаю. В таких шутках, действительно, приятного мало. Своих предупрежу, проблем не будет.

— Ну, и хорошо, — улыбка у лейтенанта приятная, открытая. — Тогда разгружаемся, переночуем тут, ну, конечно, не прямо на станции, нам казарму учебной роты местного гарнизона выделили, она у них сейчас пустует, младший призыв уже с месяц как присягу принял и по боевым подразделениям распределен. А с утра — в путь. Дорога не близкая.

— Слушай, дружище, не поможешь? У меня тут дельце небольшое образовалось. Недолгое, но важное. Где тут управление СБ расположено? Да, кстати, может лучше на «ты» и по именам? Я — Михаил. По рации лучше по-позывному — Чужой.

— Идет, — предложение мое лейтенанту-пограничнику явно понравилось. — А я — Сергей. Позывной — Ракита-2. А по дельцу твоему... Нету тут СБ, Михаил. Это у нас в Югороссии — Служба безопасности, а тут — милиция и Комитет госбезопасности.

— Тем лучше. Такие названия лично мне только дополнительное доверие внушают!

Ребята моей иронии явно не поняли. Да и ладно, будем считать — не удалась шутка.

— Так что? Подбросишь до околотка, пока мои орлы разгружаются?

— Конечно, о чем разговор, — пожимает плечами тот. — Садись в машину, тут недалеко, минут за пять доедем.

— Курсант! — окликаю я выбравшегося из вагона и с интересом разглядывающего пограничников Толю. — Мне ненадолго отскочить нужно. Ты — за старшего. Давайте все на выход, знакомьтесь и приступайте к разгрузке. Раньше начнем — раньше закончим и мыться и ужинать поедем. Вопросы, жалобы, предложения?

— Никак нет, — браво, но с ехидцей в голосе гаркает вытянувшийся в струнку Толик и заглядывает в вагон. — Алле, гараж! Слезай — приехали! Есть халтурка: надо разгрузить кой-чего по-быстрому. Взамен обещают помыть, а может быть даже покормить. Так что — выходи строиться!

Из вагона, грохоча по деревянным доскам пола сапогами, начинает выбираться моя «боевая гвардия».

— Не обращай внимания, Сергей, — отвечаю я на невысказанный, но явно читаемый в глазах лейтенанта-пограничника вопрос. — Это так, мелкое фрондерство, ну, и выпендрож перед посторонними, не без того. Когда до дела дойдет — с дисциплиной проблем не будет.

— Все равно, странно как-то...

— Это потому что непривычно. У вас тут, как я понимаю, наемников нет, только строевые части, наши или местные. А значит — все по Уставу: равняйся-смирняйся, три строевых шага, отход-подход к начальству. И это правильно, на то и армия, чтоб дисциплина и субординация. У Вольных Стрелков все немного иначе. В бою у нас все как в войсках: приказ начальника — закон для подчиненного, умри, но сделай. А вот в остальное время отношения куда проще. Тут никто с докладами не марширует и по стойке «смирно» не

тянется. Правда, и до откровенного панибратства не опускаются, у меня с этим строго.

— Ну, думаю, тут уж вам самим виднее, как жить и службу нести. Хотя мне такое, на самом деле, непривычно как-то. Ладно, садись и поехали, а то рабочий день скоро заканчивается, тогда в отделе только дежурный наряд останется, начальство по домам разъедется. Тогда придется до завтрашнего утра ждать.

В местном отделе милиции я, действительно, надолго не задержался. Мы с Сергеем зашли в кабинет к начальнику, представились высокому, чуть ниже меня, бритому наголо, толстому, но при этом явно обладающему бычьей силищей, жизнерадостному майору лет этак пятидесяти — пятидесяти пяти. Вот, кстати, интересная особенность у восточных людей: в Азии «толстый, лысый и веселый» — синоним понятия «красивый». Не любят тут маленьких и худых. Даже в народных сказках всякие отрицательные персонажи — все поголовно мелкие и тощие, видать — гастритом или язвой замученные. В общем, все как положено: хорошего человека должно быть много. И здешний начальник, действительно, оказался мужиком чрезвычайно неплохим, сразу проникшимся к нам симпатией, а уж когда я назвал его Еркен-ага,⁴⁸ а не по имени-отчеству — Еркеном Абишевичем, так тот аж расплылся в улыбке от удовольствия. Полезно иногда знать и уважать традиции, даже если это традиции не твоего народа, а его соседей.

В общем, рассказал я ему в общих чертах про то, как мы проездом через их славный город по железной дороге следовали, а по пути встретили здешних чабанов, решивших в налетчиков с Дикого Запада поиграть, поезда поостанавливать с целью грабежа и что у них в результате из этого вышло. Отнесся он к моему рассказу серьезно, начал с весьма озабоченным видом подробно расспрашивать обо всех обстоятельствах: что, где, как, когда. Вызвал помощника дежурного по отделу и начальника уголовного розыска. Пока помдеж переписывал с моих слов словесные портреты и приметы, главный опер сидел молча, но стоило мне упомянуть «Тигр» старшего, он громко хлопнул себя ладонью по колену и с чувством выругался.

— Что такое? — вскинул на него взгляд Еркен Абишевич.

— Да, похоже, знаю я этого деятеля. Салим Бакчанов это, чтоб ему пусто было, старому пню! У него месяца два назад, по весне еще, падеж в стаде был, помните? Мы же помощь ему тогда предлагали, мол, Салим-ата,⁴⁹ если что — обращайся, у нас возможности есть, поддержим. Но он сказал, что сам управится. Гордый, мать его. Так вот как он, дурень, решил «управляться»... Убью гада!

— Тьфу ты, — на лице майора явно читается облегчение. — А я уж было подумал, что правда в округе банда завелась. С этим «воином Аллаха» мы воспитательную работу проведем — обещаю. Навсегда запомнит и всю эту чушь из головы выкинет. Но в Астрахань все равно сообщить нужно, на всякий случай, чтоб или локомотивные бригады вооружили, или группы сопровождения выделяли. А то глупые и вредные мысли, они заразительные. Вам же, Михаил Николаевич, спасибо огромное, что поставили нас в известность. Разберемся — обещаю. Уж что нам тут точно не нужно — так это возрождение басмаческого движения. Не для того железной рукой после Большой Тьмы порядок наводили... Ладно, не будем больше вас задерживать, вижу, дел у вас и так полно.

Еркен Абишевич встал и протянул свою лопатообразную ладонь сначала мне, потом Шрайнеру.

— Будет время и желание — милости просим к нам в гости. Только лучше просто так, без таких вот неприятных поводов.

— Хорошо, — киваю я в ответ. — Если получится — на обратном пути обязательно заглянем.

⁴⁸ Ага — уважительная приставка к мужскому имени в казахском языке. Дословно означает «старший брат».

⁴⁹ Ата — уважительная приставка к мужскому имени в казахском языке. Дословно означает «отец».

На том и распрощались.

Как там у Кипплинга:

День, ночь, день, ночь мы идем по Африке,
День, ночь, день, ночь — все по той же Африке.
Только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог...

Или это не Кипплинг? Нет, по-моему, все-таки Кипплинг — «Отпуска нет на войне». Ай, да какая на фиг разница! Главное — явно знал мужик, о чем писал. Чего-чего, а пылищи тут — мама дорогая. Просто невозможно описать творящееся вокруг нашей колонны. Густая, почти непрозрачная взвесь облаком висит вокруг наших машин. Она куда мельче, чем песок в хороших песочных часах, и потому проникает повсюду: под одежду защитные штурмовые очки, попавшие сюда вместе со мной из прошлого, сквозь темноту. Она дерет глаза, забивает носоглотку и скрипит на зубах. Я боюсь себе представить, во что превратилось бы наше оружие, если бы не своевременный совет Шрайнера и его подчиненных сделать для него чехлы из плотной ткани. И ведь если бы проблемой была только пыль! Пунктом номер два в списке выпавших на нашу долю испытаний идет жара. Солнце жарит немилосердно, на небе — ни единого облачка. Нечаянно коснувшись металла можно запросто заработать ожог. Поначалу, пока в организме еще были излишки влаги, я сильно потел. Сейчас уже просто нечем, но зато одежду на спине, груди и в подмышках будто зацементировали, того и гляди эта корка на ткани от неосторожного движения трещинами пойдет и осыпаться начнет. А еще нас всех мучает жажда. Нет, не так. ЖАЖДА. Вот, уже немножко больше на правду похоже, но все равно не то. Я еще со времен армейской срочной службы прекрасно помню, как нас учили, что пить в таких условиях нужно как можно меньше. Потому что все выпитое выйдет с потом уже через пару минут и станет только хуже. Что лучше прополаскивать рот небольшими порциями воды. Угу, попробуйте прополоскать водой рот, когда он забит песком. Вряд ли вам понравится от щеки к щеке теплую жидкую грязь перекачивать. Кроме того, висящая в воздухе пылица мгновенно набивается во флягу, стоит тебе только отвинтить крышку. И вся вода в ней тоже мгновенно превращается в грязь. Остается только одно — терпеть. Но это настоящая пытка. Да уж, планируя это безумие, я даже не представлял себе, насколько мы все на самом деле станем похожи на тех, кого будем изображать: покрытые слоем пыли, толщиной едва не в два пальца, фигуры, растрескавшиеся губы, воспаленные, красные глаза. Да и психологический настрой — полностью соответствует внешнему виду. Думаю, отчаявшиеся и отчаянные беглецы-дезертиры из нас выйдут очень убедительные.

Технике приходится, пожалуй, даже хуже чем нам. Это человек может самому себе сказать: «Терпи!» — и терпеть несмотря ни на что. Машина так не умеет, она железная. Моторы наших внедорожников и бронетранспортеров нутно ревут, захлеб, с подвываниями. Ох, мать твою, главное — чтоб не встал никто. Тогда придется брать заглохшего на жесткую сцепку и тащить, еще больше напрягая и без того работающие на износ двигатели. И ладно если накроется УАЗ или «Нива». А если БТР? Ох, кисло нам тогда придется! Но об этом лучше сейчас даже не думать, чтобы не накликать. И остается только стиснув зубы продолжать движение и надеяться, что многократно поверенный перед отправкой в путь механизм не подведет.

— Ну, что, далеко еще? — спрашиваю я у Шрайнера, когда вечером наша колонна делает короткий привал в каком-то много лет назад брошенном людьми поселке, домишки которого уже почти полностью поглощены пустыней.

Думаю, о нем уже давно бы все забыли, если бы не великая ценность, расположенная на центральной площади, — прикрытый сколоченной из толстенных, выгоревших добела, досок крышкой круглый каменный зев глубокого колодца. Вода в нем мутная и желтоватая, но восхитительно прохладная. Блин, да о чем я?! Какая, к чертовой матери, разница, какого

она цвета?! Это же ВОДА! Посреди бескрайне жаркой полупустыни.

— Скоро уже, — отвечает Сергей напившись. — До темноты, конечно, не успеем, так нам оно и не нужно.

Это верно. Мы еще вчера до позднего вечера обсуждали и прикидывали, каким образом лучше все обставить. Сошлись на том, что для пущего правдоподобия нам лучше прямо вот так через границу и прорываться. Ежели поутру патруль бредунов встретим, а мы его почти наверняка встретим, бредуны со своей стороны границу если и не охраняют, то уж по крайней мере за ней приглядывают. Патрули, секреты, то-се. Словом, в такой ситуации никаких сомнений наша легенда у них точно не вызовет. А вот будем свеженькие, выпавшиеся и относительно чистые — не поверят. И тогда — все, хана и нашему прикрытию и, похоже, всей операции. Хорошо если ноги унести успеем, ничего уже не говоря о поставленной цели.

— Ваши-то там готовы?

— Еще с позавчерашнего дня, не переживай. Нам только в условленную точку прибыть и условный сигнал по рации дать. А потом — имитировать заполошный драп. Ну, а наши будут изображать ожесточенное преследование со стрельбой и взрывами.

— Есть что взрывать?

— А то! Я ж говорю, подготовились серьезно. Даже пару грузовиков и один джип аккуратно и очень тихо на базу привезли. Подшаманили их малость. Когда сгорят — будет полное ощущение того, что не металлолом ржавый, а нормальную машину подбили.

— Ну, раз так, давай, пошли вон там в тенечке присядем, еще раз все от начала и до конца прогоним, чтоб ночью все без накладок, как по нотам вышло.

Где-то в лесу, надрываясь, верещат какие-то пичуги, шелестят листвою на слабом ветерке окружающие весьма приличных размеров поляну густые кусты орешника, солнце над головой периодически выглядывает из-за серых дождевых тучек. Вдали видны развалины какой-то деревеньки, неподалеку замер навеки прямо посреди двухполосной дороги некогда бело-зеленый, а теперь просто грязно-ржавый автобус, в котором давно уже нет не только ни одного целого стекла, но и кресел внутри, один догнивающий остов остался. Да и дорога-то на проезжую похожа была мало: сквозь асфальт не то что трава, но и кусты с тонкими молодыми деревцами кое-где пробились. Метрах в ста от дороги начинается лес, а между ними густо разрослись кусты лещины,⁵⁰ образовавшие в одном месте довольно большую поляну. На самой полянке — этакий милитаризованный вариант цыганского табора. Правда, таборы те Володя видел только на картинках в древних, дотюмовых еще книжках, но, все равно, был уверен — похоже. Разве что народ одет не так пестро, да девок чернявых в ожерельях и монисто нет, а вместо больших крытых повозок — бронетранспортеры и внедорожники, покрытые настолько толстым слоем желтой степной пыли, что сквозь него даже и цвета-то их настоящего не разобрать. Только в тех местах, где кто-нибудь по борту рукой или ногой шаркнул, и видны мазки цвета хаки. Буквально в десятке метров от Володи, сидящего на старом, трухлявом уже стволе неведомо когда поваленной березы, возле поддомкраченной «Нивы» собрались в кружок человек пять наемников, что-то негромко, но увлеченно обсуждавших и активно при этом жестикулировавших. А из-под самой машины явственно слышна безостановочная матерщина ковыряющегося там водителя — что-то явно полетело. Ситуация, похоже, не смертельная, если уж сюда доехали, но все равно требующая «хирургического вмешательства». С другой стороны — а чему удивляться-то? Разве что только тому, что после ночных гонок по пустыне, которые уже после остановки тут отряхивающий с себя пылюгу Тюкалов обозвал непонятным словом «триал», всего одна машина на домкрате задрана. Это «броня» на все наплевать, она, по словам Михаила, через полуметровые стенки

⁵⁰ Лещина — лесной орех.

переезжать может не напрягаясь. А вот внедорожникам куда сложнее. Но — бог миловал, проскочили. И теперь, встав лагерем на этой вот поляне, отряд приводит себя в порядок. Бойцы чистятся, кипятят на маленьких, почти не дающих дыма костерках воду в котелках на чай, греют консервы. Некоторые даже кое-как, с горем пополам, умываются из канистр, хотя, какое там умывание — только грязь по роже развозят. Тут нормальный водоем нужен — пруд какой, ручей или речка. А еще лучше — банька. Но это вообще из области сладких грез. Так что, с помывкой придется немного потерпеть. Судя по ветхому дорожному атласу, на котором вчера лейтенант Шрайнер понаставил каких-то загадочных, только ему и Тюкалову понятных закорючек и который у Михаила теперь вместо нормальной карты, река неподалеку есть, но выдвигаться туда еще рано. Как сам Михаил выразился: «Будем ждать, пока здешняя таможня „добро“ даст». Фильм «Белое солнце пустыни» Володя видел, чай, не совсем дикий, и по смыслу фразы догадался, что именно тут командир и решил дожидаться «парламентеров» от контролирующих здешний район бредунов. И в том, что они в самое ближайшее время появятся, он, похоже, ни капли не сомневался. На Володином вопросе о причинах такой уверенности он только улыбнулся, сверкнув зубами на грязном лице.

— Понимаешь, Вова, они ведь все-таки не идиоты, если их до сих пор не перебили. То есть кого-то, разумеется, перебили, а значит — остались самые толковые и опытные. Понятное дело, что жить постоянно в такой близости от границы они не станут, но вот контроль над ней установят самый серьезный. Иначе всегда останется опасность проснуться от того, что тебе в голову влетает пуля югороссийского пограничника. А так — секреты расставили, патрулирование наладили и спите себе спокойно, если что — дозорные предупредят. Как думаешь, если есть тут у бредунов дозоры, пропустили они ночную заварушку?

Володя только отрицательно головой мотнул, припомнив рев моторов, вздымаемые машинами облака пыли, дульные вспышки, режущие ночное безлунное небо огненные росчерки трассеров, взрывы, крики и матерщину в эфире. Они и группа «преследовавших» их пограничников промчались через границу, словно пыльная буря, оставив позади распаханную протекторами степь, россыпи стреляных гильз и три кострами полыхающие машины — пару тентованных грузовиков и нечто внедорожное, когда-то бывшее японским джипом «Ниссан-Патрол». Словом, то, что творилось этой ночью на всем протяжении «героического прорыва» их отряда от самой границы, даже немного раньше, и километров на двадцать в глубь Пустоши, проворонить мог только слепоглухонемой от рождения. А таких среди бредунов отродясь не водилось.

— И я так думаю, — продолжил Михаил. — Сами на нас напасть они не рискнут, не по зубам им наш отряд: и народу много, и бронетехника есть. Значит — обязательно доложат наверх, мол, вы начальство — вот пусть у вас башка за это и болит, а мы — люди маленькие.

— А если их начальство решит, что нужно нас того, — Володя ширкнул себя указательным пальцем по горлу.

— Не, вряд ли, — скептически поморщился наемник. — Самый большой начальник у них, во-первых — бывший военный, а во-вторых — явно не дурак. И, как минимум, захочет выяснить, что за диво дивное в его краях объявилось. Знаешь, присловье такое есть: «Кто владеет информацией — владеет миром». А мы для него как раз источник той самой информации, а может, и пополнение, причем — весьма «зубастое». А если окажемся мы тупыми беспредельщиками, то закопать нас всегда можно будет и позже, сил для этого у него хватит, и никакие бронетранспортеры нам не помогут. Нет, может статься, что Черному Полковнику какая-нибудь шлея под хвост попадет и решит он нас без долгих разговоров грохнуть... Ну, тогда по сусалам его бандитам надаем да и уйдем назад не солоно хлебавши. И тогда — прощай поставленная задача и награда за ее выполнение. Но я все-таки надеюсь, что Полковник этот именно такой, как о нем я и аналитики СБ думаем. И что вот сейчас, чтобы выяснить, кто мы такие и чего от нас можно ждать, он пришлет сюда кого-нибудь поглядеть, что мы за птицы. А наша задача тогда какая?

— Ну, наверное, сидеть на жопе ровно, всем видом давать понять, что сами мы

проблем не хотим, но, если понадобится, — такую бучу устроим, что только держись, — вопросительно смотрит на командира Стельмашок.

— В точку! Ну, ты гляди — толковый ученик попался! — Михаил последней фразой явно кого-то спародировал, но кого именно ходок так и не понял.

— Так что же, получается, мы специально, что ли, тут сидим?

— Разумеется, — пожимает удивленно плечами Тюкалов, мол, неужто сразу непонятно было. — «Хвост» обрубili, но в глубь территории не полезли, встали достаточно открыто, не прячемся, да и боевого охранения не видать...

На последний довод Володя только скептически хмыкнул.

— Вова, я же сказал «не видать», а не «нету», — ухмыльнулся в ответ Михаил. — А так, конечно, мимо нашего Руса муха не пролетит, да и ребят он себе подобрал в обучение толковых. Ну, и наводчики в бэтрах спать тоже не должны, иначе я им головы откручу и скажу, что так и было. И долю урежу на фиг. В общем — сидим, отдыхаем, понемногу приводим себя в порядок и ждем дорогих гостей.

Ждать пришлось довольно долго, то ли рации у дозорных бредунов не было, и о нашем появлении Черному Полковнику они курьером сообщили, то ли он думал и решение принимал. Уже давно перевалило за полдень, «автолюбители» дружно толпой вернули к жизни «Ниву», а у костерков уже начали соображать что-то насчет позднего обеда, плавно переходящего в ужин. Внезапно Михаил резво подскочил с бревна, на котором сидел рядом с Володей и прижал ладонь к левому уху, в котором у него плотно сидела «таблетка» наушника, а потом, поправив на груди свой устрашающего вида автомат, весело глянул на Стельмашка:

— Ну, что, Вовка, пойдешь со мной парламентаря от Черного Полковника встречать? — поинтересовался он и тут же начал отдавать в микрофон короткие, словно топором рубленные команды: — Внимание всем! Снайперы — контроль и прикрытие. Башнеры — в готовности, огонь только по команде. Остальным — занять оборону. Противник в секторе от ориентира «расщепленная ель» до ориентира «остов автобуса». По местам!

Наемники быстро, но без суеты заняли заранее присмотренные и оборудованные позиции, а Михаил и Володя пошли через заросли орешника вперед, в сторону разрушенного поселка. Подойдя к автобусу, Михаил, по-стариковски крикнув, присел на оторванное колесо, резиновая крышка которого стала от старости твердой, словно камень, и местами поросла мхом. Опершись спиной на нагретый солнцем ржавый борт, он глянул на замершего рядом Володю:

— Падай, Вовка, в ногах правды нет. Вот тут их и подождем, на виду, чтоб они не подумали, что мы что-то нехорошее замыслиаем.

— Блин, что-то мне не по себе как-то, — честно сознался Стельмашок, присаживаясь рядом. — Чувствую себя мишенью в тире.

— Не бойсь, парень, их всего четверо и они сейчас сразу у трех наших снайперов на прицеле. И один из этих снайперов — Руслан Бекетаев, про которого турецкие аскеры в Дагестане и на Терском Фронте друг другу страшные сказки рассказывали. Так что, пусть только попробуют какую-нибудь фигню задумать, «мяу» пискнуть не успеют, как в них дыр понаделают.

Володя самому себе честно признался, что слова командира его не очень-то успокоили, но рядом все же присел, настороженно озираясь по сторонам и крепко сжимая в руках снятый с предохранителя автомат. А вот Михаил, похоже, был либо очень талантливым актером, либо его на самом деле ни капельки не волновало происходящее вокруг. С видимым удовольствием вытянув ноги, он даже глаза прикрыл и выглядел мирно подремывающим. Да уж, похоже, железная выдержка у мужика!

— Ну, и какого хера ты там шарисься?! — не открывая глаз, вдруг гаркнул Тюкалов. — Потерялся, мля, маму ищешь?!

В ответ не раздалось ни звука, только застрекотала где-то неподалеку сорока.

— Да херли ты прячешься? — с ленцой разлепив веки и потягиваясь, продолжил свой, адресованный кому-то невидимому, монолог наемник. — Слушай, лохматый, может, хватит уже в прятки играть, а? Или мне в твою лысину камушком запустить, чтоб до тебя дошло, что я не шучу и на самом деле знаю, где ты ныкаешься?!

Володя только усмехнулся, прикрывшись ладонью. Ну, да, несложно так много знать о противнике, когда в ухе — наушник рации, а на стреме аж три снайпера, один из которых — настоящий профи. В кустах слева от автобуса негромко зашелестело. Похоже, бредун, к которому обращался Тюкалов, решил, что, в самом деле, глупо продолжать прятаться, если противник тебя все равно видит. Ветки орешника раздвинулись, и на выкрошившийся асфальт вышел бредун. Хорошо вышел, сторожко, на слегка согнутых подпружиненных ногах, готовый в любой момент кувырком уйти назад в кусты. Да и оружие свое, явно не новый, но ухоженный АКС-74, он держит грамотно. Сразу видно — воробей стреляный и боец серьезный, не то что казахские скотоводы, решившие в бандитов поиграть. А вот одет он, для бредуна, подозрительно чисто и опрятно: длинный, до середины икры просторный плащ-пыльник из толстой светло-коричневой кожи с отброшенным на спину глубоким капюшоном. Из-под пыльника выглядывают голенища и носы высоких, также кожаных сапог. Вокруг шеи темно-серого цвета шемах, намотанный, словно широкий шарф. Поверх плаща — битком набитая брезентовая разгрузка-лифчик. Издалека его вполне можно было бы принять за ходока, если бы не два серьезных «но». Во-первых, ходоки все же не воины, а барахольщики. И в их экипировке главное — не столько оружие и боеприпасы, хотя и без них в Пустошах долго не протянуть, сколько рюкзак. Большой, вместительный. А у этого даже маленького рейдового ранца за плечами нет. Во-вторых, ни на поясе, ни в многочисленных карманах разгрузки у него не наблюдается самого важного для любого ходока прибора — радиометра. Мало того, на лысой, будто колено, голове бредуна волос нет совсем, даже бровей и ресниц, да и глубокие, давно зажившие язвы на лице и руках говорят сами за себя: когда-то он хапнул весьма немалую дозу, не смертельную, но серьезную. Ходоки в места с таким фоном никогда не сунутся, даже самые жадные и отчаянные. Потому как глупо и бессмысленно. И здоровье потеряешь, и заработать ничего не заработаешь, а то и в петлю угодишь — у солдатиков на дозиметрических постах Бригады с чувством юмора напряженно и к фoniaщему хабару относятся они крайне отрицательно, как и к тем, кто его на чистые земли с Пустошей протащить пытается. Так что, в том, что перед ним бредун, сомнений у Володи не возникало, только вот был он какой-то не такой, неправильный. Как выразился бы любивший мудреные словечки Рыжий — нетипичный. Типичными были те, которых наемники в Ольховке покروшили, — грязные, вонючие, оборванные. С другой стороны, если уж этот самый Черный Полковник в своей банде армейские порядки завел, то и на внешнем виде его «личного состава» это вполне могло отразиться.

Бредун несколько секунд напряженно их разглядывал, а потом, убедившись, что ни здоровенный парняга, вальняжно, словно на мягком диване, развалившийся на старом колесе, ни пристроившийся рядом с ним молодой пацан ни бежать, ни за оружие хвататься не собираются, подошел ближе.

— Эй, слышь, солдатик, а не заблудились ли вы часо?.. — начал было он, но почти сразу запнулся и замолчал.

Фраза была явно заготовлена заранее, но под совершенно другую ситуацию. Вот если бы он в густых зарослях ткнул этому странному, какому-то преувеличенно беспечному бугаю в затылок стволом и сказал бы то же самое — эффект был бы совсем другой. А сейчас... Глядя в веселые глаза чужака, который пожевывая и перекатывая во рту, словно зубочистку, какую-то короткую тонкую веточку, разглядывал его с интересом, но не как противника, а будто какую-то забавную зверушку... Словом, сразу понятно становилось — и слова не те, и тон не тот, и обстановка не та. Не звучит, страха не внушает. Вот и замолчал он на полуслове.

— Так тебе чего нужно-то? — улыбаясь, поинтересовался у него Тюкалов. — Добровольцев мы пока не набираем, извини... Или ты нанять нас хочешь? Тогда другое

дело! Но учти, мы берем дорого.

Бредун аж задохнулся от такой наглости и явно собрался было рыкнуть в ответ что-то, наверняка злое и оскорбительное, но...

— Хорошо подумал? — голос и тон Михаила по-прежнему были ровными и доброжелательными, но, все равно, чувствовались в его словах и издевка, и нешуточная угроза. — Учти, у меня на каждого из тех четырех человек, что с тобою пришли, — по снайперу. Которые вас давно уже на мушке держат. А в сторону деревни, где у вас машины и остальной народец, — КПВТ и «Утес» развернуты. Продолжать нужно?

Бандит, видимо, явственно представил, как неумолимо замерла на его переносице прицельная «галка» оптического прицела, сразу сник и отрицательно мотнул головой.

— И я о том же, — примирительно развел руками наемник. — Кроме того, старший твой тебе явно не напасть на нас велел. А то бы ты тут со мной сейчас разговоры бы не разговаривал. Так?

— Так, — бредун явно немного оправился и заговорил уверенней. — Полковник хочет знать, кто вы такие и что вам здесь нужно?

— А представиться ты не желаешь? А то как-то невежливо получается.

— Ишь вежливый какой, мля, — сплюнул себе под ноги бредун. — Ладно, давай знакомиться. Я Паша. Погоняло — Горелый.

— Михаил, — представился в ответ Тюкалов. — Позывной — Великан.

Еще в Иловле наемники решили, что настоящие позывные бредунам лучше не называть. Мало того, даже знаменитые черные головные платки, своеобразную эмблему всех терских наемников, он велел всем снять и с собой не брать, заменив их на оливковые или камуфлированные, а то и вовсе на кепки. Информация о группе наемников с Терского Фронта, охраняющих границу в районе Иловли, до бредунов уже вполне могла дойти. Самая общая, конечно, но уж что-что, а их позывные, довольно часто звучавшие в радиоэфире, вполне могли стать известны Черному Полковнику. Да и тот факт, что группа якобы дезертиров тоже с Терека, бредунам знать тоже ни к чему. Это может навести на ненужные мысли и подозрения. Так зачем попусту рисковать?

— Ну, считай, познакомились, — бредун явно был не настроен толочь воду в ступе. — Типа, очень приятно и все такое. Так что мне передать Полковнику?

— Передай ему, что мы — отряд Вольных Стрелков. У нас с югороссийской армией вышло некоторое... э-э-э... недоразумение, и мы решили поискать счастья в ваших краях. Так что, цели у нас простые — или тут найти какую-никакую работенку, или через вас дальше двинуться с теми же целями.

— Значит, дезертиры? — понимающе кивнул лысый. — И работу ищите?

— А я что, разве не это только что сказал? — Михаил изумленно заломил брови «домиком», словно поражаясь тугодумию собеседника.

Горелый еще раз сплюнул и хмуро поглядел на Тюкалова.

— Короче, мы Полковнику доложим. А вы пока сидите на месте и не рыпайтесь. Ждите, пока он решит, что и как с вами дальше будет.

— Слушай, Павел, — Михаил плавным и текучим движением встал с колеса и пару раз сильно хлопнул себя по плечу, отчего в воздухе повисло маленькое облачко пыли, — мы уже которые сутки только и делаем, что бежим сломя голову. С водой скоро напряженка начнется, самим помыться-постираться нужно, на машинах болты подтянуть... Ну, сам не маленький, понимать должен... Опять же, до границы тут близко. А ну как погранцы с карательным рейдом нагрянут?

Но Горелый был непреклонен.

— Ничего, потерпите, ждать недолго. Если все нормально — то проводим вас туда, где и себя, и машины в порядок привести можно, а если нет... Ну, тогда оно вам тем более ни к чему будет. Мертвые, типа, не потеют!

Бредун зашелся в каркающем, больше смахивающем на кашель, смехе, словно на самом деле сказал что-то смешное.

— Юморим, значит, — Михаила поведение Горелого ни капли не смутило. — Нью-нью. Главное — себя не переоцени, Петросян, мля. Меня до хера кто прищучить пытался. До сих пор все перед глазами как живые стоят.

Слышна в его словах была такая непоколебимая уверенность в себе и своих силах, что бредун своим смехом чуть не подавился.

— Короче, ждите на месте, — наконец нашелся он после затянувшегося на несколько томительных секунд молчания. — Я же говорю — это не долго. А югороссы сюда не суются, не переживай.

— Уболтал, речистый, — покладисто согласился Тюкалов. — Сидим, ждем. Только ты в следующий раз вот так по кустам не крадись. А то мои парни шуток не понимают... Лучше уж по дороге иди, не прячься. Так сказать, во избежание недоразумений.

Горелый только согласно кивнул и снова нырнул в заросли, а Михаил, призывно махнув Володе рукой, направился к лагерю отряда.

— Миша, ты думаешь, им можно доверять?

— Кому, этим?! — Тюкалов даже замер, удивленно глядя на ходока. — Да ты чего, Вова? Этим ухарям только возможность дай, зарежут — не поморщатся.

— Тогда зачем все это?

— Понимаешь, Вовка, тут все просто: нужно показать и доказать, что мы злые и сильные, но им не враги. А возможно, даже и союзники. Но если с нашими-то силами красться через здешние края незаметно, то в наше дружелюбие хрен кто поверит. И устроят нам в каком-нибудь подходящем местечке теплую встречу с парой фугасов и плотным ружейно-пулеметным... Короче, не пролезем мы тут тихой сапой, они, в отличие от нас, тут все знают. У них в каждом дупле тут глаза, под каждой корягой — уши. А так, как мы сейчас действуем — шансов больше. Хотя и тут гарантии никто дать не сможет. Ладно, делать нечего, будем ждать результатов.

Автоматные патроны, яркие, красивые словно игрушки, поблескивая желтыми латунными боками, горкой лежат в старенькой, некогда защитного цвета армейской кепке. Периодически зачерпываю их оттуда штук по пять-семь зараз и один за другим снаряжаю в магазин. Их мерное клацанье успокаивает. Медитация, блин! С другой стороны, а почему нет? Чем не способ? Уж всяко со стороны симпатичнее выглядит, чем «созерцание пупка» при помощи которого себя какие-то восточные, то ли буддистские, то ли синтоистские монахи в транс погружали. Да и в «астральные сферы» мне, в отличие от бритых узкоглазых извращенцев, ни разу не нужно. Мне так, чисто время скоротать, пока гонец Черного Полковника не вернется. А какое самое лучшее времяпрепровождение для солдата, ну, после пожрать и поспать, разумеется? Все верно, уход за оружием. Автомат сейчас разбирать не стоит, мало ли какая безумная мысль бредунам в их облученных мозгах объявится. Вроде начало знакомства вышло вполне мирное: обнюхались, клыки слегка показали, и на этом все. Драки, надеюсь, не предвидится. Ни к чему она нам. Нет, если понадобится, то этих вояк, что нас тут типа стерегут, мы в мелкий фарш перемелем вполне уверенно. Возможно, что и без потерь. Вот только цели у нас совсем другие, а о походе в Самару за спутником после подобной заварушки можно будет забыть. Так что изо всех сил изображаем дружелюбие. Силу нам изображать ни к чему, она и так видна.

Кстати, пора бы уже нашим «гостеприимным хозяевам» объявиться. А то вечереет уже. Малиновый диск солнца уже вот-вот за верхушки елок цеплять начнет. Понятно, что лето на дворе и стемнеет не раньше одиннадцати, но в ночь куда-то по незнакомым местам ехать — да ну его на фиг!

— Командир, гости твои опять к нам, — забубнил вдруг наушник голосом Руслана. — Спокойные, вроде. На одной машине, оружие попусту не мацают. Встали возле автобуса, похоже, тебя ждут.

Я еще в самом начале пути отдал парням приказ от армейских правил радиообмена на время этой экспедиции отойти. Нечего противнику, если он нас слушает (а в этом я почти

уверен) знать о том, какие мы в данном вопросе грамотные и подкованные. Теперь переговоры на марше больше всего напоминают хорошо памятную мне еще по прошлой жизни болтовню водителей маршруток бестолковый треп, про позывные все забыли, по именам друг друга вызывают или, вот как меня сейчас. Иногда аж кулаки сжимаются, до того хочется за подобный бестолковый гвалт кому-нибудь подзатыльника отвесить. Причем как мне кажется, парни специально чуть ли не анекдоты в эфире травят, чтоб меня позлить. Издеваются, негодяи, над любимым начальством. Но — сам приказал, приходится терпеть.

— Понял тебя.

Оставшиеся патроны добиваю в магазин в шустром темпе вальса, не до медитаций уже — поспешать нужно. Ничего, не устанут гости ждать. Армейский норматив по снаряжению магазина — тридцать пять секунд на «отлично», только тот норматив на мальчишек-«срочников» рассчитан. Так что справляюсь немного быстрее. К автомату снова примыкаю «банку» от РПК на семьдесят пять патронов, которую мне перед отъездом на память Сергей Сергеич, хозяин «Ратника» презентовал. Она почему-то на неподготовленного зрителя все время очень сильное впечатление производит, ну, особенно в комплекте с упакованным в крутой пластиковый «обвес» АК-103. В этот раз пойду уже не с Вовкой, возьму Курсанта с пулеметом. Для солидности и так, на всякий случай. В том, что сразу на нас не нападут, я был уверен на все сто процентов, а вот сейчас... Кто знает, что там господин Черный Полковник на наш счет решил? Как говорится, «возможны варианты». И вот как раз на случай этих самых «вариантов» лучше за спиной иметь проверенного боевого товарища, с которым уже отлично сработались и без слов друг друга понимаем, а не мальчонку-ходока, у которого уровень подготовки даже до хорошего солдата срочной службы прежних времен не дотягивает пока. И которого еще тренировать и тренировать.

— Подъем, толстячок, есть работенка, — присев на корточки рядом, хлопаю я по широкой спине напарника, занявшего позицию неподалеку от «свинобраза». — И «швейную машинку» не забудь, мало ли.

— Обижаешь, командир! Это когда это меня последний раз толстым назвать можно было? — сделав вид, что надулся от обиды, Толян как бы невзначай играет накачанной мышцей.

Что есть, то есть — и совместные тренировки помогли, и сам Курсант за себя крепко взялся. От того начинающего заплывать жирком молодого наглеца, которому я почти год назад чуть руку в «Псарне» не сломал, давно и следа не осталось. Уж на что я себя доходягой не считаю, но Толин прогресс даже у меня легкую зависть вызывает. С другой стороны, когда мне лет столько же было, сколько ему сейчас, от штанги меня тоже перло, словно на дрожжах, безо всякой химии. Как выражался мой незабвенный инструктор прапорщик Комаров: «Какой метан, какой ретаболил?»⁵¹ Молоко и гантели!!!» Это сейчас я уже старенький стал, дохленький: больше сотни от груди и не жму, здоровьице берегу.

— Хорошо, хорошо, согласен, — я легонько ткнул Толю кулаком в налитое плечо. — Беру свои слова назад. Хватай пулемет и айда, глянем, чего там по нам здешний главный босс решил.

Горелый явно внял моему совету и решил судьбу не испытывать, по кустам не ползать. Прибыл открыто, по дороге, причем «верхами». Возле проржавевшего насквозь ЛиАЗа, подмяв под переднее колесо тонкую молодую березку, стоит почти такой же, как у нас, разве что сантиметров на тридцать шире, открытый УАЗ. Лифтованный, с кованым бампером и сварным «кенгурятником». Сделан, правда, куда грубее, чем наши, ну так не всем повезло с Умаровыми быть знакомыми. Да и в целом вид у машины был какой-то... Усталый, что ли, и неухоженный. Местами побитая и грубо подрихтованная, местами проржавевшая, причем на крыльях и по низу дверей — аж до дыр. А еще колеса у них обычные, старенькие, с почти

⁵¹ Метан и ретаболил — таблетки и инъекции, изначально предназначенные для лечения дистрофии, очень любимые доморощенными российскими «бодибилдерами», не имеющими денег на хорошие, но дорогостоящие стероидные препараты.

лысым протектором. С другой стороны, а где другие достать? Старые запасы крутой внедорожной резины кончились давно, а новой из Харькова сюда точно не завозят. Хотя нет, наверняка возят — контрабандисты. Но вряд ли много и, наверняка, очень задорого. С другой стороны... Прочно? Да. Крепко? Да. Надежно? Вроде не разваливается. Ну, так чего ж еще нужно?! Им на нее не любоваться, им на ней ездить. Над дугами безопасности слегка покачивается на ветру суставчатый «хлыст» антенны. Ага, значит, радиосвязь у них все-таки есть! Кстати, знакома мне их машинка, еще по прошлой жизни знакома. Кажется, «Скорпионами»⁵² такие называли. На турели для солидности даже не пулемет — АГС-«тридцатка». Правильно, у «семнадцатого» отдача такая, что после первой же очереди стрелка за борт снесет, причем не исключено, что в обнимку с самим гранатометом и турелью. Явно пофорсить решили парни, показать, какие они из себя крутые и серьезные. Не, мужики, не счетово, у вас же к нему даже одной полной «улитки» нет, так, свисает жалкий хвост ленты, выстрелов на шесть, кажется. Да в стволе один. Короче — две очереди, и все, хана всей крутизне и солидности, хоть наперевес с этим АГСом в атаку иди, как с дубиной. Благо, весу в нем всего около пуда. Так что в здешних краях вы, возможно, и в авторитете, а вот на фоне тех же Непримирих — прямо скажем, так себе, весьма средненько. Возле машины — только Горелый. Водитель — за «баранкой», еще один бредун в засаленной и грязной некогда камуфлированной панаме за ручки гранатомета держится, туда-сюда стволом водит. Ой, блин, кино и немцы! Как ты вообще на такой дистанции стрелять-то собрался, чудила? ВОГУ ж метров двадцать — двадцать пять пролететь нужно, прежде чем он на боевой взвод встанет. Ну, да ладно, чем бы дитя ни тешилось. Мне не за то платят, чтоб я вас уму-разуму учил. Если считаешь, что ты ситуацию контролируешь — попутного тебе ветра в могучую спину, нам же потом, если что, легче будет тебя, такого грамотного и умелого, уконтропупить.

— Нормально, командир, держим всех. Ежели что — и дернуться не успеют, — снова слышу я в наушнике спокойный, даже скучный какой-то голос Бекетаева.

— Ох, гляди мне, Соколиный Глаз херов! Вот пристрелят меня — оставлю тебя без квартальной премии и без «тринадцатой». И командировочные урежу. Считаю официальным предупреждением.

Снайпер в ответ только коротко хохотнул, а я, сдвинув вниз флажок предохранителя и коротко кивнув Курсанту, мол — пошли, вышел из зарослей на обочину.

Бредуны при нашем появлении напряглись. Горелый поправил висящий на груди автомат, водила тоже свой схватил из зажима возле кресла, гранатометчик еще крепче за ручки АГС ухватился, но, видя, что мы с Толяном идем по дороге открыто и неторопливо, оружие держим спокойно, лапами к спусковым крючкам не тянемся, немного успокоились. По крайней мере, оболтус этот в панамке перестал нас стволом АГСа сопровождать. А то, знаете, нервирует это как-то. В дуло такого калибра заглядывать любителей немного, и я в их число точно не вхожу.

— Ну, что, Павел, есть тебе чем нас порадовать?

— Это как посмотреть, — ухмыляется тот. — Полковник велел сопровождать вас в Рощинский. А уж насколько вам там радостно будет — не знаю. Некоторым там ой как плохо бывает, просто не передать, до чего хреново.

— Это не про нас, Горелый. Ведь так, Анатолий? — я обернулся на напарника.

Тот с готовностью подтвердил, согласно мотнув головой, сооротив при этом такую физиономию, что бредуны явно решили поверить на слово. Нет, явно великий актер в нашем Курсанте пропадает!

— Когда выдвигаемся?

— Да хоть прямо сейчас, — пожал плечами Горелый. — Сегодня до места все равно не доберемся, переночуем в Нефтянке, а то что-то неохота мне под открытым небом спать, если

⁵² «Скорпион» — широкобазный автомобиль повышенной прочности и проходимости на базе УАЗ-3159.

можно под крышей, да еще и на койке. Да и ты вроде в порядок себя и братву свою привести хотел? Вот там и отмоетесь, на постоялом дворе.

— А что, и постоянный двор там есть?

— В Нефтянке-то? — Горелого мой вопрос явно озадачил. — Да там все есть, и постоянный двор, и баня, и заправка с автомастерской, и кабак с шалавами. Любой, мля, каприз за ваши бабки. Понял?

— А то, — согласно кивнул я.

— Ну, вот и молодец. Сколько вам на сборы нужно?

— Нам? — я криво ухмыльнулся. — Какие там сборы, Горелый, голому собраться...

Обернувшись в сторону поляны, даю условленную отмашку руками и дублирую по рации:

— Общий сбор, парни! Хватайте свои манатки и по машинам. Нас тут подхватите.

Услышав в ответ несколько докладов от старших машин, мол, все нормально, командир, приняли, поняли, выдвигаемся, снова оборачиваюсь к бредуну.

— Далеко ехать-то?

— Не, не очень, к ночи будем.

К ночи? Нью-нью! Да по таким дорогам нам бы к завтрашнему утру добраться. Как там у кого-то из великих полководцев: «Дорог нет — есть направления». Блин, тут такое ощущение, что и направлений-то тоже толком нету. Даже бронетранспортерам, и тем несладко приходится, а уж про внедорожники я вообще молчу — еле с ухаба на ухаб переползают. Да еще брошенные прямо на дороге, да там и сгнившие машины объезжать постоянно нужно. Твою ж маму, и это на бывшей федеральной трассе! Блин, что ж тут у вас на каких-нибудь второстепенных проселках делается? Вот ведь, твою маму, как же хорошо, что я наши, почти до неузнаваемости в мастерской старого Исмаила Умарова переделанные, УАЗы и перешедшие к нам по наследству от мамелюков в Червленной «Нивы» взял. Те машины, что моему отряду в Иловле подогнали, пусть и новые почти, но в штатной комплектации, здесь уже давно на буксире тащить пришлось бы. Причем хозяевам, в смысле бредунам, приходится ничуть не лучше нас, если не хуже. Тот «Скорпион», на котором Горелый на встречу приехал — самая приличная их машина. Остальные даже автомобилями назвать сложно. Так, блин, транспортные средства. Нечто на четырех колесах, передвигающееся при помощи ДВС⁵³ и имевшее в далеких предках... А черт его знает, если честно, из чего они это слепили!

Собралась наша колонна на поле перед теми самыми развалинами того самого поселка, окраины которого были нам видны с нашей полянки. Судя по атласу автодорог, заменяющему мне сейчас карту, — это когда-то была Большая Черниговка, а в сторону Самары мы двинем по бывшей трассе М-32.⁵⁴ А тут действительно недалеко, километров сто двадцать, если по дороге. По прямой — и того меньше. Что ж, тем лучше для нас.

Вообще, конечно, со стороны наша процессия наверняка выглядит комично. В голове колонны — явно выдавший куда лучшие времена УАЗ-«Скорпион», за ним следом мы, на двух бронетранспортерах, настороженно поводящих по сторонам стволами крупнокалиберных пулеметов, двух УАЗах и двух «Нивах», ошестившихся пулеметными и автоматными стволами. А «конвоирует» все это дело парочка каких-то.... Как бы это помягче... Бастардов⁵⁵ автопрома, неизвестно из чего собранных и непонятно каким

⁵³ ДВС — двигатель внутреннего сгорания.

⁵⁴ Трасса М-32 — федеральная трасса Самара — Большая Черниговка — граница с Казахстаном. Далее идет на Уральск и Актюбинск.

⁵⁵ Бастард — незаконнорожденный сын. Приличный и более благозвучный синоним слова «ублюдок».

образом вообще самостоятельно передвигающихся. Не иначе, божьим попустительством. По крайней мере, я ничем, кроме вмешательства высших сил, их живучесть объяснить не могу. Так вот и едем. КORTEЖем, мля!

Чем дальше забираемся, тем меньше нравится мне окружающий пейзаж. Вы когда-нибудь на старых пепелищах бывали? Ну, допустим, сгорел дом. Давно сгорел, несколько лет назад. Уже и прогоревшая крыша окончательно провалилась, и обугленные стены просели и каким-то вьюном поросли, и трава с кустами сквозь слой углей проросли. Но, все равно, впечатление от таких мест гнетущее. Тут когда-то жили люди, причем неплохо жили, а может даже, и отлично, счастливо. И если приглядеться, то можно даже увидеть какие-то следы той жизни — оплавленные детские игрушки, осколки посуды, обугленную мебель, обгоревшие книги и семейные фотографии. Все это словно говорит: была тут спокойная и радостная жизнь. Была, а потом в один момент вдруг взяла да и кончилась, обернувшись бедой и горем. Это ощущение всегда очень на психику давит. Причем в той ситуации, про которую я говорю, речь всего об одном доме идет. А теперь представьте, что таких домов много, очень много. Не улица, не квартал, и даже не микрорайон. Что их вокруг сотни, тысячи. Деревни, поселки, небольшие городки. Черные, обугленные, выгоревшие дотла. Почти полностью рассыпавшиеся деревянные деревенские, все еще кое-как стоящие кирпичные «хрущевки» и панельные многоэтажки. Щерящиеся острыми сколами закопченных стекол провалы магазинных витрин, гнутые и перекрученные игровые городки детских садов и турники школьных спортгородков. Торчащие то здесь, то там, согнувшиеся и корявые, словно сгоревшие спички, уличные фонари и электрические столбы. Мазки сажи на стенах и заборах. Черно-рыжие трухлявые остовы машин на улицах. И повсюду толстый слой углей. Старых выцветших до светло-серого цвета, хрупких, хрустящих под протектором колес. Да, молодая зелень уже пробилась сквозь эту черно-серую уродливую коросту: трава, кусты, молодые, тонкие и еще не окрепшие деревца. Кое-где, в тех местах где, видимо, раньше были газоны и клумбы — так вообще бурьян стоял стеной чуть не в рост человека. Но даже они пока не в состоянии прикрыть эту жуткую выжженную рану на теле земли. А главное — кости. Повсюду человеческие кости. Черные, хрупкие, лежащие везде. Где-то густо, словно ковром, в несколько слоев. Где-то реже. Но — везде. Ну, как ощущение?

Вот и нас проняло. А уж что тут творилось сразу после ядерного удара, когда полыхало все, что могло гореть, когда в густом, удушающем дыму невозможно было увидеть даже ладони вытянутой вперед руки? Когда некому и нечем было тушить этот грандиозный пожар, по сравнению с которым все прежние лесные и торфяные пожары, вместе взятые, — так, детское баловство со спичками? Твою ж мать!!! Это сколько же людей тут лежит? Сгоревших, задохнувшихся в дыму, отравившихся угарным газом да просто затоптавших друг друга в панике. Тысячи? Десятки, сотни тысяч? Наверное — ближе к последнему. И все они до сих пор тут, вокруг. На разбитом асфальте улиц и тротуаров, среди груд перекрученного ржавого железа, которое раньше было автомобилями, в выгоревших коробках домов. Их обугленные тела размыло дождями и талыми водами, сквозь них проросли трава и кустарник, их кости растащили звери, дикие и одичавшие. Никто их не искал, никто не опознавал и не хоронил. Так и лежат они там, где настигла их смерть, словно никому не нужный, выброшенный за ненадобностью хлам. Жутко...

— Слушай, Горелый, и что, везде вот так? — спрашиваю по рации у бредуна.

Я еще до того, как двинуться в путь, выяснил у него частоту, на которую была настроена установленная в его «Скорпионе» радиостанция, чем ввел его в ступор. Он, похоже, в такие тонкости и не вникал никогда. Говорит эта «шайтан-коробка»? Ну, и хай с ней бис, пушай дальше говорит. А что, почему — да кому оно интересно?! К счастью, оказался среди бредунов и один немного понимающий в вопросе. Так что, «Кенвуд» свой я на их частоту настроил и теперь для того, чтобы вопрос задать или уточнить что-то, не придется долго руками махать, Пашино внимание привлекая, и всю колонну тормозить.

— Не, не везде. Где живут, так там все расчистили и отремонтировали, как смогли. Кой-где, в основном там, где какой-то завод крутой был, или у вояк базы большие были...

Короче, куда амеры ракетами долбанули, там воронки. Здоровенные, сука, десяток грузовиков в каждой зарыть можно и место еще останется.

— Фонит там небось?

— Где-то фонит, а где-то и нет. Они ж не только ядерными херачили. А местами так и вообще стоит все, почти неповрежденное. Ну, кроме того, что потом уже порушили да само развалилось. Как в том же Нефтегорске.

— Это как же так получилось?

— А я знаю? Я тебе не этот, мля, не профессор какой-нибудь... Говорят — химией все потравились.

— Тоже американцы постарались?

— Да щаз! Сами себя, мля!

Мне осталось только понимающе хмыкнуть. Ну, да, так ведь и есть. Мало кто из обычных обывателей знает, что для того, чтобы убить большой город, вовсе не обязательно его бомбить, расстреливать артиллерией и травить боевыми газами. За глаза хватит и того, что уже имеется в «народном хозяйстве». Врезалась мне в память фраза одного преподавателя, что у нас в отряде занятия по ГО и ЧС⁵⁶ вел. Как он там говорил? Одних только запасов хлора на московских водоочистных станциях при его одномоментной утечке хватит, чтобы образовалось облако, которое накроет не только Столицу, но и на всякие Мытищи, Зеленограды, Люберцы и прочие Химки с запасом хватит. Причем концентрация газа в нем будет превышать смертельную раз этак в двадцать-тридцать. Что это значит? Это значит, что любого человека в таком облаке хватит только на вдох. Выдыхать ему будет просто нечем — разьест ему легкие в мгновение ока. А кроме хлора в больших городах есть еще мясоперерабатывающие и холодильные комбинаты, молокозаводы и всякое такое прочее. А на них промышленные холодильники и огромное количество аммиака. Тоже тот еще подарочек и от хлора отличается только тем, что невидимый и летучий, зараза, вверх тянется, а не понизу стелется. Кое-где холодильники были новее, на фреоне, что ситуацию ничуть не облегчало. Фреон, нагретый до двухсот пятидесяти градусов по Цельсию, что при пожаре — дело нескольких минут, превращается в фосген. А это уже совсем не шутки. Фосген — уже вполне себе боевое отравляющее вещество, которым, как и ипритом, в Первую мировую солдат вражеских гробили — только в путь. Отек легких, удушье и все — пишете письма мелким почерком. И это еще не все. Есть производящие всякую бытовую химию заводы. Там вообще смертельно опасной химии целый букет. Газопроводы, опять же, и вся прилегающая к ним инфраструктура, типа насосных станций. Насколько обычный бытовой газ при серьезной утечке опасен — никому объяснять не нужно. Железнодорожные товарные станции и крупные промышленные склады, на которых какой только дряни в цистернах не стоит и в вагонах да ангарах не лежит! А ведь мы пока только о гражданских объектах говорим. Про всевозможные армейские склады с их взрывоопасной «начинкой» вообще вспоминать не хочется. Словом, проще сказать, что в большом городе опасности не представляет. И список этот получится очень коротким.

В общем, не хотел бы я в тот момент, когда Большой Песец на мягких лапах все-таки пришел, оказаться в большом городе. Плохо там люди умирали тогда, страшно. Уж не знаю, кому или чему я обязан провалом из своего времени сюда, но испытываю я за это самую глубокую признательность. Мало того, что изначально от смерти спасся, а ведь мог бы сгореть в том чертовом «КаМАЗе» посреди Алпатово, так еще и от гораздо более страшной участи парой лет спустя уберегся.

— Командир, похоже, уходим мы с трассы, — вырвал меня из невеселых размышлений голос сидящего рядом Руслана.

— Елки, правда, куда это мы? На Самару же прямо, — обеспокоенно заерзал позади

⁵⁶ ГО и ЧС — Гражданская оборона и чрезвычайные ситуации, предмет из программы служебно-боевой подготовки МВД.

меня Вовка.

— Вот сейчас и поглядим, — флегматично буркнул стоящий за пулеметом Толик.

«Скорпион» Горелого, сбросив скорость почти до пешеходной, свернул с разбитого асфальтового полотна трассы на еще более убитую второстепенную дорогу, уводящую куда-то вправо, за молодой, выросший на месте много лет назад сгоревшего, лесок.

— Паша, а мы далеко собрались? На Самару-то — прямо.

В ответ бредун только ехидно хихикнул.

— Солдатик, а кто тебе сказал, что мы вообще в Самару едем? Или ты думаешь, что мы совсем сбрендили, в тех заплесневевших развалинах жить? Мы сейчас в Нефтянку, это городок наш торговый, недалеко от развалин Нефтегорска. А уже завтра — на базу нашу, к Полковнику.

— Понятно, — явную насмешку я проигнорировал, а потом снова переключил станцию на наш канал. — Внимание всем, по сторонам глядеть внимательнее, мало ли что. Похоже, скоро обжитые места пойдут.

И снова я не ошибся. Нет, деревеньки, через которые мы проезжали, по-прежнему были мертвыми, давно покинутыми. Но, все равно, следы присутствия людей появились: кто-то убрал с дороги весь автомобильный металлолом, спихнув остовы в кювет. То здесь, то там изредка попадались вполне наезженные гравийки и грунтовки. Вдали иногда видны были явно обрабатываемые поля. А пару раз где-то вдалеке вставали подпирающие небо столбы густого дыма. Дорожные знаки, опять же. Если раньше они, чудом уцелевшие со времен Большой Тьмы, выглядели просто ржавыми насквозь кругами и прямоугольниками на не менее ржавых столбах по обочинам, то попадавшиеся нам навстречу сейчас больше напоминали решето. Есть такая примета: дай дурню в руки оружие да патроны и перестань контролировать, он первым делом по дорожным знакам палить начнет. Порода у них, дураков, такая — легко предсказуемая. Думаю, если бы не сгустившиеся вокруг сумерки, подметили бы еще больше, но и увиденного нам вполне хватало.

— Миш, слушай, а что это у них там, пожар что ли? — подал голос Стельмашок, ткнув пальцем в сторону дыма.

— Вряд ли, — поморщился я. — Если б пожар, то кроме дыма еще и зарево видно было бы. Скорее — «самогонные аппараты» керосинят.

— Кто? — явно не понял ходок.

— Что, — поправил его. — Кустарный нефтеперегонный завод. Работает по принципу деревенского самогонного аппарата. Бак, змеевик, нагрев, конденсация. Все элементарно. У нас, на Терском Фронте, даже дикие Непримиримые такие строить умели. А до них, еще до Большой Тьмы, в тех краях народ тем же на жизнь зарабатывал. Бензин, правда, так себе выходит, но с другой стороны, а кому сейчас «девяносто пятый» нужен? «Восьмидесятый» и дизелягу нормальную при грамотном подходе там выгнать можно, если не халтурить.

— Погоди, а тут нефть разве есть? — это уже Толя.

— Ты по сторонам «башней» води, Анка-пулеметчица! Есть тут нефть, есть. Правда, с добычей напряженно: если сохранилось оборудование, что до Большой Тьмы установили, то качают. А если нет? Вокруг-то погляди... Много ли в таком аду уцелеть могло? А новое построить — задачка та еще. Это ж буровая вышка, трубы, насосы... Целый комплекс. Такое по нынешним временам только крупный анклав потянет, но никак не банда, пусть и большая. Зато кроме нефти тут есть еще горючие сланцы. Причем — очень много. И добывать их, как тот же каменный уголь, открытым способом можно, в карьере. Хочешь — экскаватором, а хочешь — лопатой и кайлом. На что фантазии и возможностей хватит. А из сланцев этих какой-то там сухой перегонкой, кажется, если не путаю ничего, получают что-то вроде смолы, которая по всем своим свойствам почти как нефть.

— Да ладно?!

— Вот тебе и ладно. Это еще что. Я где-то читал, как то ли на Аляске, то ли в Канаде бензин вообще из песка делали.

— Чего? — это уже все мои спутники дружно выразили свое недоверие.

— Того. Там какие-то пески особенные были, битумные. Вот их тоже как-то там обрабатывали, выпаривали, или еще чего, и тоже получали какую-то фигню, на нефть похожую. Ну, а уж из нее — бензин.

— Офигеть, чего только на свете не бывает, — восхищенно присвистнул Стельмашок.

— Скорее уж — не бывало, — хмуро отозвался я.

М-да, что-то окружающие виды, да еще и в стремительно сгущающихся сумерках, снова на грустные мысли наводят. Какую ж землю мы, идиоты, дружно просра... Ай, ладно, что толку себе нервы трепать. Все равно от меня и тогда ничего не зависело и сейчас того, что случилось, я изменить не смогу при всем желании.

О приближении к торговому городку Нефтянке мы узнали заранее. Сначала заметили на обочине на удивление хорошо сохранившийся синий дорожный указатель «Нефтегорск», на котором кто-то прямо поверх изначальной надписи вывел черной краской большими и почти ровными печатными буквами: «янка» поверх «егорск». И получилось — «Нефтянка».

— Слушай, Горелый, так что, эта ваша Нефтянка — бывший Нефтегорск? — снова вызываю я по рации нашего провожатого.

— Не, Нефтянку, считай, с нуля построили. На ее месте раньше, до войны, какой-то небольшой поселок был. Этот, мля, городского типа. Нефтегорск он еще дальше по этой дороге. Только в нем жить желающих немного, это ж кладбище натуральное, только жмуры на нем так неприкопанные и валяются. Могильник, сука. Туда только за ништяками разными катались. А жить там — да ну на хрен! Совсем на голову нужно трехнутым быть.

Чуть позже, километров через семь-восемь после поворота, мы увидели в темноте впереди ровное и довольно сильное свечение. Такой купол света по ночам всегда висит над городами и поселками. И уже когда видны стали огни за стенами городка, в свете фар мелькнул здоровенный, явно самодельный плакат, гласивший: «Добро пожаловать в Нефтянку — самый лучший городок на свете!» Ну, с данным утверждением я б, конечно, мог и поспорить, но зачем? Как известно, реклама — двигатель торговли. А тут именно торговлей и занимаются. Так чего ж еще от здешних ждать? Правда, судя по тому, что вокруг приветственной надписи рукой явно небесталанного художника были нарисованы силуэты бутылки и бокала, из каких когда-то мартини пили, нескольких игральные карт веером и замершей в завлекательной позе девицы с малость гипертрофированными достоинствами фигуры, Нефтянка обещала путникам не только возможность что-то купить или продать. Все это явно намекало еще и на то, что в «самом лучшем городке на свете» путника ждут еще и всевозможные развлечения. М-да, времена меняются, весь мир едва не погиб, а вот натура человеческая так и не изменилась.

Оборона городка, кстати, совершенно не впечатлила. Со стороны глянуть — очень слабенькое подобие не то что Червленной в ее лучшие дни, а скорее, родового гнезда Ильяса Байсарова — селения Дай. Примерно трехметровые стены, сложенные, похоже, из всего подряд, что под руку попадалось. Тут тебе и блоки бетонные, и кирпичная кладка, и панели стеновые, и железнодорожные металлические контейнеры, и корпуса автобусов с заваренными листами железа окнами. А в этих явственно выделяющихся заплатках — горизонтальные щели бойниц. Со стен светят в разные стороны несколько мощных прожекторов. Видимо, именно их свет мы издали и заметили, потому как сам город за крепостной стеной освещен куда скуднее: так, горят кое-где фонари, и помаргивают несколько пародий на неоновые вывески. По верху стены густо намотаны спирали «Егозы» и нити обычной колючей проволоки, видны пулеметные гнезда и выложенные из железобетонных блоков огневые точки для чего-то крупнокалиберного, в темноте, да еще и с бьющими прямо в глаза лучами прожекторов, не разглядеть, чего именно. Метрах в пяти перед стеной — довольно широкий и глубокий, но какой-то не шибко ухоженный, с осыпающимися стенками, ров. Он, видимо, окружает городскую стену по периметру. Ворота сделаны подъемными, как в средневековых рыцарских замках, опустили — мост через ров, подняли — еще одна ворютина, что, на мой взгляд, та еще глупость. Это когда у воюющих

сторон оружия серьезнее лука или арбалета не было, такая схема вполне работала. А вот после появления артиллерии... Но, как известно: хозяин — барин. Нравится им так — да ради бога. Кстати, несмотря на то что на дворе поздний вечер, почти ночь, ворота опущены.

Перед въездом на мост, похоже, сделанный из обрезанной железнодорожной платформы, нас остановили пятеро разномастно вооруженных здоровых лбов в кожаных куртках и штанах. У двоих — автоматы, старые добрые «окурки»-АКСУ, у одного — какой-то дробовик помповый, вроде иностранный, но какой именно — мне в темноте не видно, да и не шибко-то я в них разбираюсь, честно говоря. Еще у одного обычная «Сайга» двенадцатого калибра. Последний, лысый, как Котовский, здоровяк в возрасте под полтинник, а может и чуть больше, который, судя по манере держаться, в этой пятерке старший, вооружен «Бизоном».⁵⁷ М-да, про те многочисленные выгоды, которые дает подразделению единообразие в вооружении, тут, похоже, даже не слышали. Кто в лес, кто по дрова, партизанский отряд батьки Ковпака, честное слово! Похоже, какой-то аналог милиции или городской стражи. А может, в американском стиле, шериф здешний с помощниками. На серьезных бойцов они явно не тянут — слишком уж большие. Нарастили, понимаешь, дурного мяса, да еще и сала сверху. Спору нет, ударом такого кулака, да еще при их-то массе, пожалуй, лошадь с копыт свалить можно. Легко. Но, вот беда — лошадь ни уклониться, ни блок поставить, ни сдачи дать не умеет. Так что, габариты здешних охранников могут впечатлить только человека, от различных ногодрыжеств и рукомашеств весьма далекого. С другой стороны, кто знает, может, они стреляют, как ковбои из вестернов? Видел я когда-то в Интернете ролики с разных забугорных стрелковых соревнований. Далеко не все тамошние участники выглядели спортивно сложенными атлетами. Скорее — наоборот, очень многие были вполне мирного вида упитанными, если не сказать — толстыми, дядьками. Но стреляли так, что меня, человека полтора десятилетия провоевавшего и с оружием чуть ли не в обнимку спавшего, аж зависть брала.

Стоявшие на воротах лбы Горелого явно знали и лишних формальностей разводить не стали. Задав ему пару вопросов, пожилой амбал с «Бизоном» дал ему отмашку рукой, проезжай, мол. А вот мою машину притормозил.

— Первый раз у нас?

Взгляд у мужика внимательный, цепкий, словно у хорошего опера из уголовного розыска. С другой стороны, ему в двенадцатом году лет двадцать пять было, наверное. Кто знает, чем он занимался до того, как всему вокруг полная и бесповоротная хана настала? Не исключено, что мы с ним коллегами были. Опять же, его теперешняя должность сама за себя говорит. Конечно, на руинах разрушенного мира приключиться могло всякое, и учитель пения мог стать кровожадным бандитом, а тихий и скромный банковский клерк — бесстрашным борцом с преступностью, но такие метаморфозы все же — явление редкое. Обычно же человек занимается тем, к чему у него есть внутренняя предрасположенность. Вот у этого — порядок поддерживать. Так что, подозреваю, что он и до Большой Тьмы тем же самым занимался.

— Первый, — не стал отрицать я.

А зачем врать? Думаю, этот дяденька всех здешних завсегдатаев не только в лицо, но и по именам знает.

— А старший у вас кто?

— Я старший, Михаилом зовусь.

— Понятно. Ну, а я — Владимир Сергеевич Прохоров, начальник городской стражи Нефтянки.

Хм, гляди-ка, угадал. Действительно стража.

⁵⁷ «Бизон» — российский пистолет-пулемет, разработанный по заказу МВД на основе конструкции автомата АКСУ (от которого заимствованы ствольная коробка и до 60 % остальных деталей), однако автоматика работает за счет энергии отдачи свободного затвора. Отличительной особенностью этого пистолета-пулемета является цилиндрический подствольный магазин на 64 пистолетных патрона калибра 9х18 мм.

— Хотя меня народ по-разному величает, — продолжает тот. — Кто начальником охраны, кто — шерифом. По мне — хоть горшком назови, но ежели я что сказал — послушайся и сделай, тебе же лучше будет. Доступно объясняю?

— Вполне, — киваю головой я. — А вообще тут какие-нибудь «правила хорошего тона в приличном обществе» имеются?

— А то, — хмыкает он в ответ. — Во-о-он туда глянь.

Говоря это, Прохоров тычет пальцем в сторону городских ворот, справа от которых висит плакат, на который я, занятый поначалу изучением местной охраны, не обратил внимания. Озаглавлен тот плакат был очень просто: «Правила». Да и содержимое блистало предельным лаконизмом:

За воровство и грабеж — виселица.

Виновнику драки с поножовщиной и стрельбой — конфискация всего имущества и оружия и изгнание.

Влез в долги и не можешь расплатиться — придется отдавать имуществом и оружием или отрабатывать.

М-да, простенько и со вкусом. Прямо правосудие по-техасски.

— Читать-то умеешь? — участливо поинтересовался начальник охраны. — Или тебе на словах объяснить?

— Умею я читать, спасибо. А кроме перечисленных еще какие-то ограничения есть? Ну, там, я не знаю — автоматического оружия с собой не носить или курить только в специально отведенных местах?

— Не, нету ничего такого, — хохотнул Прохоров, явно оценивший шутку про курение. — Разве что по городу на «броню» кататься просто так не разрешается. Поставьте на стоянку возле того заведения, в котором разместитесь, и пусть там и стоит. А то были тут пару лет назад деятели: на БРДМ решили в «Формулу-1» погонять, пьяные в халабуду. Три забора снесли и сарай завалили. На фиг нам тут не нужны такие гонки! А в остальном — думайте головой, прежде чем что-то делать, и все будет нормально.

— Кстати о стоянках... Как тут у вас с кражами, угонами и прочим?

— Уже давненько не водится такого, — вроде как оскорбился Прохоров. — Повывели начисто. Вон, даже виселица на главной площади уже с полгода как пустует. Раньше-то один-два крадуна постоянно в петле болтались, в качестве намека. А теперь и вздернуть некого — нету желающих.

— Приятно слышать. А где тут у вас остановиться можно, ну, чтоб и стоянка большая, а то машин у нас — сами видите, много, и кормили нормально, и по условиям — не клоповник?

— А денег-то у тебя хватит на такие запросы, солдатик? — влезает в разговор подошедший сбоку Горелый.

— Ты, Павлик, не считал бы по чужим карманам деньги, — кидаю я на него тяжелый взгляд. — Хреновая привычка и не все к ней с пониманием относятся.

Бредуну мой ответ явно не по нраву, но он очень старается этого не показывать. Похоже, с дисциплиной в банде у Черного Полковника действительно полный порядок.

— Солдатик? — брови Прохорова изумленно ползут вверх. — Так, дружище, а вы кто такие и откуда к нам?

— А тебе, Владимир Сергеевич, оно вообще к чему? — стараясь, чтобы голос мой звучал вежливо, отвечаю вопросом на вопрос я.

— Должность у меня такая, Михаил, охранять общественный порядок и обеспечивать общественную безопасность. А значит — все обо всех знать и представлять, от кого чего ожидать можно, — спокойно отвечает он.

Точно, из бывших милиционеров мужик, не подвела меня интуиция.

— Издалека мы, с юго-запада. Там война сейчас. Ну, вот мы и накосячили малость, сдуру, не подумавши. А на нас обиделись. Да так серьезно, что пришлось пятки салом смазывать и в ваши края когти рвать.

— Даже так? — Прохорову явно стало интересно. — Вот что, воин, ежели в деньгах у вас на самом деле затруднений нет, то поезжайте в «Рощу». Хороший кабак, кормежка приличная и номера чистые, стоянка для машин, как тебе и нужно — просторная. А я через пару часов, как сменюсь, подойду, пообщаемся. Не против?

— Нет, с чего бы? А где эта «Роща»?

— Так Горелый проводит, он у нас тут гость частый, все знает.

— Лады.

— Ну, раз так, тогда — добро пожаловать в Нефтянку!

«Роща» в прежние времена явно была школой. Как узнал? Да просто учился я когда-то в точно такой же. Типовой проект — трехэтажная, если сверху глядеть — квадратная, а с одного торца вместо первого этажа — широкая арка на колоннах. По всему Союзу такие строили: от Бреста до Сахалина, от Ташкента до Находки. Сейчас окна, выводящие наружу, были заложены кирпичом, арка — перегороджена солидного вида забором из бетонных блоков с металлическими двустворчатыми воротами, над которыми перемигивалась лампочками явно самодельная вывеска с названием заведения. Ворота, кстати, тоже внимания заслуживают: на облупившейся и ржавой поверхности воротин сразу бросаются в глаза выпуклые пятиконечные звезды. Видно, их из какой-нибудь войсковой части стащили, не иначе. Перед фасадом — десяток березок, торчащих из обложенных обломками кирпича больших клумб. Похоже, остатки школьного парка. Вполне возможно, что именно они и дали название заведению, хотя, кто знает? Интересно, а где же обещанная автостоянка? Во внутреннем дворе, что ли? Он, конечно, большой, но только для школьного двора, а вот на хорошую автостоянку все равно не тянет.

Открыли нам почти сразу, даже сигналить не пришлось. «Скорпион» Горелого припарковался чуть в стороне от въезда, а сам он подошел к моему, замершему перед распахнутыми воротинами УАЗу. Похоже, «Роща» ему не по карману, а может, он просто какой другой кабак облюбовал.

— Сильно не гужбаньте, — «тонко» намекает бредун, пристально глядя на меня. — Завтра на базу едем, не поймет Полковник, если ты к нему перегаром воняя, заявишься.

— Жену свою поучи щи варить, — доброжелательно огрызаюсь я. — Уж что-что, а с разными начальниками общаться мне поболее тебя приходилось. Во сколько выдвигаемся?

— Я за вами заеду, — уклончиво отвечает он.

Ничего себе! Вот тут, оказывается, какая теплая и дружелюбная обстановка, на пустой ночной улице лишнего сказать опасаются. Или это просто привычка такая?

Когда Горелый на своем «Скорпионе» исчез за поворотом, из ворот вышел и, прихрамывая, направился к нам весьма колоритной внешности дед. Вроде — ничего особенного: росту невысокого, плюгавенький, на лысом черепе пара седых длинных прядей да бороденка в три волосины. Обычный пенек замшелый. Но это пока лица не видно. А вот как разглядишь... Одно из двух: или в серьезную аварию он когда-то попал, или тем еще сорвиголовой был по молодости. На мой взгляд — все-таки второе. Чем-то еще объяснить такое количество шрамов на лице и явно не один раз сломанный нос лично мне сложно. Окинув нас оценивающим взглядом прищуренных глаз, старик, определив во мне старшего, бодро подковылял к машине. Нет, определенно тем еще головорезом был раньше этот мухомор тухлый. Смотрит, словно сквозь прицел, аж мурашки по загривку забегали, а рука сама чуть за рукоять АПС не ухватилась.

— Ну, здоровы будьте, соколы, — воинственно топорщит бороденку дед. — Чаво хотели?

— На постой встать, отец. До завтра. Есть места-то у вас?

— Ишь, — щерится беззубым ртом старик. — Надо же, вот и сыночек у меня сыскался. И красавец-то какой! По всему видать — весь в папулю. Счастье-то какое, на старости лет. Щас зарыдаю, едрена кочерыжка...

Явно издевается, перечник старый. Ну, да ладно, мы не обидчивые.

— А места-то есть, как не быть, — продолжает меж тем отставной головорез старшего

пенсионного возраста. — Вас сколько? Человек двадцать пять — тридцать?

— Глаз-алмаз, — согласно киваю я. — Три десятка и есть.

— Ну, дык, — гордо подбоченясь степенно кивает тот. — Опыт, его не пропьешь. Вот только с «броней», соколы, вам не сюда. Для тяжелой техники у нас отдельная стоянка, как направо за угол свернете, так сразу и увидите. А на легковых-то прямо во двор и закатывайте, для них места хватит.

— Мойка какая-нибудь и яма смотровая или эстакада есть у вас?

— И это имеется, там же, на заднем дворе, где грузовики ставят. И не только мойка и яма, но и мастерская с механиком, ежели нужно. Правда, механик только днем работает, а вот ополоснуть ваш транспорт и на яме самим глянуть — в любое время.

— Хорошо. А по ценам тутошним нас не сориентируешь, уважаемый? — набиваться во внезапно обретенные родственники этому престарелому башибузуку у меня нет ни малейшего желания, и я меняю обращение на более нейтральное.

— Чего ж нет, — покладисто отвечает дед. — Чем платить думаешь? Патронами, дурью, товаром каким?

— Серебром.

— О как, — в голосе старика явно почувствовалось уважение. — Серьезный клиент пожаловал. А каким? Ломом, ювелиркой али югороссийским или турецким?

— Или, — коротко бросаю я, но дед меня явно понял.

— Ежели «или», то по семь курушей с человека в сутки. За ночь — три.

Ничего себе тут расценки! Или это нас Кузьма, царство ему небесное, так в «Псарне» разбаловал? Ну, да, он же и говорил, что своим — со скидкой. Тут нам скидки явно не светят. Ай, ладно, чай, не свои отдаем, казенные. Их не так жалко. Как там английские моряки по поводу тонущего корабля говаривать любили? «У короля много!» Но с ходу соглашаться тоже нельзя, подозрительно, значит, нужно поторговаться.

— Скидку не дадите? Все ж таки нас три десятка селится.

— Так и селитесь всего на ночь, — резонно возражает дед. — Вот если б на неделю-две, тогда и поговорить можно было бы.

— А кормежка входит?

— Эк ты размечтался! Не, кормежка за отдельную плату, но для постояльцев у нас недорого. И, сразу предупреждаю — заведение у нас солидное, поэтому девок нету.

— Да нам переночевать только, так что — обойдемся как-нибудь.

— А коли так, так и заезжайте.

В организационной суете полтора часа пролетели совсем незаметно. А чего вы хотели? Машины на мойку по очереди загнать да из шланга отмыть. Потом внедорожники назад во внутренний двор перегнать. Часовых и возле них, и возле «брони» выставить и смены караулов на всю ночь расписать. Пусть Прохоров своей пустующей виселицей и гордится, но Устав гарнизонной и караульной службы никто не отменял. Опять же, если хочешь, чтобы к тебе в незнакомом месте отнеслись серьезно, — так и веди себя серьезно, а будешь похож на беспечного и доверчивого дурачка — так и воспримут. Потом — за комнаты заплатить и вещи в них поднять. На третий этаж, между прочим. А ведь у нас не только баулы, рюкзаки и ранцы с барахлом, но и оружие, боеприпасы. Да, большую часть мы вместе с турецкими деньгами в мешках в «свинобразе» заперли. Но и оставшегося вполне хватило, чтоб упреть, туда-сюда по лестнице бегаячи. Потом — ужин заказать, потому как на прибытие трех десятков новых постояльцев на ночь глядя тут явно не рассчитывали. Насчет бани договориться, да и просто как следует физиономию и руки отмыть, прежде чем за стол садиться, тоже не мешает. Нет, оно понятно, что я все-таки командир и не все вышеперечисленное сам делал. Ту же помывку и осмотр техники водители проводили, я только приказ отдал и потом результат проконтролировал. А вот вещи все равно таскать пришлось наравне со всеми, я ведь не генерал пока, и даже не полковник. А барахла всякого — много. Так что, командир ты или нет, один черт — подставляй спину и погнали круглое носить, квадратное катать. Все что денег касается, мне тоже спихнуть не на кого, остальные

у нас, с точки зрения отчетности, лица «материально безответственные».

Одним словом, когда Прохоров, как и обещал, зашел поболтать, я только-только плюхнулся на лавку в бывшей школьной столовой, выполняющей теперь почти те же самые функции. Разве что вместо киселя и компота тут подают водку и пиво, а вместо слоек и ромбаб... А вот чем именно тут кормят мне еще только предстоит выяснить.

— Как устроились? — деревянная скамья тихонько скрипит под немаленькой тушей начальника охраны, когда он приземляется за стол напротив меня.

Устроились мы неплохо. В комнатухах на три человека каждая. Хозяева «Рощи» сильно мудрить с перепланировкой не стали. Они просто перегородили бывшие учебные классы тонкими стенками из досок, обшитых фанерой и гипсокартоном, и пробили в каждый из таких вот «аппендиксов» отдельную дверь из коридора. Получились длинные и узкие конурки с окошком в дальней стене, в которые из мебели только и влезли, что три кровати с армейскими панцирными сетками и шкаф для одежды. По два душа и два туалета на этаж. Словом, гостиница «Урожай» в каком-нибудь Мухосранске по сравнению с этим — просто «Хилтон». Про ту же «Псарню» даже и вспоминать больно — вот где хорошо жилось. В одном нам повезло — окна наших комнатухек во внутренний двор смотрят и внедорожники из них видны — словно на ладони. В общем, не фонтан, но с учетом обстоятельств, считаю, — вполне терпимо. Так я ему и сказал. Тот лишь кивнул согласно.

— Я ж говорил, нормальное местечко, и кормят нормально.

— Возможно, — хмыкаю я. — Сейчас и проверим.

Право заказывать я доверил своему собеседнику.

Он все-таки местный, наверняка лучше меня знает что тут и как. Мои доблестные орлы, занимающие столики вокруг, бросают в нашу сторону внимательные взгляды. Ну, да, кто бы сомневался: все пищевые эксперименты ставятся на самом бесполезном члене экипажа, то есть на горячо любимом командире. Сейчас посмотрят, что именно я взял, выждут минут десять-пятнадцать, не помру ли, а уж потом и сами к еде приступят. Негодяи! Прохоров отнесся к моему явственно видимому затруднению с пониманием и заказал у подошедшего к столу официанта солянку и мясо с картошкой. Когда заказ принесли, я, стараясь не привлекать внимания, вытащил из набедренного кармана штанов «горки» маленький бытовой радиометр и проверил им принесенную тарелку. Увидавший это Прохоров чуть солянкой не подавился.

— Ты чего вытворяешь? Убери, пока хозяин не увидел. Это ж оскорбление, причем серьезное.

— Ну, извини, — бурчу я чуть слышно, убирая прибор назад в карман. — Не знал я, что вы тут такие нежные и ранимые. У нас, знаешь ли, про ваши места слухи не самые добрые ходят.

— У нас про ваши — тоже, — сухо отрезал Владимир Сергеевич. — Или ты думаешь, что в молве людской радиоактивные полумутанты выглядят намного хуже, чем уроды, своих же земляков реактивной артиллерией с дерьмом мешающих? Я тебе так скажу — примерно одинаково погано они выглядят. Но я тебе с ходу в голову при встрече почему-то не выстрелил.

Вот елки-палки, и возразить-то мужику нечего. Но тот уже сменил гнев на милость.

— Осторожность и недоверие — дело правильное. Вот только не везде их так явно демонстрировать нужно. Запомни: для торговых городов вроде нашей Нефтянки, чистые еда, вода и товары — вопрос престижа. Понимаешь? Если пойдет слух, что у нас «фонящим» хабаром барыжат, — все, хана репутации, которую мы уже третье десятилетие зарабатываем. Слышал такое присловье: «Авторитет зарабатывают годами...»

— «А теряют за секунды», — закончил я. Слышал, конечно.

— Вот именно. Ну и посуди сам, на кой оно нам сдалось? Вот на Пустошах, там да, проверяй все, даже если и не покупаешь, а просто в руки берешь. Понял, солдат?

— Не солдаты мы, наемники.

— И кой черт вас к нам занес? — искренне изумляется Прохоров. — У вас же там

вроде с турком война. Самый подходящий повод мошну набить.

— Угу, — с унылой миной киваю я, вода ложкой в тарелке. — И мы так думали.

Собеседник моей тирадой явно заинтересовался, но я держу театральную паузу, делая вид, что занят исключительно солянкой. Так себе, кстати, едал и получше. Нет, оно понятно, что сейчас в здешних краях с лимонами напряженно, а про оливки и маслины я вообще молчу, но мясо-то, судя по наличию в меню стейков, не перевелось пока. А его в правильной солянке должно быть не меньше четырех сортов. А тут сварили самый обычный овощной суп с мясом, хотя, вынужден признать, довольно вкусный. Ладно, будет уже привередничать, бывали времена, когда и протухшую, прокипяченную в воде кильку в томате с гарниром из недоваренного овса жрал, и ничего. А тут, понимаете, солянка ему не та!

— Так что ж вы такого натворили-то? — первым нарушает затянувшееся молчание Прохоров.

— Мошну набивали. В банке, в только что отбитом у турок городке, — со вздохом «признаюсь» я. — Вот только представители комендантской службы югороссийской армии это немного иначе назвали. Да еще и трибуналом грозить начали да за оружие хвататься. Ну, и не разошлись мы с ними, если коротко. Они все там... остались, а мы — в бега.

— У-у-у-у, да вы, парень, не только дезертиры, но еще и мародеры, — с какой-то странной интонацией тянет он в ответ.

Так, похоже, я в его глазах только что здорово упал. С чего бы это вдруг, кстати? В здешних краях ведь, если я все правильно понимаю, к Югороссии любви никто не питает и за преступление убийство югороссийских солдат не считает. По крайней мере ребятишки Черного Полковника во время набегов «резвятся» так, что моя история про убитых «комендачей» — детская сказка на ночь. Вот только насколько серьезно их остальные в этом вопросе поддерживают? Бывший милиционер Прохоров к моему рассказу точно без восторга отнесся.

— Да не собирались мы с ними воевать, — начинаю оправдываться я. — Просто сложилось все уж очень неудачно: бой только закончился, все на адреналине, нервы натянутые... А тут эти гаврики... «Оружие на пол, мордой в стену, руки за голову!» Слово за слово, понятно чем по столу. Ну, а после первого выстрела так и вообще уже говорить не о чем было — или мы их, или они нас.

— Ну-ну, — одобрения в голосе Прохорова по-прежнему не наблюдается, скорее — наоборот. — Значит, стрелки вы быстрые... Тогда, наверное, Полковник вас к себе возьмет. Поздравляю.

Последнее слово так вообще просто сочилось сарказмом. О как, что-то мне подсказывает, что господина Полковника тут не все горячо и преданно любят.

— К себе? — переспрашиваю, словно не поняв смысла. — Не к вам?

— Именно, — кивает Владимир Сергеевич. — Мы к Черному Полковнику отношения не имеем. Вернее — имеем, но такое... Постольку-поскольку. У него в банде почти семь сотен стволов, а у нас в Нефтянке — и сотни нормальных стрелков не наберется, и это если вместе с более-менее толковыми штатскими считать. Вот и получается, что Полковник для нас, как бы это лучше сказать...

— Да как есть, так и скажи. Или мне сказать? «Крышует» он вас и стрижет, как овец. Ну, изредка, еще и защищает, когда действительно припрет. А вы — исправно и в срок ему башляете.

М-да, сказанное мною здешнему начальнику стражи очень сильно не понравилось, по лицу видно. Но, учитывая, что опровергать он меня даже не пытается — угадал. Что называется: не в бровь, а в глаз. С другой стороны, а чего еще было ожидать? Ничего в этом мире не меняется. С самых древних времен так было, что одни работали в поте лица, а другие приходили и «тонко намекали» что, мол, ежели жить хотите, надо платить. А мы вас за это не только не убьем, но и от других, таких же как мы, удальцов, защищать будем. Обычно работягам сил и мужества послать таких вот «благодетелей» не хватает, что неудивительно. Одно дело — слегка подвыпив с соседом, таким же трудягой, по сусалам

друг другу надавать, совсем другое — с вооруженным, а главное, умеющим и готовым убивать, бандитом биться. В первом случае шансы — пятьдесят на пятьдесят, или ты его, или он тебя, во втором — их вообще нет. Овца волку не противник, а ужин. По большому счету, все древнерусские князья из предводителей таких вот, выражаясь языком «лихих девяностых», рэкетирских банд изначально выросли. Да и в «просвещенной Европе» все точно так же было, а потом — и на Диком Западе. Теперь вот — тут, в Пустошах.

— Ну, да, — нехотя соглашается Прохоров. — А что нам было делать?!!

— Эй, ты чего завелся-то? Я вас разве осуждаю? Все хотят спокойно жить, и все за это платят. Просто где-то оно называется «дань», а где-то «налоги». Ну, и размеры сильно от жадности главного «крышующего» зависят.

Главный стражник Нефтянки, похоже, немного «оттаял», но дальнейший разговор все равно как-то не строился. Он быстро доел свою порцию, кинул на стол несколько монет и распрощался. Ну, что тут сказать, и тебе не кашлять. Прости, мужик, что обидел ненароком, но не я в сложившейся у вас тут ситуации виноват. Сами вы себе этого Полковника когда-то на загривок посадили, сами теперь и терпите. Зато цели своей я в разговоре добился — «запустил в оборот» нашу легенду. Такая уж психология у людей — слухам все равно верят, даже если и отмахиваются от них для виду. Оно понятно — информационное агентство ОБС, в смысле, «одна бабка сказала» — источник неофициальный и не шибко надежный. С другой стороны — раз все говорят, значит, что-то в этом есть, ну, типа, «дыма без огня не бывает». А как сделать, чтобы все заговорили? Правильно, допустить небольшую утечку информации, в которой недомолвок больше, чем реальных сведений. А уж все остальное «сарафанное радио» само сделает, без твоего участия, а порою — и вопреки желанию. Мы с Толиком на это еще в самом начале нашего сотрудничества напоролись, в Червленной. Там тоже за нас такого понавыдумывали — самим слушать страшно было. Только там это вышло случайно, а тут мы сами ситуацию провоцируем. И задача у этой немудрящей провокации самая простая — создать о нашем отряде строго определенное общественное мнение. Чтобы любая попытка выяснить, а кто мы, собственно говоря, такие, налетала на уверенный ответ: «Наемники они, из югороссийской армии дезертировали». А на вопрос «Откуда знаешь?» давался бы железобетонный ответ: «Так все ж говорят...»

Когда за обидевшимся Прохоровым закрылась дверь, за стол ко мне с таинственными и заговорщицкими физиономиями подсели Толя и Вовка.

На Володю Нефтянка особого впечатления не произвела. Обычный торговый городок, таких или очень сильно похожих в Пустошах — двенадцать на дюжину. Разве что плакат со сводом правил серьезно порадовал. Приходилось ему во время дальних ходок с Рыжим видеть места куда более анархичные. Такие, где главный закон сила, а правда всегда на стороне тех, у кого кулаки крепче и стволов больше. Рыжий, помнится, сразу объяснял, что держаться от таких мест лучше подальше, и если уж совсем приперло и никаких иных вариантов просто нет, то следовать древнему правилу: «Приходи тихо, проси мало, уходи быстро». А главное, ни в коем случае не свети ценным хабаром, если он у тебя есть и покупай только самое нужное — патроны, воду, продукты, расплачиваясь при этом самыми мелкими деньгами, что у тебя есть. После этого — сразу рви когти. Конечно, таких беспредельных местечек было немного, в большинстве торговых городов те, кто при власти, давно сообразили, что торговать, в конце концов, все равно выгоднее, чем грабить, и нейтралитет на своей территории поддерживали, но жизнь — штука такая, готовым нужно быть ко всему. То, что в Нефтянке нет беспредела — очень хорошо, но расслабляться все равно нельзя ни в коем случае. Тут народец разный трется, не только торговцы, их охрана, ходоки и разные прочие бродяги, но бредуны, и даже выродни. Поди их отличи одних от других, особенно если клановых эмблем не видно.

С охраной на въезде командир повел себя правильно. И вежливо, без лишнего хамства, и в то же время рыкнул и зубы оскалил, силу свою обозначил. Мол, мы ребята спокойные, но вот в дела наши нос совать не нужно. Рыкнул-то, вроде, на Пашу Горелого, но, похоже,

прониклись и оценили все, кто слышал. Сам Тюкалов, смотревший в тот момент на Пашу и Прохорова, не увидел, а вот Володя, глядевший на охранников, отлично видел, как они в тот момент напряглись. Стволы свои так в лапах сжали — странно что не поломали. Чей человек Горелый — тут все знают, оно сразу видно, и если новичок может его спокойно, не задумываясь о последствиях, окоротить... Такое поведение говорит само за себя куда красноречивее, чем пара бронетранспортеров.

Уже в «Роще», затащив все вещи на третий этаж, в комнату, которую ему этой ночью делить с Михаилом и Толей Курсантом, Володя решил, что называется, «пообщаться». Пока Тюкалов своим бойцам задания раздает и их исполнение контролирует, можно покрутиться тут, прояснить, что как, что почем. С местными пообщаться, про цены и ассортимент здешних лабазов расспросить, да и так, просто за жизнь потрепаться. Как Михаил любит пошутить: «Прояснить оперативную обстановку». С ехидным, разбойного вида дедом, встретившим их у ворот гостиницы, Володя решил не связываться. Того по ухваткам и поведению видно — тот еще волчара. С такого не только сам ничего не поймешь, а скорее он тебя до исподнего разденет, причем с шутками и прибаутками. Не, ну его к чертовой матери! А вот со стоящим за стойкой разбитного вида мужичком, чем-то неуловимо похожим на хозяина «Ржавой гильзы» в Иловле, поболтать можно. По всему видать — такой же жучара ушлый, а значит, знает все и про всех. Настоящий кладезь информации при правильном подходе. Можно еще с подавальщицей поговорить, толстой и, судя по лицу, явно веселого нрава теткой, лет этак сорока пяти — пятидесяти. Тоже источник не из худших. Женщины вообще любят говорить, когда видят, что их слушают, ну а если еще и наводящие вопросы задавать, двигая беседу в нужном направлении... Тут уж тебе, как говаривал Рыжий, все тайны мадридского двора выложат. Что это за двор такой, полный тайн, и где он находится, Володя почему-то у Волженкова спросить всегда стеснялся. А теперь, видно, и не доведется уже. Отогнав от себя вдруг нахлынувшие, вместе с воспоминаниями о старшем товарище и учителе, грустные мысли, Стельмашок целеустремленно двинулся в сторону стойки бара.

С барменом, назвавшимся Степаном, они протрепались минут, наверное, тридцать, пока их не прервал подошедший от столов Анатолий, который по-дружески толкнул ходока в плечо пудовым кулачищем и добродушно пробурчал:

— Слышь, Вовчик, хорош трепаться, все уже на столе. Остынет — второй раз греть никто не будет.

И правда, что-то заболтался он, даже момент, когда на столы накрывать начали, проморгал. Холодное лопать, действительно, удовольствие сомнительное, поэтому быстренько свернув разговор, ходок собрался уже было присесть к Тюкалову и рассказать обо всем, что выяснил, но увидел, что Михаил уже беседует со здешним старшим городским стражником, и плюхнулся на лавку рядом с Толей, справедливо решив, что отвлекать командира сейчас не стоит. Только когда заметил, что командир радиометр из кармана вытянул, чуть не рванул было шепнуть, чтоб спрятал от греха, пока хозяева не увидали, а то ведь они всерьез на подобное обидеться могут. Выставят посреди ночи за порог, и вещи из окон повыкидывают. А главное — и не сделать ничего в ответ, потому как по всем понятиям «косяк»⁵⁸ за ними, и если что, то гостиничных все поддержат, а вот от них, наоборот, отвернутся. Нельзя в нейтральных торговых городах так открыто свое недоверие высказывать, тут не Пустошь, где человек человеку — волк, тут люди снова пытаются нормальную жизнь строить. Пусть не всегда удачно, корявенько, но пытаются. Однако — обошлось, еще до того, как бармен Степан или румяная тетка-подавальщица что-то заметили, Прохоров наклонился к Михаилу и что-то ему сказал. Похоже, на ту же самую тему. Потому что Тюкалов, явно смутившись, торопливо убрал радиометр в карман. Пронесло! Ходок выдохнул и подумал о том, как много еще разных мелочей,

⁵⁸ «Косяк» — очень серьезная, а порою — просто непростительная ошибка.

воспринимаемых им как нечто само собой разумеющееся, нужно рассказать и объяснить командиру. Чего уж там, его вина, даже не подумал, что некоторые вещи для него, выросшего на границе с Пустошами и успевшего немало по ним побродить, являющиеся естественными и привычными, для Миши и его людей совершенно непонятны. Просто потому, что в своих родных краях они ни с чем подобным даже не сталкивались.

— Ну, выяснил чего интересного? — с ходу поинтересовался сидевший за тем же столом Саша Шуруп.

— Да так, — замялся Володя, — нарыл кой-чего, но не сказать, что сильно важного или очень интересного.

— Зато как старался, — тихо хохотнул Толя. — Так к бару рванул, аж уши по ветру развевались и по затылку хлестали. Видно, боялся, что опередит кто-нибудь.

Володя почувствовал, как вдруг жарким огнем загорелись щеки. Неужто он на самом деле так глупо со стороны выглядел? Ой, стыдоба! Тоже мне, агент-нелегал, Баба-яга в тылу врага.

— Да не слушай ты этого балабола, ему только повод дай для зубоскальства — насмерть задолбают. Но в целом он все равно безвредный, так что, просто не обращай внимания.

— Кто безвредный? Я безвредный?! Это на меня внимания не обращать?! — Толя, состроив свирепую физиономию, начинает усиленно играть своей внушительной мускулатурой, от чего футболка на нем заходила ходуном, едва не трескаясь по швам.

— Да не надуйся ты так, пузырь, — хихикает Шуруп. — Лопнешь — все стены людям забрызгаешь.

— Ну, вот, — теперь Толя изображает уныние. — Никто меня не боится, никто не уважает... Все унижают и притесняют...

— Будет вам хохмить, парни, — чуть не взмолился Стельмашок. — Ну, правда, неужели так плохо все со стороны смотрелось?

— Да нормально все смотрелось, — в два голоса успокоили его наемники.

— Хотя, — продолжил Толик, — мы и сами собирались тут на разведку идти, но как увидели твой порыв, решили не мешаться, а дать тебе себя показать. Так что, давай, делись, чего ты там выяснил. Хотя...

Жестом остановив уже собравшегося начать Володю, Курсант легонько кивнул в сторону стола, за которым беседовали Тюкалов и Прохоров.

— Здешняя «вохра»,⁵⁹ похоже, баиньки собралась. Так что, айда сразу Мише все и расскажешь, чтоб сто раз не повторяться. Саня, ты с нами?

— Не, — отмахнулся рыжий наемник, — я, в отличие от вас, проглотов, не доел еще. Да и характер у меня не шибко любознательный, вдвоем топайте.

— Как знаешь, — пожал плечами Толя. — Пошли Вовка.

Присев за стол командира, Володя начал рассказывать. Старался говорить кратко, но емко, без лишних подробностей, но не упуская ничего важного, подражая инструкторам-пограничникам из камышинской бригады, что в Иловле для ходоков занятия по боевой подготовке проводили. Да и сам Михаил точно так же разговаривает. Нет, когда с компании и на разные отвлеченные темы, как Сашка Шуруп однажды брякнул: «про насущные дела, да про женские тела», там никакой лаконичности и в помине нету. Тут командир и балагурит, и байки травит — заслушаешься, и даже, как парни рассказывают, на гитаре здорово играет и песни хорошие поет, под настроение. А вот когда боевую задачу ставит или план действий объясняет — совсем другой человек серьезный, собранный. Опять же, те из наемников, кто Тюкалова подольше знают, вроде того же Курсанта, говорят, что при всяком высоком начальстве он тоже хохмить начинает, но это, похоже, исключительно «из любви к искусству», чисто у руководства на нервах поиграть немного. А может — вообще защитная

⁵⁹ «Вохра» — производное от аббревиатуры ВОХР — вооруженная охрана.

реакция. Поди построй по стойке «смирно» человека, который тебе в лицо смеется. Как Вовка из рассказов и собственных наблюдений понял, командир вообще шибко к слепому чинопочитанию не склонен: если начальник человек дельный и умный — будет относиться с уважением и вести себя вежливо, а если нет... Уже от нескольких мужиков из отряда Стельмашок слышал, как на Терском Фронте сразу после боев с турками за станицу Червленая Тюкалов какому-то шибко много о себе понимающему штабному чуть в морду не дал. Да еще и повернул потом все так, что того потом лично министр обороны разжаловал.

Кстати, слушать командир тоже умеет. Не прерывает, не останавливает, даже если по глазам видно, что он именно это уже знает. Похоже, с мысли сбить не хочет. Но даже если и сам уже в курсе, слушает все равно внимательно, нити рассказа не теряет. Иногда наводящие вопросы задает, уточняет что-то. В общем, когда Володя выложил ему все, что смог узнать, и про то, где, что и почем купить или продать можно, и общий расклад в округе, и про последние здешние новости, Тюкалов одобрительно кивнул и легонько хлопнул его по плечу.

— Молоток, Вовка, красавчик. Хорошо поработал. А теперь, общая команда — отбой. Нам завтра еще к «барону» местечковому ехать знакомиться.

— «Барону»? — непонимающе переспросил Володя.

— Ну, или «князю»... Да хоть к пахану, какая разница. Словом, самому главному здешнему бандиту, который всех остальных под себя подмял и данью обложил.

— А по девкам? — нарочито обиженным голосом тянет Курсант.

— По девкам? — Михаил ехидно ухмыляется. — Нью-нью, давай дерзай, отважный парень! Намотаешь на конец какую-нибудь «трисичуху»... Тебя ж Оксанка после этого не то, что на порог, на полсотни метров к своему забору не подпустит. А то еще и пристрелит, как пса лишайного, чисто из жалости.

Кто такая эта самая таинственная Оксана, Стельмашок не знал, но, судя по зардевшейся физиономии Толика, попал командир в самую точку. Видно, осталась у Толи где-то зазноба.

— Кхм, — Курсант явно пытается побороть смущение. — Миш, а что за «трисичуха» такая?

— Болячка очень нехорошая, — отзывается Михаил. — Лямурного свойства, комбинированная, мать ее, бинарная. Триппер, сифилис, чума, холера.

Представив себе подобный «букет» и возможное его воздействие на организм, Володя аж прыснул в кулак. Еще через секунду к нему присоединяется и Курсант.

— Ладно, похихикали и будет, — Тюкалов встает и окидывает свой сидящий за столами отряд взглядом. — Доедаем-допиваем и спать. Смена караула согласно графику, если что срочное — сразу поднимать меня. Всем приказываю выспаться.

Выполнить свой собственный приказ мне так и не удалось, да и с остальными — та же история. Часа в четыре ночи ожил стоящий на полу в изголовье кровати «Кенвуд» и голосом часового с внутренней стоянки доложил о том, что без меня там — никак. Интересно, что ж там такого приключилось? Быстро, словно солдат по команде «сорок пять секунд — подъем», вскакиваю, влезаю в «горку» и сапоги, подхватываю висящий на дужке койки ремень с кобурой, из которой торчит рукоять «стечкина» и, на ходу застегиваясь, топаю на выход.

А возле наших внедорожников, похоже, вот-вот потасовка вспыхнет, серьезная такая, без дураков. Если и не насмерть, то уж точно не до первой крови, а как минимум — до тяжких телесных... Наш часовой, отойдя чуть в сторонку, благоразумно занял политику «вооруженного нейтралитета», причем «вооруженного» в прямом смысле. Автоматическим оружием. А в паре шагов от него сверлят друг друга яростными взглядами Прохоров и Горелый. Владимир Сергеевич от гнева набычился, кровью налился — лицо аж бордовое, хоть прикуривай. Паша, наоборот, бледный, как смерть. Время от времени его ощутимо потряхивает, но явно не от страха, скорее — от переизбытка адреналина. Ох, ни фига себе,

разошлись вы, горячие финские парни! Так, надо эту свару растаскивать, пока она в активную фазу не перешла, а то у них обоих руки как-то совсем нехорошо к оружию тянутся.

— А ну-ка ша, воины Аллаха, волки ислама!!! — гаркаю я чуть не во всю мощь легких.

Нормально вышло. Больше всего эта парочка мне сейчас напомнила двух воющих друг на друга помойных котов. Ну знаете, стоят, спины коромыслами гнут, усы и шерсть топорщат, шипят, вопят дурными голосами, а кто-нибудь добрый возьмет да и плеснет на них ведерко ледяной водички... Не приходилось такую картину наблюдать? Вот тут очень похоже было, разве что мява истерического не было и кто куда не киданулись, хоть и отпрянули в разные стороны.

— Ну, и какого рожна тут происходит?! — не сбавляю темпа я. — Ишь, придумали, возле моей техники дуэли устраивать! Они, значит, два красивых парня, друг дружку завалят к чертовой матери, а мне потом за свой счет пулевые дыры в бортах латать и покрышки с камерами заклеивать. А не пошли бы вы оба отселя, резкие мои?! На хер с пляжу, кому сказал!!!

О, похоже, окончательно в себя пришли. Молнии глазами уже не мечут, да и физиономии у обоих понемногу нормальный цвет приобретать начали. И то хлеб.

— Очухались? Палить во все стороны передумали? Уже хорошо. Так какого черта тут вообще происходит, мне объяснит кто-нибудь?

Говорить они начали одновременно. Перебивая, а иногда и пытаюсь просто переорать друг дружку, ну и без добрых пожеланий матушкам и прочей родни обоих, понятное дело, тоже не обходится. Гвалт, конечно, стоит еще тот. Как бы кто из постояльцев в нас чем-нибудь тяжелым не запустил за такой-то полуночный концерт. Зато ситуация более-менее проясняется. Примерно полчаса назад в Нефтянку пришкандыбала разбитая чуть не в хлам, крепко побитая пулями машина. Судя по словам Прохорова — личное транспортное средство старшего какого-то отдаленного хутора. За рулем — сопливый шкет лет пятнадцати, утверждающий, что на хутор напали выродни. Большая банда, рыл под сотню. И что хуторским срочно нужна помощь, потому как долго они такую толпу сдерживать не смогут. И вот теперь Прохоров просит меня о помощи, а Горелый его активно посылает по всем русским известному трехбуквенному адресу.

— Михаил, ты понимаешь, какая хрень, не управимся мы сами. У меня сейчас на всю Нефтянку и сотни стволов не наберется, — увещевает начальник здешней стражи. — И всех разом я отсюда увести никак не могу, половину в лучшем случае, не больше. Вдруг там просто отвлекающий маневр? Да и то сказать, две трети из моих вояк — так себе. Одно дело в глухой обороне сидеть, со стен по залетным выродням постреливать, помощи ожидая, совсем другое — в чистом поле с ними воевать. И если пацан с численностью не напугал, то соотношение совсем для нас нехорошее выйдет. Один к двум, причем не в нашу пользу соотношение, ни разу не в нашу. А у тебя отряд, пулеметы, «броня» с «крупняками», опять же. Ты не думай, мы не на шару просим, заплатим. Просто этот хутор — не просто дальняя заимка в два домика. Там два десятка семей, бабы, дети. Мужиков и молодых парней тоже хватает, и оружие есть, но они как бойцы, еще хуже моих — крестьяне. Им лопата или плуг один черт привычнее автомата.

— Да какого хрена! — взвизгивает Горелый. — Нас Полковник завтра, вернее, уже сегодня ждет. А тут из-за какого-то щусенка, который батину машину угнал и полную околесицу про банду несет, все отменять? Да шел бы ты с такими идеями!

— Да сам иди, мурло бандитское! — снова начинает заводиться Прохоров. — Этот «щусенок» сюда пригнал на тачке, больше на решето похожей. По ней как минимум из четырех-пяти стволов отработали. И гнал он как сумасшедший, сцепление сжег начисто, задние рессоры сломал... Ай, какая разница, даже если б он сюда абсолютно целый прикатил! Это ж единственная их машина на всю общину, кто б ему на ней просто покатайся дал? Да ему за саму идею ее угнать не то что руки, голову оторвали бы. Так что, не врет пацан. Мы ведь вас, защитничков, вашу мать, еще когда предупреждали, что на северо-востоке мелкие группы выродней все чаще видят? Еще когда просили хоть

небольшие гарнизоны по дальним поселкам поставить? Что, сложно было полсотни бойцов да пяток пулеметов на пять деревень выделить?

— А это вообще не твоего ума дело, чего нам и куда выделять нужно!

— Зато мое дело вам оброк платить, твою душу так перерастак! А чем платить, если «дикие» сейчас один хутор сожгут и разграбят, потом — второй? Что жрать-то зимой собираетесь? Сто лет как просроченный «тушняк» с армейского склада? А главное — за кой хер мы вам тогда вообще платим?! И только попробуй сейчас заикнуться на тему того, что платим мы за спокойную жизнь! Вот оно, мать его, это спокойствие — посреди ночи на простреленной таратайке к воротам подъезжает. На кой хер вы нам тогда сдались такие красивые? Кормить вас кормим, а толку?!!

Да, похоже, «не все ладно в королевстве Датском», противоречия имеются серьезные. Другое дело, что в этой ситуации на стороне Черного Полковника — сила. Хотя, надолго ли его силенок хватит без продуктов, что дешёвые крестьяне выращивают, да без горючки, что на «самогонных аппаратах» перегоняют?

Рывнувшийся на слегка оторопевшего от такой отповеди Горелого, Прохоров снова смотрит на меня.

— Наемник, блин, да есть у тебя в душе хоть что-то кроме бабла, а? Там ведь женщины, дети... Мля, да их же жрать будут!!!

В бок меня тихонько пихает бесшумно подошедший сзади Стельмашок и тихонько шепчет на ухо:

— Он, кажется, не врет, Миш. Про вырожден из тех краев я слышал еще года полтора назад, примерно, когда с Рыжим к Тольятти ходил. Там какая-то крупная кочевая орда, бродят, вроде где-то между Стерлитамаком и Бугурусланом. Совсем «дикие» вырожден, на всю голову контуженные. Говорят про них, что сектанты и что вера у них какая-то совсем безумная. Надергали отовсюду по чуть-чуть, да человеческими жертвоприношениями приправили. И они на самом деле людей жрут. Причем не с голодухи. Как же тот мужик в Тольятти нам сказал? Ритуальный каннибализм, вот. Короче, по вере их стебанутой положено.

Вот это ни хера себе, веселая жизнь! Так, что же делать? С одной стороны — нужно ехать к Полковнику, от успешного контакта с ним вся операция зависит... Вот только как потом с этим жить, зная, что живых людей на такое бросил? Значит — решено!

— Далеко? — коротко бросаю Прохорову.

Тот только сокрушенно кивает. При этом я успеваю заметить, как в глазах его на миг плеснулось удивление. Ну, да, наймитская рожа, за десяток чубалов серебра солдатиков безвинных пострелял, а тут — даже о цене вопроса не поинтересовался.

— Порядочно, под сотню километров, аж возле Бузулука.

— Ясно, тогда спешить нужно, — я нажимаю тангенту рации. — Всем внимание! Общий сбор во внутреннем дворе через десять минут. Со всем бараклом. Время пошло!

— Я не понял, солдатик, а чего мне Полковнику передать? — Горелый явно пребывает в полнейшем обалдении от всего происходящего.

— Пламенный привет ему передай, Павлик. И братский поцелуй в щечку.

От такого ответа бредун впадает в окончательный ступор. Блин, его удар-то не хватит от переизбытка эмоций? Надеюсь — нет, потому как возиться с ним у меня времени нет. Мне еще в комнату за вещами бежать, а то ведь приказ-то отдал и время назначил, а у самого все шмотки еще на третьем этаже под койкой сложены.

В десять минут мы, конечно, не уложились. Сам виноват. Как говорилось в каком-то очень старом, уже не помню что рекламировавшем ролике с голодным студентом и его ручной белой мышью: «Ставьте реальные цели». Я со сроком выполнения своего приказа явно слегка погорячился. Но не сказать чтобы сильно: через неполные двадцать минут наша маленькая колонна, пофыркивая движками, уже выстраивалась перед «Рошей», а ведь вечером мы только вещи минут пятнадцать наверх носили. Пора!

Местные ополченцы и стража, как и обещал Прохоров, ждут нас за воротами. М-да, не

густо... Старенький, крепко битый жизнью УАЗ-«фермер», «гордость агронома», блин, в кузове которого на явно самодельной треноге установлен ПК, и три непонятно на что похожие «типа грузовика». Хотя, нет, знаю, на что они похожи! На тот пепелац, на котором меня этой зимой Эли Байсаров в Дагестан вывозил. Такие же непонятно из чего собранные и неясно, каким чудом вообще катающиеся тарантасы. На дуги кузовов натянуты здорово потрепанные, местами в следах грубой штопки и заплатах, старенькие тенты. Под ними — люди с оружием. Сказать что-то более конкретное сложно — видно плохо: только двоих-троих сидящих у самого борта и видать нормально, остальные — размытые силуэты в полутьме. Машину, на которой гонец с тревожной новостью в Нефтянку примчался, тоже увидел, она прямо за воротами стоит до сих пор, воняя на всю округу горелым сцеплением. И внешне она, действительно, больше дуршлаг, чем транспортное средство напоминает — одни дыры, хоть сейчас макароны отбрасывай. Как этот пацан выжил — ума не приложу.

— Ну, что, Сергеич, показывай дорогу, — поворачиваюсь я к сидящему справа от меня на пассажирском месте Прохорову. — Судя по виду и состоянию, скорость у ваших машин — никакая, так что, пусть в хвосте идут.

— А мы, значит, впереди поперем, — ехидно ухмыляется тот.

— За дурака меня не держи, — укоризненно смотрю я на него. — Уж поверь, что такое ГПЗ⁶⁰ не только ты знаешь. Прошли те времена, когда командир впереди строя на лихом коне и с шашкой наголо скакал, давно прошли.

Начальник стражи смущенно хмыкает.

— Ты не пыхти, а проводника давай толкового, которого можно в головную машину посадить, а то мы ваши края вообще не знаем, разве что по атласам дорожным, так те еще до Тьмы напечатаны. Так что, без толковой наводки заплутаем — с фонарями искать придется.

— Найдем мы проводника, найдем, — Прохоров оглушительно свистит, сунув два пальца в рот, привлекая внимание кого-то в кузова ближайшего к нам грузовика. — Степан, бегом дуй в головную «Ниву», будешь дорогу показывать!

Тот понятиво кивнул и, подхватив свой автомат, довольно сноровисто сиганул из кузова и рванул к нашей дозорной машине.

— Нормальный провожатый, Сергеич? Не заблудимся?

— Не заблудимся, — отрицательно мотает головой он. — Главное — успеть.

Как ни старались, как ни гнали, рискуя угробить машины на тех колдобинах и рытвинах, которые в здешних местах по непонятной причине считают дорогами, но все равно не успели. Мне кажется, Прохоров с самого начала понимал всю тщетность попытки добраться до этих выселок вовремя, но до последнего надеялся на чудо. Вот теперь стало окончательно ясно — чуда не вышло. Это по хорошей трассе, да на хорошей машине сотня километров — час пути, а то и меньше, если движение не шибко плотное. А вот по здешнему недоразумению, неизвестно с какого перепугу носящему гордое имя «дорога», да еще и с тихоходным «довеском» из местного ополчения... Хорошо если тридцать километров в час делать получалось. Да если еще посчитать, сколько времени мальчишка тот в Нефтянку ехал, сколько потом охрану «в ружье» поднимали и ополчение собирали, сколько за нами бегали... М-да, кисленько выходит...

То, что мы все-таки опоздали, было понятно сразу. И по поднимающимся вверх, издалека видным столбам дыма и багровому зареву, такому яркому и заметному в рассветных сумерках, и по пролому в стене и валяющимся на земле обломкам караульной вышки. А главное — по в прямом смысле гробовой тишине, которую нарушали лишь шелест листвы на ветру да потрескивание горящего дерева за окружающей поселок стеной. Хотя, какая там стена, скорее — просто высокий частокол из толстых бревен, опутанный колючей

⁶⁰ ГПЗ — головная походная застава, она же головной дозор. При движении колонной — передовая машина, выполняющая функции разведки.

проволокой. Не оборонительное сооружение, а одно название. Неудивительно, что они атаку отбить не смогли. Для того чтобы против сотни нападающих оборону держать, явно было нужно что-то посolidнее этого недоразумения.

— Скажи своим людям, чтоб не дергались и никуда не лезли, — оборачиваюсь я к Прохорову. — У моих опыта побольше, да и сработаны они лучше, так что, ежели что — управятся куда ловчее, к бабке не ходить.

— Может, пусть мои хоть в цепь по опушке растянутся? — вид у него какой-то странный, потерянный, словно говорит он на автомате, а мысли его где-то совсем далеко. — Огнем поддержат, если что.

— Угу, или с перепугу да от излишнего рвения по моим стрелять начнут, не разобравшись. Не, на фиг надо, есть у нас, чем поддержать. Справимся.

Вытащив из футляра бинокль, начинаю оглядывать окрестности, попутно отдавая команды по рации. Рыкнув дизелями и навопяв солярным выхлопом, ушли на назначенные позиции «коробки»,⁶¹ готовые, в случае необходимости, перемолоть своими крупнокалиберными «швейными машинками» кого или что угодно, еще через пару минут Руслан доложил, что снайперы тоже готовы к труду и обороне, аки юные пионеры. Ну, раз так, пошли!

Пять наших «троек», идущих «перекатом» от перелеска, в котором осталась наша техника, к стене поселка через широкий луг, наверняка выглядят эффектно и красиво. Правда, сейчас не тренировка в Большой Ивановке и поглядеть на это со стороны у меня не получится. А изнутри — некогда, при работе в «тройках» других дел хватает. Оно, конечно, не царское это дело, самому на «зачистку» идти, опять же, буквально пару-тройку часов назад перед Прохоровым распинался на тему лихих коней и шашек. Но — все равно пошел. Не могу я за спинами парней отсиживаться, характер не тот. Да и не верю я в то, что «дикие» бредуны тут надолго задержались — устроили резню, похватили все, что унести смогли, и салом пятки смазали. Им дожидаться прибытия подмоги из Нефтянки — никакого резона. Всех сопротивляющихся вырезали, все, что под руку попало и хоть какую-то ценность представляло — второпях похватили, и — дай бог ноги. Хотя, почему второпях? Время у них было, часов шесть-семь не меньше. За четверть суток отсюда можно было вытащить все что угодно, да еще и на вполне приличное расстояние свалить, если на технике. Хрена с два мы их тогда догоним по здешним-то дорогам. Если своим ходом — уже полегче, с богатой добычей даже верхами большую скорость не развить, так что шансы есть. Так что сейчас тут, кувыряясь по полю, прикрытый с одной стороны Сашкой Шурупом, а с другой — сменившим пулемет на свой старый верный АКМС Курсантом, я чувствую себя куда увереннее и лучше, чем если бы продолжил сидеть в УАЗе, рядом с Вовкой и Прохоровым. Ходока, кстати, в приказном порядке пришлось в машине оставлять, разухарился пацан, в бой рвется. Наплел ему с три короба про важность и необходимость грамотного прикрытия огнем и к турели за пулемет вместо Толика поставил. Просто так не пустить — вроде как обидеть, а тут, получается, важное и ответственное задание доверил.

А воевали тут явно всерьез, без дураков, держащие под контролем округу снайперы докладывают о как минимум десятке «озябших» выродней, лежащих под стеной хутора с противоположной стороны. Ясно, значит, «дикие» там ложный прорыв организовали, местные все его ликвидировать кинулись, а с этой стороны кто-то тихой сапой пробрался, башню уронил и «зашел на огонек». Ага, вот и стала понятна причина падения вышки — среди расщепленных бревен и поломанных досок очень хорошо видны оторванные белые алюминиевые хвостовики гранат для РПГ-7 с погнутыми стабилизаторами. Две штуки. Фугасные были, скорее всего, от бронепрожигающих в такой ситуации толку никакого. Вот и нарисовалась первая неприятная новость — у «диких» гранатомет имеется. Спору нет, БТР — штука, конечно, грозная, но ровно до того момента, как встречается с толковым

⁶¹ «Коробка», «коробочка» (армейск. сленг) — любая единица бронетехники (БТР, БМП, танк).

гранатометчиком, у которого есть хотя бы одна кумулятивная граната. После такой встречи боевая машина превращается просто в кучу горелого металлолома. Не так давно мы сами это туркам в Червленной доказали. Сообщаю о «большой радости» экипажам «брони» и снайперам, им теперь намного бдительнее быть нужно. Одним — технику беречь, другим — за появлением наиболее опасных, приоритетных целей следить и давить их в первую голову.

В пролом вошли быстро и технично, не зря я этих оболтусов на полигоне до седьмого пота гонял, и пошли чистить улицу. Впрочем, какую улицу? Стоявшие по обе стороны улица дома уже догорают, а от зардеющихся углями бревен рухнувших стен нестерпимо тянет жаром. Тут тоже неслабо постреляли: под ногами густо валяются в пыли и траве гильзы, холмиками тряпья валяются трупы, от пожарищ нестерпимо прет омерзительно-сладковатой вонью горелой человечины. Я этот запах еще со времен новогоднего штурма Грозного забыть не могу. В быстром темпе проходим улочку и выскакиваем на здешнюю центральную площадь.

Ох, мля!!! До хренищи я всякого дерьма в своей богатой на события жизни повидал, но чтоб такое! Больше всего открывшаяся нам картина похожа на декорации к какому-нибудь дешевому трешаковому фильму ужасов, не страшному, но омерзительному. Похоже, слухи о кочевой орде каннибалов подтвердились. Сбоку слышны характерные звуки — кого-то явно тошнит, причем не одного. Да и у меня остатки вчерашнего ужина уже практически на уровень гланд поднялись. Отставить! Это им простительно, а ты — командир, тебе невозмутимым и собранным в любых условиях быть нужно. Даже в таких.

Фасадом прямо на площадь выходит большой дом, скорее всего, в нем жил здешний староста, ну, или как там его? Да хоть председатель колхоза, сейчас это роли не играет, не в том суть. Так вот на больших двустворчатых воротах этого самого дома сейчас висит мужик. Голый по пояс, босой, весь залитый кровью и черный от грязи и копоты. Уже в годах, не меньше пятидесяти, но крепкий, мускулистый... Был... То, что он явно мертв — сомнений не вызывает, с перерезанным от уха до уха горлом долго не живут. Других ран на теле тоже хватает — минимум пара пулевых ранений в живот, да глубокая, похоже, осколком оставленная, борозда на плече. Но горло перехватили явно еще живому, в таких вещах я понимаю — жизнь научила. Труп старательно приколот к воротинам большими гвоздями и строительными скобами. А сами ворота напоминают увешанную игрушками и гирляндами новогоднюю елку, только вот «украшения» уж больно жуткие — отрубленные человеческие руки и ноги, отрезанные головы, размотанные кишки. На досках воротин кровью намалеваны пентаграммы и еще какие-то каббалистические символы, смутно знакомые мне по все тем же дешевеньким «ужастикам». Только в кино эта была дешевая бутафория, а тут — омерзительно воняющая и оставляющая на языке привкус окислившейся медной монеты «правда жизни». Из последних сил пытаюсь сдержать рвущий внутренности рвотный позыв.

Но, самое страшное — не это. Посреди площади тлеет здоровенное кострище, а рядом с ним лежат три насаженных на самодельные вертела из тонких древесных стволов, словно тушки ягнят, человеческие костяки. Почему костяки? Да потому, что мяса на них почти не осталось — срезали, а местами, похоже, обгрызли. К растущему неподалеку тополю на уровне пары метров над землей приколот толстый поперечный брус, с которого свисают вниз окровавленные веревки. Под деревом — здоровая лужа уже впитавшейся в пыль свернувшейся крови, рваная, густо пропитанная все той же кровью одежда и... Рядом с одеждой валяется ободранная человеческая кожа. Все, сил моих больше нет! Меня буквально складывает пополам и содержимое желудка фонтаном бьет в пыль. Ноги враз становятся ватными, голова плывет.

Несмотря на состояние, я еще способен подмечать детали: судя по длинным, сбившимся в грязные, слипшиеся колтуны волосам, на вертелах — женщины. А судя по росту, скорее всего девочки-подростки. Вот на этой дыбе их, похоже, вздергивали, потрошили и свеживали. А потом — жарили на костре, словно шашлык, и жрали... На глазах приколотенного к воротам мужика. Которому потом перерезали глотку. Мля, это насколько же больной тварью нужно быть, чтобы сотворить подобное?! Чудовищно жестоких людей

иногда называют зверями, а творимое ими — зверствами. Ну, уж хрена! Не нужно обижать животных, на подобное способны только люди. Безумные, бешеные, ублюдочные твари, которых непонятно как земля носит, но — все равно люди. Твою мать, как же хорошо, что я Вовку с нами сюда не взял. Нечего парню на это смотреть.

Так, все, хватит нюни распускать! Работу делать нужно.

— А ну-ка, собрались, тряпки!!!

Подстегнутые таким вот незамысловатым, но оказавшим нужное воздействие пожеланием, парни в темпе продолжают осмотр хутора, стараясь не глядеть в сторону площади. Да, обчистили деревушку основательно: на улицах — только всякий мусор и тела. Изуродованные, порубленные на куски — защитников, и просто валяющиеся тут и там — бредунов. А еще — обломки, обрывки, осколки разного домашнего скарба — мебели, посуды, одежды, другая безнадежно испорченная мелкая рухлядь. И гильзы, гильзы и еще раз гильзы. Ни оружия, ни каких-то предметов амуниции или снаряжения, ничего целого, один мусор.

— Аким, Великану, — вызываю я оставшегося в перелеске за старшего Сергея Акимовского.

— На связи.

— Скажи местному старшему, что тут — всё. Во всех смыслах. Пусто и «холодно». Пусть подходит, тела опознает, если ему это интересно. Только хода сюда не пускайте. Не на что ему тут глядеть.

— Великан, Бекету, — вклинивается в разговор Руслан Бекетаев.

Вообще наш старший снайпер и штатный следопыт в эфире немногословен и на связь выходит нечасто, обычно это его вызывать приходится. Раз сам зовет, — значит, что-то важное.

— Великан на связи, что у тебя?

— Взяли след. Эти пытались ветками замести, и довольно толково, но роса легла уже, а высохнуть не успела, солнце только вставать начинает. Так что, есть направление в котором бредуны ушли. Прошу «добро» на преследование.

— Отлично, одну «тройку» в прикрытие бери и пробегитесь за ними, только аккуратно. И без самостоятельности. Если что — нас вызывайте, один в поле не воин. Да и от четверых толку немного.

— Да ладно? — скептически хмыкает Рус, явно намекая на наши с Толей эпические в своей самонадеянности и глупости «прогулки» по горам Терского Фронта.

— Я на полном серьезе — убьют, назад можете не возвращаться.

— Понял. Я тогда Артемову «тройку» припрягу. Не возражаешь?

С чего бы, интересно? У Ковалю — «Печенег», у Руса — снайперская винтовка на базе «трехлинейки» Мосина, правда, переделанной и тюнингованной до неузнаваемости. Этот старый, наверное, еще времен афганской войны, а может, еще более древний фокус мы уже давно отработали и освоили. Дело тут вот в чем: у СВД и ПК, ну, а в нашем случае «Печенег» и «моськи», патрон, по сути, одинаковый. Нет, есть некоторая разница в весе и качестве обработки пули и пороховой навеске, но это все только на баллистике отражается. А вот звук у них — абсолютно одинаковый. Вот и принаровились наши «диверы» на передовой работу снайпера под шальную пулеметную очередь маскировать. По команде снайпера пулеметчик дает короткую, беспокоящую очередь, а сам снайпер в тот же самый момент отработывает по заранее намеченной цели. И что в результате видит противник? Все верно, сначала пулемет пролязгал, пули над головой вжикнули, а кому-то не повезло — случайная вроде, а точно в лоб. Бывает же такое... Опять же, если придется снайперу экстренно рвать когти, то лучшего прикрытия, чем грамотный пулеметчик ему и придумать сложно. Разве что реактивная установка залпового огня, но это уже совсем из области фантастики.

— Великан, мы поскакали, спешить нужно!

— Добро. До связи.

Руслан прав, если упустим момент, то вставшее солнце окончательно угробит все немногочисленные следы, что не смогли уничтожить выродни: высохнет роса, поднимется трава, и все — ловите в поле конский топот. А вот если он прямо сейчас «возьмет пеленг» — никуда они от нас не денутся. Руслан в горах Терского Фронта и бывших Закавказских республик несколько лет партизанил и на турецких аскеров охотился. Один, без поддержки. Такой если на след встанет — шансов оторваться попросту не будет. Но вот воевать в одиночку ему уже хватит, один раз он на этом уже чуть не погорел, угодив в плен к туркам, и, если бы не один бестолковый, но чертовски везучий омоновский «прапор» с его старыми связями и знакомствами — давно бы гнил в какой-нибудь яме под Шароем.

Позади сначала послышался топот ног, а потом — рыгающие звуки. Похоже, наши союзники из Нефтянки выскочили на площадь. Пожалуй, стоит дать им пару-тройку минут на то, чтобы очухались. Нам сейчас план дальнейших действий обсуждать, а они вряд ли будут с ходу в состоянии что-то слушать и о чем-то думать.

Вид у подошедшего ко мне минут через пять Прохорова, мягко говоря, неважнецкий. Глаза пустые, будто у манекена, лицо бледное, губы синюшные, ноги в коленях ощутимо подрагивают. Думаю, я минут десять назад выглядел не намного лучше, а может, и до сих пор так же выгляжу, не знаю, зеркала под рукой нету. Но Прохорову явно не до моего внешнего вида, он, по-моему, сейчас вообще ничего и никого не замечает.

— Там, на воротах, — негромко и как-то преувеличенно спокойно, словно разговаривая сам с собою, бормочет он. — Это не Антоха. Нет, это не он...

— Друг? — я не знаю, как привести в себя этого явно впавшего в прострацию мужика, но и оставлять все так, как есть, тоже нельзя.

— Брат младший, — лицо у Владимира Сергеевича застывшее, мертвое, будто посмертная гипсовая маска, и такое же белое. — У него три дочки... Племянки мои... Зоя, Вика и Иришка. Самой старшей шестнадцать этой осенью будет...

Ой, твою ж мать!!! Так вот чего он так сюда рвался и почему так странно выглядел...

— Толя, Санек, хватайте его и на выход. Бегом!!! И противошокового ему в обязательном порядке!

— Коньяку или спирта? — понимающе смотрит на меня Шуруп.

— Лучше коньяку возьми из моего НЗ, и по роже похлопайте, что ли, чтоб в себя пришел. Только осторожно, а то нарветесь на оборотку... Он медведь здоровый, еще сломает вам что-нибудь.

— Тогда коньяку ему я налью, а по морде пускай Толик хлопает, — Саня пытается улыбнуться, но выходит только кривая и неестественная ухмылка.

Вот ведь крепкие нервы у парня. Такого насмотреться, а потом еще и шутить пытаться — это просто стальным человеком нужно быть.

Оглядываю свое бледное и притихшее воинство.

— Здесь мы уже ничем помочь не можем. Можем только догнать и покарать тех, кто это сотворил. Все, уходим.

Про необходимость похоронить тела никто даже и намекнуть не попытался. Во-первых, чем сильнее мы тут задержимся, тем дальше уйдут бредуны. Во-вторых, в гробу я видал эту высокую честь! Пусть этим местные занимаются. Как там: «Пусть каждый сам хоронит своих мертвецов»? Нет, в оригинале, было, кажется, немного по-другому, но смысл я передал. Мы здесь — чужие, пришлые. Если сможем — сделаем свое дело и уйдем, если нет — все тут в землю ляжем. Но вот хоронить хуторских — не наш долг и не наша забота.

Никаких вопросов никто из моих парней, ждущих на опушке, не задает, видать, и по физиономиям нашим все понятно без дополнительных объяснений. А вот Прохоров что-то своим объясняет. Два человека из собравшейся вокруг него кучки стремительно бросаются к пролому и выходят оттуда только минут через десять. Причем выглядят при этом очень и очень погано, что называется — краше в гроб кладут. Видно, не у одного Владимира Сергеевича тут родня обитала. Выражение лиц остальных тоже ничего хорошего выродням, когда мы их догоним, не предвещает.

Как я за неполный год успел заметить, люди тут вообще к излишним рефлексиям не склонны, на темы вроде: «Имеем ли мы право пристрелить убийцу, как собаку, ведь он тоже человек и, наверняка, это жизнь его таким сделала», столь любимые в мои времена среди представителей интеллигенции, рассуждать не любят. Они просто берут, и стреляют. Или вешают, тут уж от обстоятельств и законодательства конкретной местности зависит. В любом случае, либеральных соплей тут не разводят и мораториев на смертную казнь не вводят. Что поделать, времена и условия тут такие, к мягкотелости не шибко располагающие. Словом, когда мы этих сектантов догоним, подозреваю, что люди Прохорова учинят им конкретную кровавую баню, и вряд ли кого-то будут брать в плен. Но, они в своем праве.

И все-таки мы их нагнали! У Володи от предвкушения боя аж дух захватывало. А ладони покрылись испариной, даже приходилось их время от времени поочередно обшанины «горки» вытирать, выпуская из рук то приклад, то пистолетную рукоять пулемета, из-за которого Михаил его так и не прогнал после того, как вернулся с сожженного хутора. Они оттуда вообще все какие-то не такие пришли. Как сам Тюкалов говорит: «Будто пыльным мешком нахлобученные». Вот-вот, очень похоже. Видно, совсем там хреново, если даже пожилого и явно видавшего виды Владимира Сергеича так приплющило. Он вообще с самого возвращения молчит. Только кивнул один раз, после того, как Михаил, дав команду на выдвижение и заводя мотор, коротко бросил:

— Будем карать сволочей.

Со следопытом отряд явно повезло. Если бы не Руслан, который по одному ему видимым признакам указывал направление первые полтора десятка километров, выродни точно ушли бы. Уж больно хорошо они следы замечали. Один раз даже командир, с его-то подготовкой и умениями, чуть не взмолился:

— Рус, едрена кочерыга, да как ты эти следы вычисляешь-то вообще? Я вот ни черта не вижу!

На что низкорослый снайпер только хитро прищурился.

— Верхним чутьем.

Ну, верхним, там, или нижним, но со следа Бекетаев не сбился. А километрах в пятнадцати от хутора выродни и сами маскировать свои следы перестали, решив, похоже, что нужную фору набрали. Не учли только, что уж слишком много награбили. И все повозки свои, похоже, доверху набили, и всю скотину хуторскую угнали. А корова — она не грузовик, долго быстро бежать не может. Так что, все как положено — жадность, она фраера завсегда губит.

Впереди вдруг басовито и солидно загрохотал «Утес» идущего в головном дозоре «свинобраза». Володя крепче ухватился за пулемет и сильнее вжал в плечо металлический затыльник приклада.

— Не дергайся, Вовка, это не серьезно пока. Просто выродни погоню засекли и заслон оставили. Только нашей «броне» тот заслон — семечки, — успокоил его сидящий за рулем Тюкалов.

Ну, да, ему хорошо таким спокойным быть, он доклад с «брони» по рации слышал. А вот Володе своей радиостанции пока не положено. Но это ему Михаил еще в самом начале объяснил: станция и позывной у наемников — что-то вроде медали, а то и ордена. Их в бою заслужить нужно. А у него какие пока заслуги? Ну, да ничего, это дело наживное!

Как Михаил и сказал, ни остановить, ни даже задержать наемников бредунам не удалось. Вообще никак, те даже для сбора трофеев не остановились. Железки можно и на обратном пути собрать. А боем связать два бронетранспортера, имея на руках старенькие автоматы и самозарядные карабины, — это даже не смешно, хотя и смело. Ну, нечего было этим архаровцам противопоставить совместной огневой мощи калибров в двенадцать и семь и четырнадцать с половиной... А их пули «броне» — что слону дробина. Всего и дел будет, что краски достать, сколы в местах попаданий замазать. А вот еще примерно через полчаса

впереди что-то громко рвануло, а Тюкалов вдруг резко дал по тормозам и зло выматерился сквозь зубы:

— Накаркал, сука! Бекет, у них есть «границ»! Как принял? Что хочешь делай, но задави мне эту тварь!

Потом, снова внимательно выслушав чей-то доклад, командир снова разразился яростной матерной тирадой.

— Сергеич, поднимай своих орлов. Это не военный отряд, это вся орда. Мои снайперы говорят, они большую часть своих бойцов нам навстречу двинули, награбленное бросили и в отрыв пошли. Боевиков их мои «коробки» для тебя сейчас причешут, как только Бекет гранатометчика завалит. А вот остальное — ваше дело, я своих туда не пошлю.

Прохоров, к удивлению Володи даже возражать не стал, только кивнул и, выбравшись из машины, побежал к грузовикам с ополченцами. И только когда, дождавшись условного сигнала Руслана, оба отрядных бронетранспортера в сопровождении машин из Нефтянки, рванули вперед и загрохотали короткими очередями где-то за холмом, Володя поинтересовался у сидящего за рулем хмурого, словно грозовая туча командира:

— Миша, а почему ты наших туда не отправил? Это же чисто наша победа получалась. И трофеи все нашими выходили по всем правилам и понятиям. А теперь, получается, нефтянская стража и ополченцы с небольшой нашей помощью всех победили. И достанется нам только то, что они заплатят.

— Почему? — голос у Тюкалова звучит глухо, словно из бочки. — Потому что там орда, Вовка. Не военный отряд, не мародерская банда, не разведгруппа. Орда. Вся, мать ее, в полном составе.

— И чего? — не снова не понял Володя.

— А того, — зло отрезает Михаил, — что кроме бойцов там и бабы будут, и дети. Понятно, что такие же ублюдочные, как и мужики их, но, один черт. А после того, что они на этих выселках сотворили... Словом, мы в этом не участвуем.

— Так ты что, думаешь, они собираются всех?.. — у молодого ходока аж голос перехватило от волнения.

— Нет, мля, после того, что они на хуторе увидели, они киданутся их баб и детишек чаем с баранками поить! Это будет бойня, Вова, мясня, в которой живых не оставляют. Нефтянские — мстят, они в своем праве. А вот мы в это говно не полезем, иначе потом вовек не отмоемся. Можно от других что-то скрыть, а вот от себя — не получится.

Назад наша колонна пошла в урезанном составе: все нефтянские, кроме Прохорова, остались. Им теперь дел надолго хватит — трофеи собирать, и без того полные телеги добра, выроднями на хуторе награбленного, под завязку набивая. Стадо, опять же. Его гнать нужно, а скорость при этом вообще никакая будет. Короче, все ополчение осталось, один только начальник стражи с нами назад поехал, ему расчет за проделанную работу с нами производить. Надеюсь, жмотничать не будет, потому как пока что весь этот рейд для нас — чистое разорение без малейших признаков прибыли. Мы даже оружие заслона, уничтоженного «Утесом» «свинобраз» брать не стали. Там, правда, не так много целого осталось: после двенадцати-то миллиметровой пули. А стоило мне к оставшемуся радиометр поднести и на цифры глянуть, как не то что руками их трогать расхотелось, а, скорее, наоборот — очень захотелось отойти шагов этак на ннадцать. Если б я хабар с таким фоном попытался в Иловлю протащить — болтаться бы мне в петле, несмотря на все былые заслуги. Как там, у древних римлян было в той поговорке «про дуру»? «Дура лекс сэд лекс»?⁶² Вот-вот, и я о том же. Переживем как-нибудь и без таких вот трофеев, авось, не разоримся.

Прохоров всю дорогу молчал, что немудрено. Ну, и я его не трогал, горе у человека,

⁶² Dura lex sed lex (лат.) — Закон суров, но это закон.

куда уж тут с разговорами лезть. После добрых двухсот «капель» неплохого дагестанского коньяку из моего неприкосновенного запаса у него хоть взгляд оттаял малость, а то вообще на ходячий экспонат музея мадам Тюссо похож был. И то хлеб. Тишину, весь путь царившую в машине, он уже неподалеку от Нефтянки нарушил сам.

— Спасибо тебе, Михаил. Без вашей помощи и не догнали б мы их, а если бы даже и догнали, так все бы там и остались. Не вытянули бы мои орлы комнатные против такой толпы. Что мы вам должны?

Что должны? Хороший вопрос. С одной стороны, если чисто по математике судить, задолжали вы нам, как земля колхозу. И за перебитых «диких» и за собственные сбереженные задницы. А вот если по-человечески... С другой стороны, я ни фига не Бэтмен и за свой счет весь мир спасти просто физически не смогу. Так что, никаких резонов отказываться от платы, у меня нет и выдумывать я их не собираюсь.

— Давай так, Сергеич. Я не конченная сволочь и все понимаю. Но мы в этом рейде понесли некоторые убытки: горючку пожгли, патроны к «крупнякам» порасстреляли. А это все денег стоит, и денег немалых. Поэтому давай так: вы дозаправляете нас «под крышку», доснаряжаете БК «коробочек», ну, и одеваете моих людей в соответствии со здешней модой. А то мы в наших «горках» среди ваших плащей-пыльников — как павлины посреди гусиной стаи. Так сказать, немного в глаза бросаемся. Нефтянка — город торговый, надеюсь, найдете все необходимое быстро. Нам шибко задерживаться нельзя, нас Черный Полковник ждет. С нетерпением, блин, цветами и духовым оркестром. Да, кстати, на тот случай если Павлик уже жаловаться смысла... Куда хоть ехать-то нам, чтоб к Полковнику в гости попасть?

— В Роцинский вам ехать, там раньше, в смысле — до Тьмы, база бригады Спецназа ГРУ была. А теперь Полковник на нее лапу наложил. От нас недалеко, километров пятьдесят прямо на Самару, мимо не проедешь.

Прохоров какое-то время внимательно смотрит мне в глаза, словно пытается заглянуть в душу.

— Слушай, Михаил, вот смотрю я на тебя, вроде ж нормальный ты парень, хоть и вляпался там у себя в конкретное дерьмище. По дурости, похоже, вляпался, потому как нету в тебе ни гнили, ни жадности. Так на кой хрен ты еще и в это дерьмо сам лезешь? Два раза подряд на те же грабли, не многовато ли? На кой черт тебе этот Полковник с его бандой сдался?

Хороший вопрос, Владимир Сергеевич, а главное — честный. Жаль, я тебе честного ответа на него дать не могу. А потому, пытаюсь изобразить беззаботный вид, просто пожимаю плечами.

— А что делать остается? У меня и парней моих с гражданскими специальностями как-то не сложилось, ни пахать, ни сеять не умеем и на освоение народного хозяйства не годимся категорически. Зато отлично знаем, что делать по обе стороны от мушки. Куда ж нам, таким? Ты вот мой отряд себе в Нефтянку как охрану нанял бы?

Сам ляпнул, и только потом сам понял, что именно. А ведь это мысль! Почему вербоваться нужно именно в банду Черного Полковника? Может... Хотя, нет, такие, как Полковник, на своей земле конкуренции не терпят. Это как в «лихие девяностые» — чужих «коммерсов» попытаться «крышевать» — это точно заполучить врага в лице тех, кто этим до тебя занимался. А я себе роскоши открыто пойти против Полковника позволить не могу. Видать, у Прохорова в голове промелькнули какие-то похожие мысли и он тоже пришел почти к тем же выводам. Потому как вздохнул тяжело и отрицательно головой мотнул.

— Нет, Миша, даже и пытаться не стал бы. Чревато...

— И я о том же. А если к нормальным людям наняться нельзя, а жрать все равно охота, то что? В выродни подаваться? Да ну его в баню, уж лучше к Полковнику.

— Гляди, Миша, тебе жить. Вот только послушай старого, много повидавшего в жизни бывшего мента — не намного это лучше.

Глубокомысленно молчу в ответ и понимаю, что тему эту пора сворачивать. Особых доводов за вступление в банду Полковника у меня нет и необходимость этого поступка я

аргументировано доказать не смогу даже сопливному мальчишке. А вот приказ есть. И выполнить его мне проще всего будет примкнув к самой сильной здешней банде. Вот только приказ этот в качестве довода в разговоре использовать не получится. Прохоров мое молчание истолковал верно, и больше этой темы не касался. Я перевел разговор на другое, попросив его никому не распространяться о том, сколько на самом деле стоили Нефтянке услуги нашего отряда. Торговцы будут знать только свои расходы, сколько сверх всего этого нам отстегнул начальник стражи для них — большая военная тайна. Вот пусть так и остается, а то еще решат местные, что мы, словно таджикские гастарбайтеры моего времени, готовы на любую работу согласиться за копейки. Прохоров смысл просьбы понял сразу и заверил, что будет молчать, как рыба об лед. Ну, вот и ладушки. А потом и вовсе стало не до разговоров.

Сразу после возвращения в Нефтянку он куда-то ушел, а уже минут через двадцать к нашей, выстроившейся на площадке перед воротами, технике подъехали два дряхлых бензоаправщика, а еще минут через пять-семь трое крепких ребят лет, примерно, двадцати пяти, прикатили на груженной боеприпасами подводе, которую тянула смиренная серая кобыла. Так, похоже, с платой все будет без обмана, что не может не радовать. Пока объясняюсь с водителями бензовозов и старшим из парней, оказавшихся приказчиком и грузчиками из местной оружейной лавки, внезапно чувствую, как кто-то деликатно теребит меня за рукав. Ага, это сразу двое торгашей снаряжением пожаловали, размерами одежды и ростовкой моих подчиненных интересуются. Перенаправляю их к Шурупу. Зря я его, что ли, завхозом, в смысле — зампотылом, назначил? Вот пусть и отдувается! А то взяли, понимаешь, моду — свалили все на маленького беззащитного меня, на шею сели и ноги свесили. Вон, где-нибудь у нормальных людей, начальники вообще ни черта не делают, только приказы отдают в самой общей форме, а потом за неисполнение подчиненных гоняют особо извращенным образом, ну, или в случае выполнения, делают вид, что так все и должно быть. А тут вертишься, как белка в колесе... Нечего! Пусть тоже немного удовольствия получают! И поторопить их всех нужно, нам еще к Полковнику в этот его Рощинский полсотни каме по хреновой дороге плюхать...

М-да, плюхать нам никуда не пришлось, не успели мои парни распахать по десантным отсекам бронетранспортеров тюки с полученными в качестве оплаты вещами, как часовой с вышки у ворот начал так намахивать руками стоящему рядом со мной Прохорову, словно хотел выиграть главный приз на конкурсе «Кто лучше всех изобразит ветряную мельницу». Причем, как Сергеич объяснил, он не просто хаотично своими граблями вертел. Тут у них, оказывается, что-то вроде флотской флажковой азбуки имеется. Рации в этом плане, конечно, намного удобнее, но на них еще у Полковника разрешение получить нужно. Пробовали — их светлость не соизволили. За что, кстати, и пришлось расплачиваться сожженным хутором и его страшной смертью умершими жителями. М-да, не прибавит это событие у селян любви к Полковнику, точно вам говорю.

Кстати о птичках, в смысле — о Полковнике, именно о приближении его кортежа Владимиру Сергеевичу и доложил с вышки глазастый рукокрыл.

— Так, парни, заканчиваем погрузку! — команду я своим. — Боевая тревога! Выводим машины за ворота и ждем вон на той лужайке. Мало ли чего его полковничьей светлости от нас нужно. Поэтому — булки не расслаблять и быть в готовности. Но первыми огня не открывать ни в коем случае — возможны провокации. Только по моей команде или для конкретной, обоснованной самозащиты.

— Из города-то зачем уходишь? — с недоумением в голосе спрашивает Прохоров.

— Да мало ли... Вдруг у господина Полковника к нам претензии. А то вдруг он на нас обиделся, аж кушать не может? Короче, возможны взаимные упреки и недопонимание вплоть до стрельбы. Вы, как ни крути, ко всему этому — никаким боком. Так на кой черт мне вас под молотки подставлять? А на той полянке, даже если они нас, а мы их убивать начнем, до вас только если совсем случайные пули долетят. И те в стене застрянут.

В глазах начальника стражи снова удивление и даже уважение. Или мне только

показалось? Прохоров явно что-то хочет сказать, но лишь качает головой и повторяет совсем недавно сказанные мне слова:

— Зря ты в это дерьмо лезешь, Миша. Ой, зря!

Кортеж Черного Полковника, что называется, внушает. Мы с нашей парой «коробочек» и четырьмя внедорожниками на его фоне конкретно теряемся. Если со стороны глядеть — просто мотострелковый батальон на марше в «горячей точке». А уж пылищи-то подняли — просто дым коромыслом. Сквозь просветленную оптику бинокля картинка смотрится еще внушительнее: головным дозором — обычный «бардак», в смысле БРДМ, следом за ним, держа дистанцию метров в двести, — четыре бронетранспортера, таких же «восьмидесятки», как у нас, только понакручено на них дополнительного железа — мама не горюй. Здорово напоминает грузовики болгарских торговцев оружием, которые я еще в Червленной видал. Выглядит агрессивно и устрашающе. БТР он и без того не шибко красавец, а уж в таком вот «тюнинге», так и вообще совершеннейшим чудовищем смотрится. Замыкают колонну две БМП-«копейки». В смысле, БМП-1, те, что пушкой калибром в семьдесят три миллиметра вооружены. Серьезный противник. Таким наши бронетранспортеры не противники. Наш КПВТ бьет на два километра, а у этих орлов предел — почти четыре с половиной. Понятно, это при условии, что наводчик — профи, ну так нам и не профи хватит, если он с трех километров херачить начнет. А вот это что за зверь невиданный? Пытаюсь разглядеть мелькающий в клубах пыли между бронетехникой внедорожник. На «Тигр» не похож совсем, и на американские машины вроде «Шеви-Тахо» или «Юкон» — тоже. Чем-то отдаленно смахивает на американский армейский «хамвик», но тоже не он. И при этом машина явно не самопальная, знакомы мне ее обводы, видал я ее где-то еще в прошлой жизни... Точно! «Комбат»⁶³ это. Вот только как он тут оказаться мог? Их же, вроде, в Питере клепали в каком-то чуть ли не частном КБ. Вроде пытались создатели его армейцам предложить, но что-то у них там не срослось... С другой стороны, частники есть частники — не подписали военные контракт, могли для каких-нибудь толстосумов по индивидуальному заказу делать. Помнится, много среди наших доморощенных олигархов было любителей больших brutальных машин: и «Хаммеров», и «Тигров» в гражданском исполнении, и даже переделанных внутри почти до полной неузнаваемости БРДМ. Так что, вполне мог себе кто-то и «Комбата» заказать. А потом благополучно склеить ласты. Ну, а машинку Черный Полковник к рукам прибрал. Не пропадать же добру?

Так, ладно, хватит лирики, пора здешнему хозяину навстречу топать. Почему топать? Да потому что, вполне возможно, сердит на нас Полковник. А человек, вышедший в поле один, выглядит куда менее опасным, чем подъехавший на крутом внедорожнике с пулеметом, да еще и с «броней» на прикрытии. Поэтому — пешком и в гордом одиночестве.

Ага, там мой «жест доброй воли» явно заметили и поняли правильно: броня начинает разворачиваться в редкую цепь, фронтом на нас, а «Комбат», уверенно и солидно покачиваясь массивным кузовом на ухабах, катит прямиком ко мне. Встает грамотно, чуть объехав справа, своим корпусом закрывает и меня, и будущее место разговора от взглядов и прицелов моего отряда. А броня у этого почти четырехтонного броневика внушительная — без гранатомета не расковыряешь, да и с гранатометом не факт, что сразу получится. Негромко клацают замки дверей и из машины ловко и слаженно выскальзывают двое. Похоже — личные телохранители. Резкие ребяташки, явно очень хорошо тренированные и сработанные. Слегка разойдясь в стороны, они вполне профессионально берут меня в «клещи». Кто ж вас так натаскал-то, родные? Когда всему миру упитанная полярная лисичка

⁶³ «Комбат» — бронированный внедорожник, созданный в г. Санкт-Петербурге в КБ Дмитрия Парфенова. Изначально планировался как VIP-броневик для передвижения представителей высшего командного состава в зоне активных боевых действий. Имеет несколько вариантов бронирования. По максимальному классу защиты способен выдержать попадание пули калибром 12,7 мм. В армии к «Комбату» интереса не проявили, и сейчас он производится для частных заказчиков единичными экземплярами.

пришла, вам ведь лет по семь-восемь было... Значит, хороший учитель имелся, старой школы. Возможно, инструкторы Краснодарского ЦСН и углядели бы в их действиях какие-то огрехи, но вот я — далеко не матерый офицер группы «В», и потому понимаю: случись что — эта парочка меня на кожаные ремни распустит раньше, чем я что-то мявкнуть в знак протеста успею. Одно радует — даже в мое время такого уровня профессионалы были товаром редким, можно сказать — штучным. А по здешней-то бедности, такие, наверное, вообще на вес золота. В прямом смысле. Так что, много таких хлопчиков у Полковника быть просто не может. А иначе... Иначе в бою очень и очень тухло нам будет.

Пока я разглядываю и оцениваю полковничьих «телков», из машины выбирается он сам. Серьезный товарищ... Невысокий, лысый, словно колено. Одет в темно-оливковую куртку, сильно похожую по пошиву на американскую М-65 и того же цвета тактические брюки с большими накладными карманами и утяжками чуть ниже колена, заправленные в почти новые щегольские замшевые берцы. Оружия вроде не видно, хотя, зачем оно ему при такой-то охране. Уже в возрасте, думаю, ему где-то к семидесяти, но фигура крепкая, этакий гриб-боровик. Я вообще одну интересную особенность подметил: этот мир — мир крепких стариков. Похоже, те, что здоровьем похлипче, до старости просто не доживают. Уровень медицины не тот, да и вообще, в целом, обстановка как-то к долголетию не располагает. Как в той стихотворной сказке Филатова про «чудодейственное лекарство» из заячьего помета?

Он на вкус, конечно, крут,
От него бывало мрут.
Ну, а те, что выживают, —
Те до старости живут...

Вот-вот, если уж выживешь, то точно до глубокой старости протянешь. Одна проблема — выжить, а это тут ох как непросто! А главное — кажется я наконец понял, почему Полковника прозвали Черным. За цвет кожи лица, вернее, уродливого омертвевшего струпа на том месте, где у нормального человека — лицо. Темно-серого, почти черного, да еще и с глянцевым отблеском. Если смотреть издали, похоже, будто человек случайно в поддувало печки влез и все лицо свежей золой перепачкал. А вот вблизи картинка предстает во всей своей неприглядности. Ни хера себе! Хорошо горел мужик когда-то! На мой профанский взгляд — ожог где-то между третьей и четвертой степенью был, на грани обугливания мягких тканей. И как он глаза сохранить умудрился?

— Ну, голубь, шо скажешь?

Произношение у Полковника мягкое, скорее всего — украинец или долго там прожил. В том же Ростове-на-Дону тоже «г» произносят очень мягко, почти как «х», но вот «шоканья» украинского там нет и в помине.

— Чего молчишь, глазами сверлишь? Как поцелуй мне передавать через посыльных — так и наглости и речистости хватало. А теперь шо? Язык в задницу провалился?

— Язык мой на месте. Просто думаю, чего вы от меня услышать хотите. О чем говорить-то?

— А обо всем, мил друг. О том, как и зачем сюда приперся незванный. Почему на встречу со мной не поехал, а заставил меня, старого человека за тобою кататься. Не до хрена ли чести? Ну, и наконец, какого рожна тебе от меня вообще нужно? Хватит вопросов для начала?

— Вполне, — киваю я. — О том, как и зачем — вопрос отдельный. Рассказать несложно, только долгая это история. Если вкратце — накосячили мы там у себя...

— Seriously накосячили? — живые, внимательные, цепкие и какие-то пронзительные светло-голубые глаза Полковника на мертвом, гладком, будто целлулоидном лице выглядят чем-то чужеродным. И смотрится это со стороны, прямо скажем, жутковато.

— Очень, — морщусь я. — Примерно на военный трибунал и расстрел у ближайшей подходящей стенки.

— Нормально, — цокает языком мой собеседник. — По остальным пунктам чего скажешь?

— Не приехали, потому как внезапно найм подвернулся. Уж извиняюсь, конечно, но при всем моем уважении... Вы нам не командир и даже не наниматель. При других обстоятельствах приехали бы сразу и без задержек. А тут — начальник здешней охраны предложил разовую работенку, которая, вдобавок, в тот момент казалась не слишком-то сложной. А мы тут люди новые, нас тут никто не знает. А значит — имя зарабатывать нужно, да и монета не помешает. Опять же, раз откажешься, второй откажешься, так на третий и не позовут. А оно нам надо? Как только закончили, сразу полный расчет получили и начали в дорогу собираться. Да не успели...

— Не слишком сложной казалась? — в задумчивости переспрашивает Полковник. — А шо оказалось?

— А оказалась полная задница.

Я вкратце, но не жалея красок пересказываю ему все увиденное нами сегодня на вырезанном хуторе и все, что последовало за этим. Полковник слушает совершенно бесстрастно, что для меня неудивительно, наслышан я от особистов о творимых его бандой при налетах «художествах». Очень похожие получаются картинки, разве что без людоедства.

— С этим понятно, — даже не дослушав до конца, прерывает мой рассказ Полковник. — Такое тут бывает. Таких масштабов — не часто, но все равно случается. И много вы на этом заработали?

— А вот это, уж не обижайтесь, коммерческая тайна. Расценки касаются только нас и нанимателя. Нанимать нас будете — тогда и обсудим.

— Ох, ну ни черта себе, деловой какой, твою мать! — пытается ехидно улыбнуться Черный Полковник, от чего его застывшее лицо перекашивает очень неприятная гримаса. — Тоже мне, «коммерсант» нашелся, «бизнесмен», едрена корень!

Глубоко вдыхаю и, задержав воздух в легких неспешно считаю до десяти. Очень способствует в ситуациях, когда хочется сказать собеседнику что-то резкое и обидное, но делать этого не стоит.

— При всем уважении, не смешная шутка. Я в этом «бизнесе» уже скоро пятнадцать лет, и ничего смешного в своих словах не вижу. В таких вопросах главное — доверие между мною, исполнителем, и нанимателем. А если я об условиях и подробностях договора начну на всех углах болтать, какое уж тут, на фиг, доверие?

Ага, похоже, проняло, губы покривил саркастически, но ничего не сказал. Значит, с этой мыслью он все же согласен. М-да, насчет «трудового стажа» я, конечно, загнул малость, но это уже издержки исполняемой мною роли. В соответствии с нею я — бывалый и прожженный Вольный Стрелок, солдат удачи. «Ни судьбы, ни Родины, ни флага», одни только деньги на уме. Но и не совсем отморозок без каких-либо понятий и тормозов, свой кодекс чести тоже присутствует.

— Ну а от меня вам чего нужно?

— От вас? — я максимально искренне изображаю изумление и даже фыркаю, словно подавив чуть не вырвавшийся смешок. — Так ничего... Или вы думаете, что мы сюда конкретно к вам бежали? Мы, блин, от самого Хачмаза в эту сторону драпали — только пятки сверкали. Уже совсем было прорвались, а прямо на границе на каких-то пограничников напоролись. Причем на матерых таких — еле ноги унесли, и то не все.

— В курсе, — кивает Полковник. — Два грузовика у вас спалили и джип...

— Там семеро моих парней было, про них ничего не слышать? — озабоченным тоном спрашиваю я, отмечая про себя, что, похоже, осведомитель среди пограничников или среди близких к ним людей у Черного Полковника все же имеется.

— Про пленных ничего не слышно, — отрицательно мотает он головой. — Значит, всех наглухо. Это отряд особого назначения погранвойск Югороссии, они вообще как-то по поводу пленных не парятся, им перебить проще.

— Хреново, — вздыхаю я и продолжаю: — Так что конкретно от вас нам, в принципе,

вообще ничего не нужно. Мы тут пристанище и работенку по профилю ищем. А уж где конкретно — нам все равно. Не будет работы здесь — дальше на север двинем, люди ведь и там живут. А где люди, там для таких, как мы, всегда что-нибудь сыщется.

— Значит, говоришь, работу ищите? — Полковник испытующе смотрит на меня.

— Ищем, — стараюсь не отвести взгляда я. — Но не какую попало и за нормальную плату. За все, что подвернется, мы не хватаемся.

— О, как, да они еще и разборчивые, — фыркает он себе под нос. — Не много ли на себя берешь, паренек?

— Нормально, — не соглашаюсь я. — В нашем деле — сначала ты работаешь на имя, потом оно на тебя. А если начнешь за все подряд без разбору браться — не только ничего не приобретешь, а наоборот, последнее потеряешь.

— Ну, ты гляди, прямо философ, — удивленно качает головой Полковник. — Короче, резкие, наглые и умелые люди мне нужны. Есть предложение: едем ко мне в Рошинский, там посмотрим, на шо вы вообще способны и так ли хороши, как сами себя нахваливаете. Если решу, что подходите — тогда и о цене поговорить можно будет. Ну, как тебе предложение?

— Заманчивое, только какие гарантии, что мне и людям моим никакой дряни в чай не намешают, чтоб технику нашу к рукам прибрать да оружие с трупов снимать?

— Да ты, хлопче, параноик, — мой собеседник снова кривит обожженное лицо в жалкой пародии на улыбку. — А на кой оно мне сдалось? «Брони» у меня своей полно, да и оружия хватает, а вот умелые, а главное, умные бойцы — не помешают. Даю гарантию безопасности тебе и твоим людям, ну, если сами никого не спровоцируете. Идет?

— И право беспрепятственно уйти дальше на север, если ваши условия нас не устроят, — категорично добавляю я.

— От, ты гляди ж, точно «бизнесмен», — в притворном восхищении Полковник шлепает себя ладонями по ляжкам. — Идет, и это тоже.

— Тогда — согласен.

— Ну, а раз согласен, скажи своим, чтоб перестали в нашу сторону стволами тыкать и по машинам садились — дорога дальняя, ехать пора. А сам ко мне садись, как раз в пути и расскажешь, шо ж у тебя за недоразумение такое с югоросийской армией в Хачмазе образовалось.

Он делает приглашающий жест в сторону машины, и мне ничего не остается делать, как, передав по рации все необходимые команды, залезть в пахнувший хорошо выделанной кожей салон «Комбата».

Не знаю, как выглядел Рошинский до Тьмы, но, думаю, практически ничем не отличался от любой другой крупной воинской части. Все, как везде: забор из бетонных плит с парой ниток ржавой «колючки» поверху, большие двустворчатые ворота цвета хаки с пятиконечными звездами, контрольно-пропускной пункт с турникетом-«вертушкой» и большой красной табличкой «КПП № 1» возле входной двери снаружи. Внутри — большой плац с расчерченными линейками и квадратами, столовая, штаб, казармы, парк боевой техники, склады... В те годы войсковые части различались не внешне, а только содержанием. Сколько я таких за свою жизнь повидал — уже и сам не вспомню. Но это раньше. Теперь же Рошинский был базой серьезной банды под предводительством явно умного и умелого главаря, и выглядела эта база соответствующе. Нет, все равно, не Ханкала, конечно, и не Червленая, но уж всяко не хуже нашей Большой Ивановки или Иловли. Высокие стены из бетонных блоков и плит, с бойницами, гнездами огневых точек, широкий и глубокий ров по периметру, перед главными воротами — целый лабиринт из обломков разных ЖБК, если что — на скорости не проскочить, только неспешными «зигзугами» промеж них, под прицелом доброго десятка стволов весьма немалого калибра. И все это густо опутано колючей проволокой, спиральями «Егозы» или просто «путанкой». Все по уму, сразу видно — знающий человек при постройке руководил. И это только сама база. А ведь был еще городок вокруг нее. Все почти как в Средневековье: тогда города тоже строились

вокруг рыцарских замков да княжеских крепостей.

Судя по тому, что увидел в окно «Комбата», этот «посад» — брат-близнец Нефтянки: гостиницы, постоялые дворы, какие-то мастерские, лавок и кабаков вообще полным-полно. Причем с ходу и не скажешь, чего же больше. Дома, правда, выглядят намного более запущенными, чем в Иловле, многие явно требуют косметического, а то и капитального ремонта, но и совсем хибарами их не назовешь. Вот дороги — те да, подкачали, от лежавшего тут некогда асфальта уже давно и следа не осталось — весь траками бронетехники в пыль перемололо. Так что улицы тут грунтовые: где-то щебень, где-то песок, а где и вовсе грязь непролазная. С санитарией тут вообще напряжно: помоев на улице хватает, отчего и запах соответствующий, и насекомые. По загаженным боковым переулкам неспешно и вальяжно прогуливаются жирные крысы. Вот ведь неистребимые твари! Еще в Червленной мне Костылев рассказывал, что после Большой Тьмы кошек и собак в некоторые районы завозить пришлось, как в свое время в Ленинград после снятия блокады. Поели человеки своих четвероногих «братьев меньших». А эти падлы сами плодятся. Ну, и оборванные и грязные донельзя нищие, тоже красоты пейзажу не добавляют и воздух не озонируют.

На улице, кстати, многолюдно и народец бродит самый разный, от вполне благообразных торгашей или мастеровых, до разбойного вида бродяг, в грязных, пыльных, вытертых и выгоревших длиннополых плащах, и при оружии. У многих налицо признаки слабой и средней «лучевки», причем в самом прямом смысле: волос на головах нет совсем, кожа в зарубцевавшихся язвах и струпьях, физиономии темно-бордового, почти свекольного цвета и шелушатся, будто их хозяева под палящим солнышком часиков этак на десять задремали. Красавцы. И главное — их много. Похоже, те, кто составлял аналитическую справку по банде Полковника, в той ее части, что касалась количества его головорезов, здорово промахнулись. Глядя по сторонам, лично у меня складывается впечатление, что шесть-семь сотен стволов — это только личный отряд Полковника, те, что в крепости на территории бывшей военной базы живут. А в городке вокруг — еще примерно столько же, а то и больше. И, кстати, вот как раз вся эта рвань приبلудная по внешнему виду и экипировке здорово напоминает тех гавриков, которых мы в Ольховке уконтрапутили. А что? Не исключаю, что Полковник туда кого-то из этих ухарей и заслал. Там же все на мази было, особых проблем не ждал никто: пограничники на войну укатали, а наличия отмороженного омовского «прапора» со товарищи там и ожидать никто не мог. За что и поплатились. Но сейчас не об этом, а о том, что в случае необходимости Полковник сможет поставить под ружье не неполную тысячу, а примерно две — две с половиной тысячи бойцов. И пусть даже половина из них будет иметь подготовку не лучше чем у ополченцев из Нефтянки, это все рано серьезная разница, из-за которой можно очень крепко просчитаться, например, при подготовке операции по уничтожению здешней бандитской вольницы.

Легенду свою я Полковнику изложил еще в пути, подробно и в красках. Местами специально приврал, кое о чем умолчал, кое-где даже самому себе слегка противоречил. Словом, сделал все, чтобы история выглядела максимально правдоподобной, живой, а не заученной наизусть, ведь никто незнакомому человеку всей правды вот так, с ходу, не выложит. Похоже, тот купился. Хотя, когда имеешь дело с такими как Полковник, сложно сказать что-либо определенное. Но, как бы то ни было, доехали без происшествий. На постой нас разместили в одном из многочисленных постоялых дворов в «посаде», буквально метрах в тридцати от крепостного рва и примерно в сотне от центральных ворот. В саму крепость, понятное дело, не пустили, что неудивительно. Не идиоты же они — пришлых чужаков в самое сердце базы запускать. Ну, а мы ребята не гордые, и снаружи перекантуемся. Сказав на прощание, что подумает по поводу найма моего отряда и, когда примет какое-то решение, пришлет за мной посыльного, Полковник, сопровождаемый своим грохочущим и воняющим выхлопом конвоем, укатил в сторону ворот. А мы остались обживать.

Доставшийся нам в качестве временного пристанища постоялый двор назывался «Одноглазый медведь» и роскошью явно не блистал. Такой, средней руки гадючничек, в

меру грязный, в меру запущенный и не шибко дорогой. Ну, и постояльцы — соответствующие. По всему видно — не «Псарня» и даже не «Роща», тут вещи без присмотра оставлять точно не стоит. Ты и отвернуться-то толком не успеешь, а у них уже быстрые ноги вырастут. Но, судя по уверениям хозяина — неопрятного жирного колобка с несколькими сальными прядями неопределенно-пегого цвета волос, зачесанных вперед в безуспешной попытке спрятать под ними конопатую лысину, из закрытых номеров и оставленных на платной охраняемой стоянке машин, вещи не пропадают. Нью-ню, посмотрим. Если соврал — ему же хуже.

К моему удивлению, думал Полковник недолго, едва за окнами начало смеркаться, как за мной уже примчался посыльный на небольшом, отчаянно тарахтящем двухместном багги. Надо же, какая честь! Тут идти-то метров сто, а за мною транспорт с шофером шлут. Обалдеть! Ну, раз приехал, значит, собираться нужно. Выдвигаться решил налегке. Посреди вражеской военной базы, случись что, меня не то что автомат, но даже и танк не спасет. А значит — нет ни малейшего смысла тащить на себе слишком много — «Кенвуда» и «стечкина» за глаза хватит. Двадцать патронов в пистолете, еще двадцать — в запасном магазине. Застрелиться — за глаза хватит! И нож в кожаных ножнах на поясе — сеппуку⁶⁴ делать... Вот рация — обязательно нужна, без связи никак.

Еще раз напоминаю парням об осторожности. Вроде все правильно, но что-то по сердцу царапнуло. Больно уж нехорошие исторические ассоциации у меня вызывает собственный приказ: «Первыми огня не открывать, на провокации не поддаваться». Но, делать нечего, мы тут не для того, чтобы всех плохишей забороть, а для того, чтобы найти ценную вещь и свалить по тихой грусти. Конечно, имидж крутых парней заработать — тоже дело хорошее, но еще неизвестно, чем именно за этот имидж придется платить и не окажется ли эта цена для нас непомерно высокой.

База, ну, по крайней мере, та ее часть, что я разглядел по дороге, выглядит серьезно. Никакого свинарника, как в «посаде», никаких помоев посреди дороги и снующих крыс. До идеального армейского порядка, правда, тоже далеко: трава не пострижена, бордюры не побелены, но, как мне подсказывает личный опыт, порядок на территории — вовсе не гарантия боеспособности подразделения. Скорее — наоборот. Чем больше времени у солдата уходит на покраску заборов и красивую трассировку песочком тропинок, тем меньше он стреляет, бегает по ОШП и тактическому полю.⁶⁵ А покрашенные, незатертые и необлезлые турники на спортгородке всегда означают одно — на них никто не занимается. Так что, вид у базы Черного Полковника вполне боеспособный. В парке порывает дизелями какая-то невидимая мне из-за высокого забора «броня», видно оживление на штурмполосе, откуда-то издалека слышны азартные вопли и буцающие звуки — похоже, кто-то в свободное время футбольный мяч гоняет. М-да, интересная такая банда. Не хотелось бы мне ее в противниках иметь. Действительно, больше похоже на полнокровный мотострелковый батальон. Один. А второй, кстати, где? Хотя, о чем это я? Второй, наверняка, по опорным пунктам, секретам, патрулям и прочим дозорам службу тащит. А эти, наверное, отдыхающая смена. Да уж, рука грамотного и толкового командира видна сразу. Эх, господин-товарищ полковник, твою бы энергию — да в мирное, ну, или, по крайней мере, в невраждебное нам русло.

Черный Полковник занял под свою резиденцию весь второй этаж бывшего штаба. Обстановка в апартаментах, конечно, не спартанская, но и особой роскоши тоже не заметно. Сразу видно — здешний хозяин в жизни привык довольствоваться малым, хотя и не чужд комфорта. Чем-то его кабинет неуловимо напоминает кабинет турецкого полковника

⁶⁴ Сеппуку — ритуальное самоубийство самураев.

⁶⁵ ОШП — огне-штурмовая полоса, армейская полоса препятствий повышенной сложности для спецподразделений. Тактическое поле (тактический городок) — армейский тренировочный полигон, имитирующий различные типы местности, на которых может вестись бой (городская и сельская застройка, укрепленные позиции и т. д.).

Кылыча в Шарое: большой стол, удобное кресло, ворсистый ковер на полу, коллекция оружия на стене. Только у турка стволов было немного, зато каждый был со своей историей, а тут, похоже, просто богатая коллекция. Все пистолеты, автоматы и винтовки новые или почти новые. Красиво, конечно, не спору. Любой мужик красоту оружия оценит... Но все-таки как-то бездушно, что ли.

Хозяин кабинета уже успел переодеться из полевого хаки в черную форму, которую я без труда опознаю — парадное морпеховское «пэ-ша».⁶⁶ На погонах — два просвета и три звезды. Каперанг. Хотя, стоп, какой на фиг капитан первого ранга? В морской пехоте ж офицерские звания сухопутные, а не флотские. Значит — полковник. Вот, похоже, и второе объяснение прозвища. Вроде как и полковник, но форма флотская, черная. Вот и выходит — «черный полковник». Поведение старого бандита тоже изменилось, он больше не изображает пожилого ехидного хохла. Теперь он сух, деловит и собран, даже неистребимый украинский акцент и тот исчез. С чего бы такие перемены? Немного помолчав, он без обиняков заявляет:

— Я принял решение. Отряд ваш мне подходит, умелые и смелые люди нужны всем.

Потом внимательно смотрит на меня и вкрадчивым голосом продолжает:

— Но есть одна серьезная проблема. Как мне кажется, на южных и юго-западных рубежах ты службу нести, скорее всего, не захочешь?

Ну, надо же, прямо гений прогнозирования, а!

— Вам верно кажется, — соглашаюсь я. — Воевать с югороссами ни я, ни мои люди особого желания не испытываем. Да, нас там считают преступниками и, если уж по правде, то мы ими и являемся... Но защищаться, когда тебя хотят убить, — это одно. Право на самооборону еще никто не отменял. А вот на полноценную войну против своих земляков ни у меня, ни у причин нет...

— Какая у тебя гибкая мораль, Великан, — с нехорошим прищуром смотрит на меня Полковник. — Значит, стрелять в югоросских солдат, которые мешают мародерничать в захваченном турецком банке — это нормально, а вот таких же солдат за мои деньги убивать — уже плохо. Как так? И там, и там — солдаты одинаковые, да и деньги, по большому счету, тоже. Так в чем проблема?

Изобразить замешательство мне совсем не сложно, потому как своим каверзным вопросом старый бандит и впрямь загнал меня в тупик.

— Я не знаю, как это объяснить, но точно знаю, что так оно будет, — упрямо морщу лоб я.

— Интересно, — с непонятной интонацией тянет Полковник. — Очень интересно. Ладно, не буду над тобою издеваться, решение твое мне понятно и давить на тебя я не буду. Я сам офицер, и каково сейчас тебе — примерно представляю.

О, как! А чего это ты вдруг со мною так разоткровенничался-то? Полковник, видимо, истолковывает мой вопросительно-недоверчивый взгляд по-своему.

— Что, не веришь? Думаешь, я просто так, для форсу погоны нацепил? На вот, глянь.

С этими словами он протягивает мне стоящую на столе лицевой стороной к нему фотографию в рамке. На фото — счастливая семья флотского офицера: широкоплечий майор с белозубой улыбкой в парадной форме морского пехотинца: черный китель, наградные планки, овальный «огурец»⁶⁷ на лихо заломленном берете. Рядом с ним — симпатичная молодая женщина с густыми распущенными волосами, и две девчушки лет семи-восьми, близняшки. Левый угол фото сильно обгорел и от изображения одной из девочек остались только голова и часть плеча. Старый снимок, пожелтевший, что не удивительно. Сделайте он

⁶⁶ «Пэ-ша», п/ш — черная полушерстяная парадно-выходная форма морской пехоты.

⁶⁷ «Огурец» — овальная кокарда на берете морского пехотинца. Вообще-то предназначена для матросов и старшин, но часто носится офицерами. А вот матросы — наоборот, носят офицерские. Такое вот флотское фрондерство.

явно за несколько лет до Большой Тьмы. Вон, у Полковника-то всего одна звездочка на погоне, значит, примерно, лет за пять до того, как всему хана пришла.

Внезапно взгляд у моего собеседника меняется. Вроде только что был спокоен, как удав, и вдруг... Сорвало его с нарезки капитально, целую речь мне толкнул про то, какие все-таки сволочи и твари окопались у власти в Югории. Циничные и бессердечные ублюдки, что ради своей безопасности и благополучия хладнокровно убили тысячи своих соотечественников. С пеной у рта орал про сожженные лагеря беженцев, про горящую землю и про лужи кипящей на ней крови.

Мля, я вообще-то крепкий мужик, но что-то многовато на меня за сегодня свалилось, сначала хутор, теперь это... А главное — в голосе Полковника боль. Настоящая, неподдельная. Но в глаза его, горящие безумием и жаждой мести, смотреть просто страшно. Даже у таких твердолобых и толстокожих дуболомов как я есть пределы. Я своего достиг — Полковник меня откровенно пугает. Без дураков, до усрачки.

А тот уже завел себя, как глухарь на току и вещает о том, какая страшная месть ждет этих негодяев, когда он, наконец, найдет то, что ищет. Как они за все заплатят и за все ответят. Ой, мама моя женщина, а ведь он это о нашем изделии П-26/17-бис, которое «Вихрь-2ТМ». Похоже, действительно считает его какой-то «вундервафлей», навряд ли мощной ядерной боеголовки. А увлекся-то как. Мать его так, вылитый доктор Геббельс. Такой же эмоциональный, и такой же больной на всю голову. И такой же опасный.

Интересоваться у оратора, каким вообще образом месть злобным упырям из числа югороссийского руководства относится к убийствам, разбою, изнасилованиям, пыткам и прочим «веселым картинкам», творимым его бандой в приграничных районах, я благоразумно не стал. Уточнять, в курсе ли он, что если искомым им объект — действительно ядерная бомба, то сколько тысяч, или даже десятков тысяч человек погибнет в результате ее применения — тоже. Убедить его у меня все равно не выйдет. Он этот план уже три десятилетия вынашивает, эта месть для него — идея фикс, он только ради нее и живет еще. Так что, максимум чего я добьюсь — попаду под горячее копыто, да пристрелит он меня, прямо тут, в кабинете, как говорится — не отходя от кассы. А мне, между прочим, еще приказ выполнять и людей своих отсюда выводить. Причем желательно всех и живыми-здоровыми. Так что, уж лучше посидеть и послушать, изо всех сил изображая неподдельный интерес, а местами и горячее согласие.

Полковника вдруг резко отпускает. Разом. Он внезапно замолкает на полуслове и несколько секунд сидит неподвижно, глядя в одну точку прямо перед собой. Потом, словно очнувшись, слегка встряхивает головой и совершенно спокойным голосом продолжает разговор о возможном найме моего отряда. Вот же ж мать твою! Доводилось мне слышать, что такие перепады настроения у разного рода шизиков — дело обычное, но вот вживую увидел в первый раз. И, если начистоту, то вполне мог бы и обойтись. Но — оклемался, и слава богу, в таком состоянии с ним хоть нормальное общение возможно. Оговариваем круг наших будущих обязанностей, задачи, торгуемся по поводу цены. Нормальная рабочая обстановка. Вот только не отпускает меня мысль, что Полковник разговор умышленно затягивает, словно ждет чего-то. Не нравится мне это, ох как не нравится. Неужто старый бандит нам какую-то подлянку задумал? Не успела эта «оптимистическая» мысль промелькнуть в моем мозгу, как лежащая во внутреннем кармане куртки рация разразилась отчаянной и злой матерной тирадой в исполнении Курсанта, а где-то в стороне «Одноглазого медведя» вспыхивает плотная автоматная пальба. Опять накаркал, мля!

Эх, все-таки зря командир автомат с собой не взял! Сам Володя в таком местечке с одним пистолетом, даже если это двадцатизарядный АПС, гулять ни за что бы не решился. Миша же, отчаянная душа, с невозмутимым и даже беспечным видом поправил набедренную кобуру, засунул за отворот куртки радиостанцию, дал команду обживать «Медведя», а потом скомандовал что-то из серии: «Первыми никого не обижать, по огородам и сараям не шарить, млеко-курки-ййки у бабок не отнимать и вообще вести себя прилично» — и уехал в

сторону ворот базы на двухместном трескучем тарантасе. Железный дядька! Все ему нипочем: отряд влез в логово самой опасной банды бредунов на всех Северных Границах, а он командует, будто из Большой Ивановки не уезжал. Где ж таких как он делают? Или он как Рыжий, который однажды о самом себе в шутку сказал: «Я — эксклюзивная модель ручной сборки, серийно никогда не выпускавшаяся. Таких больше не делают». Видно, Тюкалов тоже из таких, эксклюзивно-несерийных.

Вещи по комнатам постоянного двора растащили быстро, благо, опыта уже набрались. В «Роще» когда туда-сюда свои пожитки таскали. Машины и «броню» загнали на стоянку и выставили возле них свой пост охранения. Нанятый за деньги сторож — это хорошо, но свой часовой как-то надежнее. Взявший в отсутствие командира командование на себя Курсант с радиометром в руках лично проверил всю технику, потом проверил у всех показания личных измерителей дозы и только после этого дал команду: «Разойдись. По личному плану». Чудные они все-таки, эти военные. Какой-такой личный план? Сказал бы просто: «Занимайтесь своими делами». Хотя, звучит, конечно, солидно и многозначительно, спору нет.

Кто из наемников первым предложил заглянуть в носящий жуть какое оригинальное название «Рюмочная» кабак через дорогу, Володя не видел. Чем именно он предложившего заинтересовал, тоже непонятно — обычная дыра с мутным самогоном, кислым, внешне похожим на недобродившую брагу, пойлом, не ясно с какого перепугу гордо именуемым пивом, средней паршивости закуской. Короче, обычный кабак в не очень-то надежном местечке в Пустоши. Такой же, как и их «Одноглазый медведь», ничуть не лучше. Но идея получила одобрение и сразу три тройки не спеша направились на ту сторону улицы и скрылись за широкой скрипучей дверью. Правда, пробыли там недолго, буквально через пару минут дверь снова взвизгнула ржавыми петлями и парни начали выходить наружу.

— Вы чего это так быстро? — хохотнул было Толя, но, увидев выражение лиц выходящих резко осекся и посерьезнел. — Что там?

— Ай, да ну их в баню! — вяло отмахнулся шедший первым Акимушкин и сплюнул себе под ноги. — Тоже мне, «ирои асфальту». Да пусть сами свои помои лакают, не очень-то и хотелось!

Сразу несколько голосов его поддерживают. Так, похоже, местные с новичками повели себя по-хамски. Странно, с чего бы вдруг? Нет, народ тут гуртуется разный и с хорошими манерами у большинства — серьезная напряженка, Володя во время ходок таких мест видал много. Но одно дело — задирать пару нездешних ходоков, и совсем другое — в открытую хамить бойцам явно сильного вооруженного отряда. Что-то тут не так! Курсант тоже явно почувствовал неправильность происходящего. Он даже набрал в грудь побольше воздуха, собираясь что-то скомандовать. Вот только гаркнуть Толя ничего не успел. Потому что в этот самый момент из открытой двери кабака в спину уходящим наемникам раздается выстрел.

Еще не успев осознать головой, что же именно случилось, Володя кубарем катится по земле в сторону пусть и загаженного, но вполне подходящего на роль укрытия кювета. Руки уже сами нашли предохранитель, а патрон у него и без того в патроннике. Нет, все-таки опыт и тренировки — великое дело! Наемники явно не зря едят свой хлеб и готовы это доказать кому и когда угодно. Сам ходок свой АК-74 еще на уровень глаз вскинуть не успел, а вокруг уже всюду грохочут очереди и скачут по земле стреляные гильзы, а в фасад «дружелюбного» заведения хлещут, выбивая кирпичное крошево и острую деревянную щепу, злые свинцовые струи. Прежде чем вдавить спусковой крючок, Володя успевает заметить лежащую посреди улицы лицом вниз неподвижную фигуру в выгоревшей оливковой «горке» и перекошенное лицо Курсанта, что-то отрывисто рычащего в радиостанцию.

Когда до меня дошло, что именно передает Толик, то первая реакция была совершенно произвольной — душу из старого мухомора встряхну! Прямо сейчас через стол перегнусь, возьму за горло и кадык вырву! Но бандит к чему-то подобному явно был готов, что

неудивительно. Зря он, что ли, время тянул, разговор затягивал. Точно, мля, его сучьих рук дело. Потому он, предугадав мое намерение, довольно резво ушел в сторону, зато у меня за спиной, словно из воздуха, возникли две уже знакомые рожи с автоматами на изготовку. О, какие шустрые! Ведь еще несколько секунд назад их даже в комнате не было, а уже тут как тут. Какие б тренированные ни были, один черт, в такой готовности долго находиться невозможно. Значит, знали чего ждать и были готовы. Нью-нью, товарищ полковник, решили нас «на слабо» проверить? Напрасно, ой напрасно. Мы ж ребята не злопамятные — отомстим и сразу забудем.

— Тащ полковник, — преувеличенно спокойным тоном говорю ему я. — Вы б убрали эту «сладкую парочку» у меня из-за спины. Доктора нынче дорогие и лечить их обоих вам долго придется.

Понятия не имею, успею ли на самом деле сделать хоть что-то до того, как они меня свинцом нафаршируют, но, если он сейчас за ум не возьмется — придется проверять.

— Я говорю, пусть эти два клоуна пушки опустят, а то у обоих прямо сейчас острое свинцовое отравление приключится. Пуля в брюхе — очень вредно для пищеварения.

Ага, угадал! Не знаю, поверил ли Полковник в то, что я в состоянии свою угрозу осуществить, но спокойный голос и уверенный, не терпящий возражений тон явно оценил. Коротким жестом отпустил обоих «телков» и снова уселся в свое кресло. Что, расслабился уже? Напрасно! При первой же возможности я тебе эту ситуацию еще припомню. Кровью, падла, умоешься!

— Скажи своим людям — пусть прекратят стрельбу, это случайность, и мы все пока еще можем исправить.

— Толстячок, Великану.

— На связи, — голос Толи аж звенит от напряжения.

— Кто?

— Аким. В спину, суки. Остывает.

— Прекратить стрельбу. Здешний старший говорит — войны не будет. Это ошибка.

— Ни хрена себе ошибка! — если б Толя мог, он, наверное, меня сейчас за грудки тряс. — Они убили нашего человека!!!

— Я сказал прекратить стрельбу, боец! А со стрелком — разберемся. Я не я буду. Все, отбой.

— Принял, — глухо буркнул в ответ Курсант и канонада за окном стихла.

Я поднимаю взгляд на Полковника. Мне очень хреново. Серега был отличным парнем, мало того — он первый мой подчиненный, погибший за то время, что я команду отрядом. И при каких бы обстоятельствах это ни случилось — виноват все равно я. Не доглядел, недооценил, неправильно рассчитал и спланировал. На душе горько и мерзко, но, раз уж начал партию, нужно играть до конца. Победного конца, а иначе смерть Акима окажется напрасной. А вот роскоши гробить своих ребят просто так я себе точно позволить не могу.

— Это и есть обещанная вами безопасность? Моему человеку выстрелили в спину в вашем городе. Он никого не провоцировал, я в этом уверен. Мои подчиненные приказы выполняют. А ваши?

Полковник уже явно осознал, что самому себе подготовил ловушку. Наобещал с три короба, а теперь выходит — «за базар не ответил». Тем унизительнее для него тот факт, что мои подчиненные по первому же приказу прекратили стрельбу, несмотря на то что это на них напали, а они оборонялись. Интересно, как он теперь выкручиваться будет?

— Это точно не мой человек, — прочистив горло говорит он. — Мои люди сейчас возьмут ситуацию под контроль. Обещаю — твоим бойцам ничто не угрожает.

Ну, разумеется, теперь уже не угрожает. Проверку ты, гнида старая, уже провел, теперь результаты обдумываешь. В самом деле, не затем же он нас сюда притащил, чтобы придавить втихаря. Если б хотел — так еще на поляне перед Нефтянкой в блин раскатали бы.

Против пяти КПВТ и двух «Громов»⁶⁸ наших силенок явно бы не хватило. Даже огрызнуться толком не успели б. Так что, это всего лишь «проверка на вшивость». Как себя поведем, не прогнемся ли? Вполне, кстати, в духе здешних мест, где ни свою, ни чужую жизнь в грош не ставят, проверочка. Ладно, хотел поглядеть, что я делать буду? Да ради бога, гляди!

— Мне кое-что нужно...

— Что именно? — голос у Полковника по-прежнему спокойный, но в глазах разгорается ехидный огонек.

Наверное, думает, пень старый, что я сейчас компенсацию за убитого требовать начну. И начну! Только в лучших традициях времен до Русской Правды,⁶⁹ когда за кровь виры⁷⁰ золотом не брали и расплатиться убийца мог только собственной жизнью.

— Мне нужна голова того ублюдка, что выстрелил в спину моему человеку.

Что, не ожидал, козел?! Думал, я себе сейчас что-нибудь выторговывать начну? Угу, щаз, два раза, шнурочки вот только поглажу!

— Слушай, наемник, — все-таки волк он старый, опытный, его так просто не возьмешь, — тут тебе не Югороссия, судов и прокуроров нету...

— А кто сказал, что мне нужен прокурор? — ледяным тоном обрываю я его. — Мне нужна его башка.

Полковник явно озадачен.

— По нашим законам, если у двоих друг к другу какие-то претензии, они выясняют их между собой. Сами. В вашем случае вполне допустима дуэль.

— Нормально. Ну, тогда я пошел, у меня тут дельце одно нарисовалось. Надо кое-кому бестолковку оторвать.

— На чем драться будешь?

Что, интересно стало, старый хрыч? Нью-нью, дальше еще интереснее будет.

— На ножах.

Ситуация перед «Одноглазым медведем» здорово напоминает этакий «слоеный пирог». Мои парни стоят, чуть ли не в пехотном каре в лучших традициях какого-нибудь 1812 года, с одной стороны блокируют выходы из «Рюмочной» и, одновременно, прикрывают свои же тылы. А вокруг, перекрыв в обоих направлениях улицу, заняли позиции люди Полковника, блокируя уже моих. И у всех настроение паршивое, нервы на пределе и пальцы на спусковых крючках затекли. Кроме Акима, похоже, больше никого не убили и даже не ранили, хотя, за состояние посетителей «Рюмочной» поручиться не могу — фасад у дома весь пулями изгрызен, ни одного целого окна, от некогда крепкой двери какое-то решето на двух петлях осталось. Короче, полыхнуть снова может в любую секунду.

Я выпрыгиваю из только-только начавшего притормаживать «Комбата» на ходу и с каменным лицом иду к своим. Напролом, прямо сквозь оцепление бредунов. Кто с дороги отпрыгнуть не успеет — пусть на себя пеняет. Но те явно хорошо разглядели и машину, на которой я приехал, и Черного Полковника, выбирающегося из внедорожника следом за мной. Так что под ноги никто не попался, расступились, образовав широкий коридор. Мимо своих тоже прохожу не останавливаясь, лишь хмуро киваю головой, мол, сейчас разберусь. Возле тела Сереги на несколько секунд присаживаюсь на корточки. Разглядываю пробитую пулей чуть ниже левой лопатки спину, натекшую в пыль лужу густой, почти черной крови,

⁶⁸ «Гром» — полуавтоматическая 73-мм гладкоствольная пушка 2А28 «Гром». Именно ею вооружена БМП-1.

⁶⁹ Русская Правда — первый письменный свод древнерусских законов.

⁷⁰ Вира — определенная Русской Правдой мера денежного возмещения, своего рода штраф, за убийство.

уже выющихся вокруг омерзительных жирных зеленых помойных мух. Мне это сейчас необходимо. Я заряжаюсь ненавистью.

Ненависть бывает разной. Одна — ярко-алая и обжигающе горячая. Она смертельно опасна: застилает глаза, туманит рассудок, заставляет терять контроль над ситуацией и над своими действиями. Все это ведет к гибели. Не всегда: если противник заведомо слабее — ты, скорее всего, победишь. Но если столкнешься с хотя бы равным по силе — ты однозначно труп. Вторая — бело-голубая и холодная, словно жидкий азот. Она как будто вымораживает из головы все лишнее, мешающие сосредоточиться мысли, оставляя на их месте лишь морозную, звенящую пустоту. Слух, зрение, обоняние, все чувства в этот момент словно обостряются, мир вокруг приобретает удивительную резкость, а тело становится почти невесомым. Такая в бою — серьезное подспорье. Вся закавыка в том, что нужно научиться в зародыше давить первую и, в случае необходимости, вызывать в себе вторую. Прости меня, Серега! Тебе, брат, уже все равно, а мне сейчас обязательно нужно победить.

— Эй, внутри, — вокруг тихо и мой голос наверняка отлично слышен в «Рюмочной». — Если тот, кто выстрелил в спину моему человеку, считает себя мужчиной — пусть выходит. Черный Полковник сказал, что я могу требовать дуэли и выбрать оружие. Так вот, я требую: бери свой нож, трусливая погань, и выходи сюда, убивать тебя буду. Остальных не трону, слово даю. Но если никто не выйдет, решу, что вы прячете убийцу, и заровняю ваш шалман под танцплощадку, вместе с вами со всеми. И никто мне слова не скажет, я сейчас в своем праве. Даю пять минут, время пошло.

В рядах бредунов заметно оживление: мало того, что война явно отменяется — раз Полковник приехал, то наверняка все уладит, так еще и развлечение намечается. Со времен Древнего Рима в этом вопросе человеческая натура ничуть не изменилась — на гладиаторские бои зрители найдутся всегда.

Минуты примерно через три из дверей «Рюмочной» выходит, поигрывая длинным, примерно в полторы ладони, и явно острым клинком, мой противник. Не знаю, действительно ли он стрелял в Акима или народ в кабаке выбрал из своих рядов самого умелого в обращении с ножом. Мне наплевать. Нужно преподать бредунам урок, доходчиво объяснить, что любая попытка не по делу наехать на моих людей будет иметь для наехавшего самые печальные последствия. Причем урок должен быть очень наглядным, чтобы впечатлились и надолго запомнили. Ну, а кто из них будет в этом спектакле двух актеров играть роль моей «несчастной жертвы» — мне глубоко наплевать.

Отцепляя от бедра кобуру с пистолетом, внимательно оглядываю соперника. Хорош! Высокий, широкоплечий, хорошо сложенный, нос сломан, длинные волосы собраны сзади в хвост, но главное — взгляд умный. Это плохо, умный противник всегда опаснее. Моложе меня лет на десять, двадцать пять — двадцать шесть, вряд ли больше, и килограммов на двадцать легче, значит — быстрее, подвижнее и выносливее. С другой стороны, я с ним не в салочки играть собираюсь и не наперегонки бегать. Парень уже начал плавно кружить вокруг меня, щеря в улыбке явно ни разу за всю жизнь не чищенные зубы. У-у-у-у, паря, да ты пижон! Ладно широкие замахи и приглашающие жесты, понтуется мальчуган, на публику работает, бывает. Но вот чего-чего, а крутить нож в пальцах и из руки в руку перебрасывать — не стоит. Профи так не делают. Отсюда вывод — дилетант. Умелый, явно небесталанный и опытный, но — любитель. Тем проще.

Тяну из ножен свой старый трофейный ухорез, доставшийся мне «в наследство» от убитого чеченского боевика еще в прошлой жизни — во время второй кампании. Бредун презрительно кривит губы. Ну да, его «зубочистка» сантиметров на десять длиннее. Эх, сопля ты зеленая, не успел ты видно узнать, что Фрейд был не прав и размер — далеко не всегда самое главное. А теперь уже и не успеешь...

Так, паренек продолжает нарезать вокруг меня. Хорошо двигается, подлец! Прямо Мохаммед Али: «Порхать как бабочка, жалить как пчела». Но мне эти «танцы с саблями» не интересны, я хоть и хочу впечатление произвести, но совсем другим способом.

— Ну, и какого хера ты вокруг меня пляшешь как девочка?! Драться-то будем, клоун?!!

Мой рык, наверное, даже в крепости Полковника услышали. В толпе зрителей послышались смешки. Есть! У бредуна от злости аж лицо перекосило и он, выкрикнув что-то экспрессивно-матерное ломанулся в атаку. Нью-ню, сынок, давай! У меня за плечами — полтора десятилетия службы в далеко не самом слабом спецподразделении МВД, до этого — два года в войсковой разведке, а еще раньше — детско-юношеская спортивная школа. Для меня почти всю сознательную часть жизни заниматься самбо было так же естественно, как есть или дышать. А ты в меня своей железкой тыкать... Наивный, как чукотская девушка, ей-богу.

Один замах, второй, я отпрянул назад. Бредун перебросил нож в другую руку и ударил слева и снизу — уклоняюсь. Шустрый, гад, чуть не задел, но мне на этот счет один золотушный шкет по прозвищу Трепа еще в прошлом сентябре в Червленной урок преподавал. Второй раз я на этот подленький прием не куплюсь. Ага, вот оно! Классический, словно на занятиях по рукопашке в спортзале родного Отряда, удар ножом правой рукой сверху. Роняю свой, так и не пригодившийся в этом бою нож на землю, а дальше все как в учебнике: жесткий блок снизу, обеими руками захват его запястья и одновременно расслабляющий стопой в колено. Судя по звуку — нормально получилось, может, и не сломал, но уж точно повредил, очень уж хорошо хрустнуло. Запястье, предплечье и локоть доворачиваю по часовой стрелке, а сам в этот момент смещаюсь буквально на полшага вперед и влево. Одновременно чуть присаживаюсь и давлю своей левой рукой ему на локоть и нажимаю на кисть. Стандартный милицкий прием, взял нападающего на болевой, причем сразу на двойной — в локте и в кисти. Нож бредуна, негромко звякнув о какой-то камешек, выпадает в пыль. По идее, будь все это на тренировке или задерживай я где-нибудь подвыпившего дебошира — сейчас самое время переходить на задержание и конвоирование. Только вот обстановка немного другая и я, продолжая крепко прижимать его локоть к своему бедру, резко рву его руку вверх. Громкий вопль взывшего от боли бредуна заглушает треск ломающегося локтевого сустава и хруст разрываемых сухожилий. Так, похоже, «клиент» от боли сознание потерял. Ничего, сейчас мы тебя в чувство приведем. Бросаю вырубившегося бредуна на землю и беру на излом его левую руку. Снова хруст, снова треск, снова дикий, полный боли отчаянный вопль. Вокруг — тишина, собравшиеся вокруг бандиты затаив дыхание смотрят за боем... Ай, кого я обманываю! За избиением. У этого хвостатого изначально шансов не было, он сам подписал себе смертный приговор в тот момент, когда направил ствол в спину уходящему Акиму.

А бредуны молчат. Вряд ли причиной тишины служит жестокость расправы, к жестокости тут все привыкли с малых лет. Но вот скорость... А вы думали? Это только в кино главный герой и главный гад по полчаса прыгают, словно обезьяны и бодро вскакивают после ударов, способных отправить в нокаут динозавра. В реальной жизни поединок продолжается долго только в двух случаях: либо на ринге или татами, где участники жестко ограничены правилами и для них важно не только победить, но и набрать при этом как можно больше очков, либо — если оба противника ни черта не умеют. Если бьются насмерть два просто понимающих в вопросе человека, я уж не говорю о настоящих профессионалах, то бой их продолжается считанные секунды: один делает ошибку, а второй, воспользовавшись ею, первого убивает. Все. И никаких прыжков и идиотских воплей, никаких сальто назад и прочей красивой, но не применимой в бою дребедени. Совершенно не эффектно, зато предельно эффективно.

Противник мой уже не орет, а хрипит. Видать, больно ему, как бы от болевого шока не загнулся, у меня на него другие планы. Пальцами правой руки крепко обхватываю подбородок бредуна, на левую наматываю его хвост. Резкий рывок по часовой стрелке и немного вверх. Трещат перекрученные и сломанные позвонки шеи. Ноги хвостатого еще пару секунд конвульсивно скребут по земле и замирают. И бредуны Полковника, и мои парни по-прежнему смотрят на происходящее тихо, не проронив ни звука. Такое им видеть приходится не часто. Ничего, шоу еще не закончено. Подбираю с земли нож и начинаю нарочито неторопливо отрезать покойнику голову. Чувствую, как меня начинает мутить.

После сегодняшнего утра блевать уже просто нечем, но это не важно. Главное сейчас — сохранить каменную невозмутимость на лице. Если покажем слабость — от нас не отстанут. Тут уважают только тех, кто заставил всех вокруг себя бояться. И моя задача — вызвать сейчас в них этот страх. Ну, что, вам всем хорошо видно и слышно? Я — отмороженное сумасшедшее чудовище. Страшнее меня ничего на свете быть просто не может. И уж лучше самому себе прострелить голову, чем попадать в число моих врагов. Чтобы бредуны в это поверили, я сам должен в это поверить. Вот и приходится. Когда я, обтерев нож о штанину убитого, встаю и неспешной походкой направляюсь к входу в «Медведя», покачивая отрезанной головой, которую продолжаю удерживать за хвост, сзади раздается спокойный, даже немного насмешливый голос Черного Полковника.

— Эй, а голова-то тебе на хера?

Снова придаю своей физиономии спокойное и мрачное выражение и оборачиваюсь.

— Голова? Пиалу себе из нее сделаю, чай пить. Или засушу, как гербарий, и на стенку приколочу. Законный трофей, мля. А может — и вовсе в выгребной яме утоплю. Это уже никого не касается.

Так, теперь главное — дойти сначала до двери, потом до лестницы, а уж после — до своей комнаты. Там — помойное ведро, в которое можно долго и с наслаждением блевать. И никто этого не увидит.

— Толя, ерш твою налево! Ну, какого рожна ты опять ко мне в таком виде приперся? Предупреждаю на полном серьезе — если результатов нету, будешь тут влажную уборку делать. Задолбался я уже за тобою грязь и тину выметать!

Зарядившие последние несколько дней дожди превратили процесс поисков в прогулки по болоту. Угу, мля, Шерлок Холмс и доктор Ватсон посреди Гримпенской трясины. Разве что собаки Баскервелей не хватает.

Судя по унылому виду Курсанта — результатов снова нет. И почему меня это не удивляет? Но на всякий случай решаю все же уточнить.

— Есть хоть что-то?

Тот молча мотает головой. Понятно...

— Раз так, дуй за шваброй и тряпкой. Я тебя, развиздя, позавчера предупреждал? Предупреждал... А ты мне опять весь пол глиной и ряской уляпал. Вот и мой теперь.

Тяжко вздохнув, будто фамильное привидение какого-нибудь замка, мой напарник, роняя с плаща на пол тяжелые грязные капли, утопал в сторону чулана, где у нас хранился уборочный инвентарь.

Откуда у нас взялся чулан? Ууу, да у нас за последнее время чего только не взялось! Барак-казарма в Нефтянке, право на бесплатную заправку внедорожников и «брони» на здешней заправочной станции, правда, по совершенно скупердайскому лимиту, а все, что свыше него — за свои кровные. Плюс — бесплатная кормежка в столовке. Готовили там, кстати, так себе, точно не «Псарня», но пока, вроде, никто не отравился, так что жаловаться не на что. А ко всему этому прилагались неплохое даже по меркам Терского Фронта жалование и весьма широкий круг задач, нарезанных нам щедрой рукою Черного Полковника. Когда успели? Хм, за те полтора месяца, что мы тут обретаемся, успеть можно было и побольше. Собственно, мы и успели: перебили две разведывательные группы, а может, просто маленькие банды, не успели выяснить точнее, те сразу стрелять начали, выродней с северо-востока, помогли провести через земли Полковника большой транзитный торговый караван, что шел из-под Магнитогорска на Тамбов, а оттуда на Тверь и Псков. Сопроводили три местечкового значения конвоев помельче. И это не считая простых патрулирований местности, не давших особых результатов. Неплохо поработали. А вот к цели операции не приблизились ни на шаг.

Первые пару дней после гибели Акима нас никто не беспокоил. Бредуны из «посада» обходили «Одноглазого медведя» по приличной дуге, а Полковник сделал вид, что проявляет тактичность. Да и черт бы с ним! У нас и без того было чем заняться.

Место под могилу для Сергея мы нашли хорошее: тут вообще много красивых невысоких гор, некогда поросших лесом. Лес, похоже, капитально выгорел еще в самом начале Большой Тьмы. Где-то он уже вовсю разросся заново, а вот кое-где так и остались поросшие только травой поляны. Одну такую, окруженную молодыми стройными соснами и расположенную на самой верхушке то ли высокого каменистого холма, то ли низкой горы, мы и выбрали. Вид тут очень красивый, особенно на рассвете, когда солнце встает. Вокруг — тишина, покой, птицы в небе щебечут. Всяко лучше, чем на неухоженном погосте возле Рощинского.

Могилу выкопали глубокую, опустили в нее завернутое в плотное полотно тело, кинули по горсти земли. Потом утрамбованный холм обложили камнями и поставили заранее заказанный в плотницкой мастерской крест. Трижды пальнули в воздух, распугивая птиц и мелкую живность. Спи спокойно, Серега, земля тебе пухом.

Разумеется, никакого трофея я из головы делать не стал, просто выкинул в здоровенную помойную яму за городской чертой. Сначала хотел в сортире утопить, но потом решил, что там и без того слишком мерзко воняет.

А уже на следующее после похорон Акимушкина утро, меня снова пригласили в крепость. На этот раз Полковник долго вокруг да около бродить не стал и, сделав вид, будто ничего не произошло, сразу начал с предложения. Деньги обещал не заоблачные, но вполне приличные, хотя и фронт работ за них нарезал впечатляющий. Но я чего-то подобного ожидал. Если платишь кому-то деньги, то нужно постараться за отданную тобою сумму поиметь с нанятого как можно больше. Привычный, в общем-то, подход. Немного жлобский, но привычный. На Терском Фронте тоже далеко не все купчики были миллионерами-меценатами и тоже деньгу свою до последней копейки считали. Короче, подрядили нас для защиты Нефтянки и мелких хуторов вокруг нее от нападений, вроде того, что мы уже видели. Похоже, Полковник хоть и психопат, но не идиот и важность роли крестьян в своем бандитском «княжестве» понимает отлично. Но при этом сильным желанием раздвигать свои силы по небольшим опорным пунктам, заставам и мелким гарнизонам — явно не горит. Так что мы для него сейчас очень даже в тему пришли. Правда, выглядели мы слишком уж независимо, вот и решил он с нас спесь сбить, заодно и проверив, какотреагируем, не прогнемся ли, не сдадим ли назад пятками. Обломился. Разумеется, о том, что все происшедшее — его задумка он никогда не признается и будет с самым честным видом утверждать, что это досадная случайность и пьяная дурость одного сильно пьяного, и оттого слишком борзого бредуна из числа «посадских». Ну, конечно, так мы в этот бред и поверили! Нет, не скажу, что приبلудные Полковника бояться до мокрых штанов и от одного его грозного взгляда в обмороки падают. Но он на этой земле — полновластный и сильный хозяин. И без его ведома, а то и прямого приказа никто подобную хрень отмочить просто не решился бы. Кишка тонка! Да и по приказу вряд ли очередь из желающих выстроилась. По всем понятиям убитый конкретно накосячил, по беспределу сработав, это даже сами бредуны признали. Так что, есть у меня подозрение, что хвостатый на должность добровольца был банально назначен, может даже, в наказание за какой-нибудь прежний «залет». Карточный долг, например, отработывал или еще что-нибудь в этом духе.

Теперь же Полковник просто в глухой отказ ушел, мол, я — не я и лошадь не моя. Мои люди тут ни при чем, а за поступки пьяных залетных отморозков я отвечать не собираюсь. Мало того, я еще и работу вам предлагаю. Нью-ню, работодатель хренов! С каким удовольствием я свернул бы шею не тому молодому дураку из «Рюмочной», а тебе. Но приказ есть приказ, его нужно выполнять. А для этого необходимо тут легализоваться и получить законное право кататься по окрестностям. Значит — будем работать. А что до Полковника — дай-то бог, подвернется случай, найдется мне о чем с ним поговорить!

Под базу нам выделили какой-то небольшой барак с небольшим двориком, обнесенный забором из бетонных плит. Внутри — длинная «взлетка», словно в армейской казарме и, за небольшой, явно совсем недавно сделанной перегородкой — маленькая комнатуха для меня. Душ — большая черного цвета бочка на крыше, от которой вниз, сквозь «специально

обученные» отверстия, в помывочную идут три резиновых шланга, на которых болтаются насадки, вроде как у садовых леек. Прочие удобства вообще во дворе. Ничего, видали мы лилипутов и покрупнее, в смысле, местечки и похуже. В том же Шарое в самом начале, помнится, до того, как жилые модули-вагончики собрали, жили в обычных армейских палатках на сорок человек. В самом начале марта, в горах, на высоте в три тысячи метров и практически без дров. Да что дрова! Там порой такой силы ветер поднимался, что «запарусившие» палатки едва в ущелье не сносило вместе со всем содержимым, включая нас. Помню, посреди ночи по три-четыре часа, словно обезьяны, на центральных кольях висели. Держали, чтоб не сломались, и палатка не сложилась прямо на нас и по ветру за собой в пропасть не утянула. А тут — четыре кирпичные стены, крыша из старого, густо поросшего зелено-буро-рыжим мхом шифера. Чем не «Хилтон»?

И, хотя работы нам подкинули много, наконец-то появилась реальная возможность прокатиться в Самару, причем — совершенно официально. Рекогносцировка на местности. И что, что не наша зона ответственности? Вон, разрушенный почти до основания в первый же день войны Чапаевск — тоже не наша, но и туда катались. А то, мало ли куда за выроднями гнаться придется, и то, как попали в незнакомые места, так сразу и бросать погоню? Нет, продолжать нужно, уйдут ведь. А как, если местности не знаешь и из-за этого в засаду влететь сможешь запросто? Значит — местность нужно знать. Вполне логичное обоснование. Одно плохо — пропадает оно впустую. Результатов нет.

Первая поездка в Самару произвела на меня тягостное впечатление. Городу сильно досталось — это видно было сразу. Говорят, в первый же день войны американцы целенаправленно били по каскаду волжских плотин, не без оснований надеясь на то, что двадцатиметровая волна, образовавшаяся при их прорыве, натворит вдоль берегов реки дел ничуть не меньше, чем цунами, которое чуть не весь прибрежный Таиланд в свое время смыло. К счастью, что-то у янки не заладилось, может, ракеты их хваленые оказались не такими уж высокоточными, а может, слухи о том, что российские войска ПВО уже ни на что не годны, оказались несколько преувеличенными. Короче, последствия оказались гораздо менее катастрофическими, чем предполагалось. Хотя... Нет, в теории я понимаю, что могло бы быть и хуже, но, глядя на сильно заболоченную низину, из которой то тут, то там большими грязными кочками торчали груды бетонных плит, бывших раньше высотными домами, с трудом могу себе представить, как это самое «еще хуже» могло выглядеть на практике. Тут и так полная задница. По всей бывшей прибрежной линии — либо сплошной завал из обломков бетона и кирпича, либо болото, ни одного целого здания, только знаменитая некогда самарская Ладя, непонятно по какой прихоти судьбы, устояла. Выглядит, конечно, совсем не так нарядно, как на старых фотографиях. От былой белоснежности и следа не осталось, повсюду зияют провалы и прорехи, торчат из осыпавшегося бетона ржавые и корявые арматурины. Удручающее зрелище. А ведь нам через все это безобразие до комплекса «Прогресс» на улице Земеца пробираться. Через весь город, практически. Почему такой крюк даем? Ну, да, через Черноречье, конечно, ближе. По карте. А на деле там, где раньше протекал приток Волги, речушка Самарка теперь такая топь, что даже со стороны смотреть страшно: огромное озеро жидкой грязи, густо заросшее всякой неестественно яркой и крупной болотной травой-муравой. Да в добавок ко всему при приближении к этой трясине установленный на «коробочке» радиометр вдруг начал нечасто, но размеренно потрескивать, постепенно учащаясь по мере приближения. Да ну их к черту, такие приколы, нам только дозу облучения ухватить не хватает, для полного-то счастья. Так что, по сравнению с короткой дорогой волжский берег, по которому мы сейчас пробираемся — можно сказать, шоссе. Автобан, мать его. Угу, по которому БТР-80 с трудом ползет, с натугой проворачивая свои большие, облепленные грязью колеса. Хорошо я внедорожники приказал не брать, прямо как почувствовал, а то утопили бы их по незнанию ландшафта и рельефа в какой-нибудь неудачно под колеса подвернувшейся яме. А «восьмидесятке»-то что, она плавающая.

Чем дальше мы отъезжали от берега и поднимались выше, тем суше становилась земля

под колесами, а развалины перестали быть похожими на старые кучи строительного мусора. Сперва стали появляться отдельные устоявшие стены, потом — сильно разрушенные, без крыш и этажных перекрытий, но все же коробки домов. Еще выше дома выглядели уже относительно целыми, правда, с огромными проломами в стенах и крышах, с торчащими стропилами и зияющими чернотой провалами окон без стекол, буквально заросшие плесенью от сырости. На одном из таких домов, кирпичной двухэтажке явно еще дореволюционной постройки, мы даже обнаружили не совсем сгнивший и даже читаемый указатель, благодаря которому выяснили — мы сейчас на улице Юрия Гагарина. Сверились с древним атласом автодорог, выяснили, что почти половину пути одолели, а заодно определили примерное направление дальнейшего движения. Ненавижу эти штатские недокарты! Ничего по ним определить нельзя, все там перевернуто, и углы пересечения улиц, и точная привязка к сторонам света, и даже расстояния. Все от врагов секретились, блин. Только страдали почему-то исключительно свои. Эх, сейчас бы достать где-нибудь нормальную армейскую «пятисотметровку»,⁷¹ вот это был бы праздник. Но, нельзя. Потому как по легенде нас сюда занесло случайно. А раз так, откуда тогда может взяться крупномасштабная карта именно этого района? Тоже случайно в вещах завалялась? Угу, «в кустах совершенно случайно оказался концертный рояль». Лично я в такое совпадение не поверил бы. Значит, и Полковник не поверит, он мало того, что умный и хитрый старый пердун, так вдобавок еще и параноик. Нет, даже и пытаться не стоит, лучше потерпеть.

Вдобавок к выкрутасам карты, едва мы добрались до района промзон, как снова началась полоса сплошных руин и разрушений, только на этот раз не вода была их причиной. Тут поработал огонь: местами кирпич стен не просто обуглился до черноты, но и оплавился, образовав застывшие потеки. Причина пожаров тоже видна была сразу — здоровенные воронки от ракетного обстрела с чем-то перепутать сложно. Похоже, не обошлось тут без наших заокеанских «заклятых друзей». Одно хорошо — били чем-то мощным и высокоточным, но не ядерным. Радиометры показывали вполне допустимый, по здешним местам, разумеется, уровень радиации. Посреди всех этих развалин, да еще и не имея нормальной топографической привязки, мы чуть было не заплутали. Трижды начинали осматривать какие-то сооружения, и уже в процессе понимали, что ошиблись адресом. На дворе, меж тем, вечерет, а нам еще назад в Нефтянку отсюда выбираться.

— Как думаешь, Миш, на этот раз не промахнулись? — Курсант с подозрением смотрит на очередной полузавалившийся бетонный забор, рухнувшую двухэтажную будку проходной и выстроившиеся за ними развалины заводских корпусов и складских ангаров.

— Понятия не имею, — вздыхаю в ответ я и прыгнув с брони начинаю носком сапога ворошить в груде кирпичного крошева возле входа на проходную.

Ага, похоже — есть! Вытягиваю из под кирпичей сильно побитую и грязную, но более-менее читаемую пластиковую вывеску. На синем фоне — силуэт взлетающей ракеты и надпись: «Федеральное государственное унитарное предприятие Государственный научно-производственный ракетно-космический центр „ЦСКБ-Прогресс“». В этот раз мы явно зашли по адресу. Сегодня начать поиски мы уже не успеем, но местоположение «Прогресса» я тщательно наношу на самодельные кроки, которым посреди бесконечных руин на месте некогда очень красивого города веры куда больше, чем довоенным картам и атласам. Я-то дорогу запомнил, благо память на такие вещи хорошая, тренированная. Но ведь не буду же я сюда каждый день кататься? Мне теперь службу в Нефтянке налаживать, а сюда каждый день будем одну группу отправлять, разобьем территорию на квадраты и начнем их обшаривать один за другим. Территория, конечно, большая, да еще и порушено много, но мы — ребята настырные, справимся.

Угу, и вот уже полтора месяца справляемся... Без какого-либо результата. Нашли целую кучу всевозможного железного и электронного хлама, иногда выглядящего весьма

⁷¹ Пятисотметровка — карта масштаба 1: 50000, в которой 1 см показывает территорию размером в 500 м.

внушительно, но в нерабочем состоянии. И вот, примерно две недели после начала поисков, я плюнул на секретность и в очередном разговоре по душам с Прохоровым попытался аккуратно прозондировать почву по интересующей нас теме. Реакция начальника стражи меня озадачила — он чуть не поперхнулся пивом и загоготал как племенной жеребец.

— Что, наемник, и тебя на «золотую лихорадку пробило»? Ну, блин, я думал, что хоть тебя эта фигня минует!

Я от такого чуть не выпал в осадок и потребовал объяснений. Выяснилось, что поиски Черным Полковником некоего таинственного контейнера уже давно секрет Полишинеля. В открытую об этом не сильно треплутся, но всем знающим и заинтересованным людям отлично известна история о старом бредуне, который десять лет назад умирая в лазарете Рощинского в бреду вдруг начал рассказывать о каком-то секретном военном приборе, который он со своими товарищами в первый день войны вынесли из секретной лаборатории и где-то спрятали. Бред был уж слишком похож на правду и медики на всякий случай доложили о случившемся Полковнику. Тот, к их изумлению, приехал практически сразу. Но было уже слишком поздно: старик доходил и слова его становились все более бессвязными. Но, видимо, что-то по-настоящему убедительное он все-таки сказал. Потому что после этого разговора Полковник окончательно сошел с ума. Его люди буквально носом землю рыли, но так ничего и не нашли. С тех самых пор практически каждый главарь присоединившейся к воинству Полковника банды проходил через этот этап — узнав о таинственном контейнере, так нужном безумному морскому пехотинцу, отправлялся на поиски, рассчитывая в случае удачи на щедрую награду. И вот теперь я выгляжу одним из этих жадных болванов. А с другой стороны... Может, все не так уж плохо? Если я такой не первый, значит, никто всерьез наши действия не воспримет. Однако есть и плохая сторона — если «Вихрь» уже десять лет ищут все, кому ни лень, но не могут найти — шансы на успех серьезно понизились. Плохо дело...

— Чего ты пыхтишь, Толян? — тяжкий вздох напарника отвлекает меня от воспоминаний.

— Ай, блин, не спрашивай, командир, — отмахивается он. — Бестолковое это дело. Уже сколько мы тут торчим, а кроме металлолома так ничего не отыскали. Так что, или накрылся этот контейнер давно, или не было его никогда.

— Хорош ныть, дружище, — встав из-за стола, я отвечаю елозящему шваброй по полу Курсанту легкий дружеский подзатыльник. — Все будет нормально.

М-да, подбодрить товарища — дело, конечно, хорошее, но вот веры в то, что мы сможем выполнить поставленную задачу, у меня тоже все меньше. Думаю, пересидим тут дожди, дождемся бабьего лета и, выбрав подходящий момент, будем уходить. Невозможно поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

Дверь снова распахнулась и на пороге появился сияющий, словно новенький рубль, Стельмашок. Увидев, как он грязными сапожищами топает по свежепомытому полу, диким зверем взвыл уже Курсант. Ну, как же, он старался, порядок наводил, а тут — такое неуважение. Но высказать Вовке все, что хотел, Толя просто не успел.

— Командир, ты не поверишь, я его видел!!!

Володя и сам не ожидал, что эта его фраза вызовет такую реакцию. Толя замер, будто изваяние, а Тюкалов, как ему показалось, наоборот чуть не подпрыгнул.

— Когда? Где? В каком он состоянии?

Вопросы посыпались один за другим, Володя даже растерялся.

— Да часа три назад, когда мы после патрулирования в Борское заправляться заезжали, на тамошнюю нефтеперегонку. Там и увидел. Выглядит нормально, ну, с учетом обстоятельств. Постарел, правда, сильно, похудел и совсем седой стал...

Видя, как изумленно вытягиваются лица собеседников, ходок осекся на середине фразы и замолчал.

— Так, Вовка, а теперь медленно и с самого начала, — командир, судя по всему, уже

догадался, в чем дело, но явно хочет удостовериться. — Ты сейчас о чем вообще? А вернее, если я все правильно понял, о ком?

— Так, о Рыжем я, — снова заговорил ходок. — Мы только заехали, я гляжу, а там — он. Грязный весь, босой, одет в рвань какое-то. Меня не увидел, на разгрузке сланца лопатой махал. А я сам подходить не стал, хотя очень хотелось. Но решил сначала с вами посоветоваться. А вы чего подумали?

— Не, Вов, ничего, нормально все, мы слегка о своем... Значит, говоришь, учитель твой к здешним в рабство угодил?..

— Командир, нужно что-то делать! — вздохнул, но стараясь быть как можно более убедительным, затараторил Стельмашок. — Он нам с Маришкой как отец, не могу я его тут оставить. А выкупить его у меня денег не хватит. Миш, пожалуйста, выдай мне авансом все причитающееся, а? Я прямо сейчас поеду его и выкуплю. А не продадут — выкраду на фиг! Правда, пока не знаю как, охрана там серьезная.

— Так, а ну отставить херню нести!

Раз командир заулыбался, значит, все будет нормально, и у Володи прямо камень с души упал.

— Выкупим мы твоего Волженкова, не переживай. Ну, хоть одно нужное и правильное дело мы тут должны сделать?

Несмотря на улыбку, глаза у Тюкалова грустные. И только тут до ходока доходит... Ой, блин, вот ведь дурак-то, а! Они ведь наверняка сначала подумали, что он спутник нашел и из-за этого кипеш поднял. А тут вместо цели всей операции — престарелый ходок, нашедший-таки на свою шею приключений и рабский ошейник. Нет, за Володю они явно радуются совершенно искренне, но вот в остальном... Даже как-то неудобно перед ними: у самого — радость, а у них...

— Так, Вовка, давай еще раз, где ты его видел и как выглядит. Короче, полный словесный портрет. Чтоб нам завтра ничего не напутать, когда покупать будем, — Тюкалов явно всерьез озабочился вопросом «воссоединения семьи». — Курсант, а ты давай, дуй к Прохорову, уточни по всем вопросам, связанным с куплей-продажей раба. Что как, что почем. Только без лишней конкретики.

— Миш, а зачем тебе его словесный портрет? — недоуменно интересуется Володя. — Я и так его покажу.

— А вот этого — не нужно. Если теперешний хозяин поймет, что вы знакомы или, не дай боже, сообразит, что вы родня, то цену заломит до небес. «Спрос рождает предложение», слышал такую фразу? Так что, поедem мы завтра без тебя.

Ходок здорово расстроился, но вынужден был признать, что здравый смысл в словах Тюкалова есть. Действительно, если нечто очень нужное покупателю есть только у тебя, то цену можно задираť вверх до тех пор, пока у покупателя деньги не кончатся. Как Рыжий говорил: «Монополия и отсутствие конкуренции». Они и сами пару раз этим приемом пользовались, досуха, конечно, клиента не выдаивали, но навар имели неплохой. А теперь могут навариться на них самих. И товар-то на самом деле такой, что по базару не пройдешь, у кого-то другого не купишь.

На следующий день с самого утра, стоило двум УАЗам выехать из ворот Нефтянки и взять курс на северо-восток, Стельмашок принялся бесцельно наматывать круги по двору, не в силах занять себя хоть чем-нибудь. Вернее, он честно пытался, но ничего не выходило: все валилось из рук, голова практически ничего не соображала и вообще ничего не получалось. Наемники, зная о причинах такого поведения молодого проводника, старались делать вид, что ничего особенного не происходит, но после того, как Володя за неполных полчаса сначала чуть не сломал домкрат, а потом уронил Шурупу на ногу ящик с патронами, их терпение лопнуло. Шипя сквозь зубы бессвязные ругательства (а чего вы хотели? Тридцать девять кило все-таки...), обычно спокойный как удав Саня приказным тоном велел Володе сесть на лавку возле КПП и сидеть там, не вставая, не отходя и ничего не трогая руками до самого возвращения командира из Борского, благо погода внезапно наладилась и сквозь тучи

пробилось почти по-летнему жаркое солнце. Впрочем, немного подумав, суровый зампотыл отряда все-таки разрешил ему покидать свой пост в случае большой или малой нужды или для похода на обед. Но только для этого. В общем, как любит в похожих случаях с улыбкой говорить Михаил: «Сегодня точно не день Бэкхема». Кто такой этот самый Бэкхем, Володя не знал, но смысл фразы и без того был вполне понятен. Сиделось ему плохо, будто на иголках, но Шуруп слов на ветер не бросает, если пообещал за попытки и дальше под ногами мешаться «лещей» навешать, так ведь и навешает. А рука у него ой, какая тяжелая. Значит нужно сидеть, как бы тяжело это ни было. Умение ждать для настоящего бойца, и не важно ходок он, военный или наемник, тоже очень важно. Вот и потренируем.

Покупка раба, оказывается, не такое простое дело, как это может показаться. И дело даже не в том, что нужно придумать хоть какое-нибудь объяснение, на кой черт он тебе вообще нужен и почему именно этот. С объяснениями как раз вопросов не возникло, потому как никто их толстому и вальяжному, но явно слегка струхнувшему при моем появлении, хозяину Борского нефтеперегонника давать просто не собирался. Благо, кое-какую известность мы в здешних краях уже приобрели. К тому же, «на отлично» сработало «сарафанное радио», в чем я, если честно, и не сомневался ни на секунду. Тут все очень просто: какие бы небылицы про тебя ни плели — ничего не подтверждай и ничего не опровергай. Идеальный рецепт. Когда о тебе ничего не знают, то начинают выдумывать. Придумывают, как правило, всякие страшилки, а потом, сами себя ими напугав чуть не до нервной икоты, выдумывают с перепугу еще большую хрень. А ты при этом хранишь глубокомысленное молчание и не пытаешься ничего отрицать. Вот и получается, что если не опровергают, — значит, правда. И потом начинаешь из бродящих среди людей слухов и сплетен выяснять леденящие душу подробности о том, что отрезанную голову хвостатого я, оказывается, сжег на погребальном костре вместе с телом своего человека, да еще и какой-то зловещий ритуал при этом провел. Подробностей, разумеется, никто не знает, ведь делалось все это в глубочайшей тайне (ха-ха три раза, если тайна такая глубокая, то откуда вообще информация о погребальном костре и ритуале). Словом, чушь полная, но и бредуны, и «мирняк» здешний, кажется во всю эту ахиною верят. В черные маги меня пока, слава богу, не записали, но дружно сходятся во мнении, что «это ж-ж-ж — неспроста». С одной стороны, теперь даже вполне нормально поначалу к нам относившийся Прохоров посматривает странно, с другой — с лишними расспросами никто не лезет. Вон, как этот толстяк, даже глазом не моргнул. Нужен этому психу раб? Да запросто! Молодой, сильный? Ах, все равно, можно даже старого и больного? Так даже лучше. Хотите сами выбрать? Да всегда пожалуйста, будьте моим гостем! И все! Даже не сильно-то потратились. А уж зачем пришлому старый и ослабший, еле ноги с голодухи волокущий старик с растрепанной бородой и длинной тонкой дурацкой косицей... Да какая разница?! Может, он его в жертву своим таинственным богам принесет в ближайшее полнолуние, может, чучело из него набьет. Кому какое дело?!

А вот сам Рыжий мне понравился. Спокойный, как танк. Столь резкие и непонятные изменения в своей жизни воспринял как нечто само собой разумеющееся, ни единым мускулом на лице не дрогнул. И в машине сидел с каменным лицом — вылитый пленный вождь индейцев из старого вестерна. Глыба, а не человек, ничем не прошибить. Ну, почти ничем... Наблюдать, как трескается на его лице маска безразличия, когда на нем, едва выбравшемся из УАЗа на нашей базе, повисает Вовка, а потом уже я сообщаю, что гражданин Волженков Александр по прозвищу Рыжий из рабства за примерное поведение, деятельное раскаяние, становление на путь исправления и сотрудничества с администрацией освобождается по УДО,⁷² было очень забавно. Первым делом отправляем деда в заранее истопленную по моему приказу баню, предварительно отобрав его грязные, засаленные

⁷² УДО — условно-досрочное освобождение.

лохмотья. А то вот только «бекарасов»⁷³ мне в казарме не хватает, для полного-то счастья. Правда, услышав о дезинсекции,⁷⁴ Рыжий проявил непоколебимую решительность и бриться наголо отказался наотрез. Пришлось после помывки по старому бабушкиному рецепту поливать его шевелюру и бороду керосином. Не подумайте плохого, поджигать никто никого не собирался, просто почему-то именно от керосина воши уж больно хорошо дохнут. Согласен, способ — жуткое варварство, керосин жидкость агрессивная, кожу на голове обжигает, она потом сильно шелушится. Но единственной альтернативой была бритва. Что ж Александр Александрович, терпи теперь. Красота, как известно, требует жертв.

А вот от обильного праздничного застолья в честь «возвращения блудного дяди» пришлось отказаться. После вынужденной диеты в рабском бараке от простой и сытной, но тяжелой пищи у Рыжего запросто заворот кишок может приключиться. Так что, наварил ему наш отрядный кашевар жиденького куриного супчика. Но Волженков, явно понимающий что к чему, не только обижаться не стал, но и от души спасибо сказал за такую заботу. На ночь я их с Вовкой устроил в старшинской каптерке. Один черт не уснут, болтать будут, а в казарме так еще и другим отдохнуть не дадут.

А вот ранним утром мое образовавшееся было накануне хорошее настроение грубо и основательно разрушили. Еще даже не взошло солнце, когда часовой с КПП на центральных воротах доложил, что меня срочно хочет по очень важному делу видеть Прохоров. Интересно, чего это принесло его ни свет ни заря? Бессонница, что ли, мучает, хочет, чтоб я ему колыбельную спел?

М-да, что-то лицо Владимира Сергеевича к шуткам ни разу не располагает. Нервничает начальник охраны, сильно волнуется.

— Вот что, Михаил, — сразу берет он быка за рога. — То, что что-то с тобой не так, я еще в первый день почувствовал. Прямо свербило у меня внутри, что не так в тебе что-то. Но, не думал я, что все настолько серьезно. Однако я тебе задолжал, здорово задолжал, потому и пришел...

— Так, погоди-ка, Сергеич, куда-то тебя не туда несет. В чем хоть дело?

— В чем дело? Да в том, что полчаса назад кто-то красиво подорвал ангар, в котором Черный Полковник свой «Тополь» держал. Капитально накрыл, только стены внутрь рухнули. Восстановлению, как говорится, не подлежит. Во всем винят югороссийских диверсантов. Вы что, действительно надеялись, что Полковник на вас не подумает?

Оп-па! Вот так вот значит! А это, друзья, оборотная медаль зловещей и загадочной популярности, когда что бы о тебе ни сказали, все будет восприниматься как правда. Думаю, что Полковник сейчас гарантированно не в духе и никаких объяснений слушать просто не станет, не интересны они ему. К тому же — середина сентября на дворе. А осень, как известно, пора обострений у психов. Вот ведь попали, так попали! Так, стоп!

— Погоди, Сергеич, а ты-то откуда обо всем этом знаешь?

— Меня, Миша, история с вырезанным хутором очень многому научила. Вот и обзавелся я, в обход запрета, какой-никакой радиосвязью. А в Рощинском, в двух шагах от базы, живет один человечек, что мне по гроб жизни кое за что обязан. Вот и сообщил сразу же. Там сейчас всю к акции возмездия готовятся. Думаю, час-полтора у вас есть, но не больше. Так что, господин югороссийский шпион, собирай-ка парней своих, и рвите быстрее, пока вас тут не окружили и не перебили.

Вот оно как. Кто-то устроил на базе в Рощинском диверсию, а все стрелки красиво перевели на нас. Зашибись! Вот и вылез-таки тот самый, третий вариант, которого я больше всего опасался еще в Большой Ивановке: весь наш отряд — просто ширма, дымовая завеса

⁷³ «Бекарасы» (армейск. сленг) — вши.

⁷⁴ Дезинсекция — процесс обработки личного состава, одежды и личных вещей с целью уничтожения насекомых-паразитов (вшей, клещей, блох).

между Полковником и еще кем-то, выполняющим настоящее задание. Прикрытие, отвлекающий фактор. Пока все внимание Полковника и его бандитов сосредоточено на нас, кто-то, оставаясь в тени, делает свое дело. Нет, оно, конечно, красиво придумано. Вот только нас о том, что мы наживка, предупредить почему-то забыли и если б не человеческий порыв Прохорова, то часа через полтора-два нашу базу, вместе с нами, мешали бы с грязью пушками БМП. Интересно, а про спутник это изначально «деза» была? Нет, вряд ли, ведь Черный Полковник это чертово изделие П-26/17-бис тоже искал, причем долго и тщательно, а ведь он на доверчивого простачка не похож совершенно. Значит, подождали наши штабные полтора месяца, поняли, что результатов нет, да и решили, что коль спутник не найден, так хоть полковнику клыки выбить нужно, пока есть такая возможность. А мы... А что мы? Кому там интересны судьбы тридцати мужиков? Не тот уровень, там дивизии, словно пешки, на размен отдают.

— Спасибо тебе, Сергеич, — я крепко жму руку Прохорову. — Ты уж прости, если что не так было. Кстати, у тебя-то проблем не будет?

— А у меня-то с чего? Я сейчас вообще дома сплю, седьмой сон вижу, а у тебя, да часового твоего — просто коллективная галлюцинация. И обо всем произошедшем я узнаю, только когда меня через пару часов люди полковника разбудят. Смекаешь?

— А то. Ладно, тогда давай, дуй домой, пока тебя какой-нибудь глазастый ночной гуляка не увидал. А нам, и правда, пора.

— Ты, Михаил, вот что, — придерживает меня за рукав Прохоров. — Когда будешь там своим по здешним раскладам докладывать, так и скажи, что не все тут за Полковника костями ложиться собираются. Что кое-кому его порядки — как кость в горле, только сил у них маловато, вот сами и не дергаются. Хорошо?

— Понял, — киваю я в ответ. — Если жив останусь — обязательно передам.

— Ни пуха тебе, наемник.

— К черту!

Собирались мы тихо и быстро. Принцип простой — хватай мешки, вокзал отходит. С собой — только самое необходимое, без чего не обойтись. Остальное — бросить к чертям собачьим! Не настолько это барахло ценное, чтоб из-за него помирать. А что у нас особо ценного при себе? Оружие, боеприпасы, кое-какая жратва сухим пайком, да вода. В дорогу дал команду одеваться в «горки», а то вдруг придется с бредунами Полковника схлестнуться, а одеты-то одинаково. Белые повязки, конечно, на рукава сделать можно, как в Червленной этой зимой... Но, Полковник тоже в нашей армии служил и такие «военные хитрости» для него — детский сад. Так что, уж лучше отличаться. Противник тебя тоже сразу вычислит, зато свои случайно не подстрелят.

И снова меня приятно удивил Волженков. Когда он уяснил суть поднявшейся вокруг почти бесшумной, но интенсивной суеты, то спокойно кивнул и произнес:

— Ну, хоть помыться и поесть по-человечески успел напоследок, да в чистое переоделся. Это хорошо! Ты, старшой, дай-ка мне автоматик, может, тоже чем подсобить смогу. А в бою свободным человеком умирать, оно всегда приятнее, чем рабом на нефтепегонке.

Автомата нам для хорошего человека не жалко, так что, Рыжий, будет у тебя шанс повоевать.

— Эх, командир, — вздыхает стоящий рядом Вовка, — жалко, что задачу-то мы так и не выполнили.

— Ну, то что вы сюда не специально за мной такой толпой заявились, я сразу понял, — попытался немного разрядить обстановку шуткой Рыжий. — А вот ради чего вы сами головы в пасть тигру сунули, послушать было бы интересно.

— Да какая теперь разница, — отмахнулся я.

— Э, не скажи, старшой, разница она всегда есть, даже если ты ее не видишь, — резонно возразил Волженков.

— Искали мы тут кое-что, Сан Саныч. Но не нашли. А теперь, видно, и не найдем уже.

— Чуть конкретнее можно? — не унимается старый ходок.

— А ты, вообще, с какой целью интересуешься? — пытаюсь отшить я настырного деда.

— С целью познания, — невозмутимо отвечает он.

А собственно, чего я корчу из себя не пойми что. Еще не факт, что мы все до вечера доживем. Чего уж секретничать-то?

— Изделие П-26/17-бис мы искали. Что, говорит тебе это что-нибудь?

Ой, зря я это именно так сказал. Ведь меньше двух месяцев назад сам в Иловле на подобном вопросе тамошнего начальника Особого отдела на посмешище выставил. Ну, а теперь, видимо, моя очередь.

— Это «Вихрь»-то? — причмокивает губами Рыжий. — И что, не нашли? Неудивительно! Просто не там искали...

Все, аут, финита, мля, комедия. Думаю, что рожа в этот момент у меня была самая что ни на есть идиотская.

Встающее солнце едва-едва начало пробиваться сквозь низкую облачность, над землей висит густой молочно-белый туман, а наша маленькая колонна упрямо ползет вперед, чавкая и хлюпая жидкой грязью под колесами. И что интересно, ползет вовсе не на юг, в сторону Казахстана, что было бы вполне логично, учитывая, что на нас сейчас уже всю охотятся полторы-две тысячи бредунов, а практически в обратном направлении — на север, к Самаре. Да уж, думаю, такого фортеля люди Черного Полковника, старательно перекрывающие сейчас все возможные дороги, тропы и просто удобные направления движения в сторону Уральска от нас не ждут. Ну, а мы парни такие, нас хлебом не корми, дай сюрпризец подкинуть.

Это в первый свой выезд мы очень боялись в какую-нибудь яму влететь и машину в ней утопить. Но за полтора месяца маршрут до «Прогресса» мы проложили надежный. Возможно, с закрытыми глазами я тут и не проеду, но по ориентирам — запросто. По крайней мере «баранку» кручу практически на автомате, а сам внимательно слушаю рассказ сидящего рядом Волженкова.

Нет, прав был тот человек, который когда-то сказал, что в жизни иногда случаются такие совпадения, что ни в каком кино или книжке такое показать или описать не рискнут, потому как совсем уж неправдоподобно. Но, тем не менее, «Есть многое на свете друг Горацио»...

Оказалось, что Волженков не просто знает, где именно спрятан «Вихрь». Выяснилось, что в тот злополучный день он сам его прятал. Потому как работал системным администратором в том самом МИКе ВКС на территории «Прогресса». А год назад решил он, что спрятанный им спутник — весьма дорогостоящая штука, которую наверняка с удовольствием купят военные. Ну, и собрался за ней на свою голову. Да только не шибко удачно — влетел в засаду и из уважаемого и опытного ходока превратился в бесправного раба, говорящую и дышащую вещь.

Когда взвыли баззеры тревоги и сирены оповещения, Сашка Волженков решил, что это какая-то совершенно сумасшедшая учебная тревога. Почему сумасшедшая? Так ведь люди же кругом спят! Ну, а почему учебная — любому дураку понятно. Потому что не может она боевой быть, по определению не может. Какая война, о чем вы? Вот только буквально через пару минут в его кондейку ворвался злющий, словно бес, капитан Костин — начальник дежурной смены охраны комплекса с двумя своими подчиненными — субтильного вида солдатами-«срочниками».

— Так, Сашка, ноги в руки и за мной, ты лось здоровый, мне помощь твоя нужна, срочно! Какого хера сидишь, дебил?! Не успеешь прямо сейчас отсюда ноги унести — минут через пять-десять от тебя и пепла не останется!!!

— Денис, ты чего? — недоуменно вытаращился на обычно вежливого и спокойного офицера Волженков. — Чего случилось-то?

— Мля, ты оглох, штатский? Война началась, мать ее!

— Какая война? — Сашка почувствовал, как враз ослабли в коленях ноги.

— Ядерная, — отрывисто бросил капитан и снова повысил голос. — Бегом вскочил, мля, инфузория в туфельках! Мне приказ выполнять нужно, так что, считай себя мобилизованным!!!

— Погоди, Денис, мне ж домой нужно!

— Мля, всем нужно!!! Или, думаешь, у тебя одного семья?! Но есть приказ и его нужно выполнить. Кстати, трубку не хватай, нету связи, уже минут пятнадцать как нету.

Приказ у капитана оказался простой — вывезти и спрятать в надежном месте находящийся в МИКе на испытаниях новейший прототип военного спутника наблюдения и связи. Угу, приказ-то простой, а вот выполнение его... Почти тонну весящий защищенный контейнер — это вам не коробок спичек. Просто так и не вынесешь, и не спрячешь. Да и куда? Где ж такое надежное место найти? Но капитан оказался человеком смекалистым, тащить вручную контейнер не пришлось — электрокар-погрузчик с этой задачей справился куда лучше. Да и место он, оказывается, уже наметил. Совсем недалеко от проходной «Прогресса», рядом со стадионом, стояла недостроенная жилая девятиэтажка. Вот именно к ней, а вернее, к возводимой неподалеку электроподстанции, капитан и направил погрузчик. По пути Костин самым что ни на есть высокохудожественным матом, которым очень многие военные владеют более чем виртуозно, костерил какого-то неведомого Волженкову Маринина, которого угораздило положенный по штату для эвакуации служебный транспорт загнать на капитальный ремонт тремя днями ранее. Из-за чего теперь ему, Костину, тащить эту тяжеленную дуру чуть ли не пердячим паром на собственном хребте. Потом он переключился на уже вполне знакомого Сашке майора Горицкого, который вообще-то и должен по всем планам возглавлять группу эвакуации, да только, опять же, в самый «подходящий» момент свалил в отпуск, а «мобилы» все разом сдохли и хрен ты до кого теперь дозвонишься. А отдуваться за всю эту херню приходится сами понимаете кому... Потом капитан переключился на «сраных америкосов» и «наших московских долбоблов». Словом, отводил душу мужик, за злостью пытаясь не показывать овладевшего им страха и отчаяния. Потому что даже Сашка понимал — нету в военное время ничего страшнее, чем испуганный и растерявшийся командир.

Строить подстанцию явно начали совсем недавно, успели только выкопать котлован и начать заливать фундамент. Вот именно в этой яме начальник охраны МИКа и решил спрятать контейнер: аккуратно, на найденных тут же, на стройке, тросах, спустили его вниз, обложили досками, снятыми со строительных лесов и залили бетоном из стоящей рядом бетономешалки. Чем не саркофаг? Снизу, сверху и со всех сторон — бетон, а под ним еще и защитный контейнер, который сам по себе — тоже далеко не картонный. В тот момент, когда они уже разравнивали лопатами бетонный бугор, чтобы он не сразу бросался в глаза тому, кто вдруг решит заглянуть в яму, американские ракеты ударили по Самаре. Скорее всего «Прогресс» входил в число первоочередных целей, потому что досталось ему крепко. Но Сашка успел только увидеть яркие вспышки. Потом сознание померкло.

Когда он очнулся — город вокруг горел. Жирные клубы смрадного дыма несло ветром со всех сторон, жар от чадного пламени сушил кожу. Горело все: дома, промышленные корпуса, машины на улицах, казалось, горели небо над головой и земля под ногами. Оглушенный, едва переставляющий ноги и с трудом сохраняющий равновесие Сашка бросился бежать, не разбирая дороги. В голове была только одна единственная мысль: «Что дома?» Дом, родная, с детства знакомая родительская «трешка» в хрущевской кирпичной пятиэтажке. А в ней — отец, мама, жена Ирина и семимесячный карапуз Витька. Им ведь его помощь нужна, а он тут...

Потом все было словно в ночном кошмарном бреду. Сашка, не чувствуя боли, срывая ногти, руками пытался разгребать груды кирпича, из которой торчали поломанные стропила, куски шифера и обломки мебели. Кажется, он кричал, звал на помощь, и снова разгребал кирпично-бетонное крошево. Потом откопал... То, что лучше было не откапывать. И долго, бесконечно долго сидел над изломанным, раздавленным и исковерканным телом, у которого

по какой-то нелепой прихоти провидения только и осталось, что лицо, на котором застыло удивленное выражение, и выл. Выл, словно волк-оборотень в полнолуние, тоскливо и жутко. Вот только никому не было до него дела, потому что всем выжившим вокруг вдосталь хватало своего горя.

А потом у него внутри что-то сломалось. Что-то хрупкое и непрочное, но очень важное. И на смену весельчаку Сашке Волженкову, балагуру и славному малому, пришел кто-то другой. Кто-то отстраненно-холодный и равнодушно-невозмутимый. Этот жутковатый незнакомец отошел в сторону от развалин и внимательно осмотрел собственное тело, прислушался к себе. Так, вроде ничего не сломано и даже сильных ушибов, кажется, нет. Как не ощущается никаких признаков радиационного поражения. Хотя, много ли он тех признаков со времен занятий по Гражданской обороне помнит? Но, кожа нормального цвета, не шелушится, волосы с черепа не облазят, да и не тошнит. А главное, будь боеголовки ракет ядерными, то в неполном полукилометре от эпицентра взрыва от него б только тень на стене и осталась, как от того безвестного японского мужика в Хиросиме. Не обращая внимания на происходящее вокруг, он отправился назад.

Оба солдата так и лежали там, где застиг их взрыв. Оба мертвы, безо всяких сомнений. Одного, похоже, убило каким-то обломком, попавшим точно в висок, на второго, в момент взрыва стоявшего в котловане, ударной волной сбросило погрузчик. Капитана видно не было. Поселившийся в Сашкином разуме страшный незнакомец этому сильно расстроился. «Господи, да что же это со мною?» — остатки того, старого, жившего ДО Сашки Волженкова, задвинутые новой сущностью куда-то в самый дальний и темный уголок сознания еще пытались из последних сил бороться: «Человек ведь жив остался. Разве же это плохо?!» — «Разумеется», — ответил ему новый Волженков: «Что ты найдешь в карманах у двух этих мертвых мальчишек? Не дописанное письмо домой, суконку с пастой ГОИ, бляху ремня чистить? А капитан — это пистолет и два полных магазина по восемь патронов. Учись, размазня, теперь настает новое время и жить в нем тоже придется по-новому. Иначе — сдохнешь!» Сил сопротивляться у старого Волженкова уже не осталось, и он сдался, растворившись в ледяном спокойствии нового.

А тот неспешно осмотрелся по сторонам. Значит, начнем с начала: ему, в отличие от многих и многих повезло — остался в живых. Теперь нужно постараться выжить и дальше. А для этого, как минимум, нужно выбраться из города. Вот только какую-то одежду необходимо найти. А то его собственная после всего произошедшего уже лохмотьями висит. Все необходимое нашлось в строительных вагончиках-бытовках. Ему их даже взламывать не пришлось, за него все сделала ударная волна. В одном из принадлежавших строителям шкафчиков он нашел старенькие камуфлированные штаны, белую футболку и джинсовый жилет с кучей карманов. А ботинки у него и свои еще целы. Вот и отлично! Теперь пора отсюда двигать.

Добраться до «Прогресса», а вернее, до той стоящей неподалеку недостроенной девятиэтажки без приключений не удалось. Сидящий на броне «восьмидесятой» Рус заметил удирающий в сторону топей на юго-востоке багги с тремя бредунами. Скорее всего — дозор или патруль. Увидали нас, поняли, что точно не справятся, и — дай бог ноги. Но, не свезло им. Руслан — слишком хороший снайпер, а у КПВТ — слишком большая прицельная дальность. Для них, разумеется, слишком, для нас — в самый раз. Но, как обычно, не обошлось и без плохих новостей — на багги была рация. И все время, пока мы откачивали мотопомпой из найденного Волженковым котлована воду, зацепляли тросом и вытягивали бронетранспортером проржавевший остов того самого электрокара, долбили по очереди двумя ломами крошащийся, хрупкий бетон, я гадал — успели ли бредуны о нас сообщить Полковнику? Оказалось — успели. Когда отправленные в дозор Руслан и его «подмастерья» доложили о том, что со стороны бывшего Железнодорожного района в нашу сторону движется колонна бронетехники, грузовиков и внедорожников, все сомнения развеялись, словно дым. По нашу душу, едут, точно.

Контейнер, который мы совместными усилиями вытащили из заполненного жидкой грязью раскопа, пусть и грязный, в нескольких местах немного помятый, но по-прежнему герметичный. Что давало серьезные шансы на то, что содержимое все еще исправно, мы сразу же убрали в десантный отсек «свинобраза». Теперь пришла пора отправлять его подальше.

— Толян! — зову я курсанта. — Слушай боевую задачу, напарник: сейчас берешь тройку Ковалю, тройку Шурупа, Вовку с Рыжим, седлаете «свинобраза» и уходите отсюда вдоль топей в сторону Черноречья. Эти, на багги, не просто так туда от нас ломанулись, значит проход там есть. К тому же, если этот тарантас проехать собирался, то вы на амфибии — точно пройдете. Уходите аккуратно, внимания не привлекайте, обходными маршрутами двигайте к границе, как доберетесь до Большой Черниговки — начинайте вызывать погранцов Шрайнера, они вас вытащат.

— Да ты чего, Миш! — пытается возмутиться Курсант. — Я, значит, драпать, а вы тут воевать будете, так что ли?

— Так, Коломийцев, ты не забылся часом?! Как по мне, так мы все еще боевое подразделение, а я в нем командир. И отданные мною в боевой обстановке приказы обсуждению не подлежат, а только исполняются. Максимально быстро и четко, — рыкнул я на него и тут же немного сбавил обороты. — Нет, Толя. Ты будешь вывозить то, за чем мы все сюда были посланы. А мы — прикрывать твой отход и отвлекать на себя внимание. Все ясно? Потому что если ты этот спутник не вытащишь, то значит, все было напрасно. Значит, зря Аким погиб, да и все те, кто еще жив, но сегодня в землю ляжет. Так что, ты не драпаешь, а самую важную задачу выполняешь.

Возразить ему нечего, но он все равно пытается. Только все его вопросы все равно откровенно лишние и ненужные. Разумеется, сам я никуда уйти не смогу. Тут мои люди. Это я привел их сюда, это мне они поверили, ну, значит, вместе с ними мне последний бой держать. А то, что будет он последним — сомнений практически нет. Слишком уж силы не равны. Главное — постараться как можно дольше на себя бредунов Полковника оттягивать, дать шанс Курсанту оторваться. С ним два хода, причем один — матерый и бывалый. Выберутся. Главное — нам тут не лохануться.

В том, что Черный Полковник не идиот, и тупо в лоб своих людей не пошлет, я даже не сомневался. Опыт, его, как известно, не пропьешь. Так что начало у боя было вполне стандартное: бредуны то тут, то там малыми группами рывком пытались приблизиться к нашим позициям, одновременно пытаясь выявить как бреши в нашей обороне, так и наши огневые точки. Стоящие поодаль, вне досягаемости наших гранатометов, БМП на любое шевеление начинали гвоздить из своих пушек. Классика общевойскового боя. Теперь вот еще обходной маневр не проворонить бы. А в том, что он будет, я тоже не сомневался. Потому как бредунов перед нами было хоть и много, но всяко меньше тех самых шести сотен, о которых мне в контрразведке рассказывали, и которые я потом своими глазами в Рощинском и на других базах полковника в округе столько времени наблюдал. Плюс, не думаю, что Полковник к этой операции своих шакалов из «посада» не привлек. Значит, эти, которые по нам сейчас активно постреливают, — просто отвлекают. Основные силы сейчас где-то по неизвестным нам проходам в здешних топях лезут, с твердым намерением выйти нам в тыл. Или во фланг. А может — и туда, и туда, у полковника и на это сил хватит, особенно если учесть, что у нас всего два десятка стрелков и одна «коробка». Так что, ухо нужно держать востро, позиция у нас, конечно, толковая и народ обученный, но вот численное превосходство у нашего противника... При соотношении примерно семьдесят пять к одному — это даже не подавляющее, это я и слова-то цензурного придумать не смогу, чтоб такую разницу описать.

Но пока что у нас все неплохо: три «наскока» отбили практически в легкую — Руслан с «подмастерьями» постарались. Отстрелялись быстро и точно, и свалить успели до того, как «броня» бредунов из своих пушек все подозрительные развалины «причесала». Опять же,

долбать противнику пришлось практически наугад, точного целеуказания им получить так и не удалось. Сначала бандиты из штурмовой группы не могли разобрать, откуда именно по ним стреляют, а потом и разбирать некому стало. Так что, гвоздили БМП больше наугад, по наиболее вероятным позициям. Угу, наивные, блин, как чукотские девушки! Не тот Рус человек, чтобы так подставиться и «лежки» на всем очевидных местах оборудовать. Так что наших снайперов, прежде чем задавить, еще и поискать придется. Вот с четвертым и пятым прорывами пришлось поднапрячься, там помимо легких и юрких багги в дело вступила бронетехника — старенькие, но не ставшие от этого менее опасными БРДМы. А бронированная разведывательно-дозорная машина — это вам не бывший «Москвич» или «жигуленок» изуродованный до полной неузнаваемости и вооруженный в самом страшном случае пулеметом ПК на самодельном вертлюге. Это семь миллиметров стальной, мать ее, катаной брони и пулемет КПВТ, навывлет шьющий любое из имеющихся у нас укрытий. Да и «восьмидесятка» наша для него противник по силам вполне равный. Так что, пришлось попотеть. Хорошо еще, что выстрелов для гранатометов я набрал с запасом. Из РПГ-7, конечно, дальше чем на три сотни метров пальнуть сложно, зато уж если противник приблизился... Короче, тандемного куммулятива даже танку Т-72 за глаза хватит, если он без динамической защиты, чего уж про «бардаки» говорить. Правда, вот тут и у нас пошли потери. Убитых, к счастью, еще не было, но одного контуженного и двоих посеченных осколками мы получили, плюс досталось нашему бронетранспортеру — левое заднее колесо просто в лохмотья разнесло и в двух местах крупнокалиберными пулями левый борт пробило, чудом не зацепив наводчика. Но и на нашей улице тоже, что называется, «КаМАЗ» с пряниками перевернулся: заметившие нашу «коробочку» бредуны попытались накрыть ее огнем БМП. Долбанули в том числе и закрепленными на башнях ПТУРаи.⁷⁵ Двое просто промазали, видно опыта наводчикам не хватало, а вот третья «Малютка»,⁷⁶ похоже, со временем «протухла», потому как рванула прямо в пусковом контейнере. Взрыв на башне вражеской БМП вызвал целый шквал восторженных воплей и улюлюканья среди моих орлов, пришлось даже прикрикнуть, чтобы порядок в эфире восстановить. Потеряв практически разом сразу три бронемашины, бредуны ненадолго попритихли. С другой стороны, куда им спешить? Мы в кольцо, пути отхода они нам наверняка уже перекрыли, а где-то прямо сейчас их «засадный полк» нам в тыл выходит. Похоже, пора людей перегруппировывать, на случай отражения атаки сразу с нескольких сторон, да и НЗ боеприпасов пора раздать, когда по-настоящему начнется, на это времени уже, возможно, просто не будет. Словом, любезно предоставленную Черным Полковником передышку провели в суете, но с пользой для дела. А вот потом, как я и предполагал с самого начала, сразу с двух направлений — со стороны Кировского района и Смышляевки, подошли отправленные Полковником в обход бредуны. И понеслось...

Нет, оно понятно, что в бою основная задача командира — осуществлять руководство. Но этому правилу легко соответствовать, когда ты — командир полка или даже дивизии, я уж не говорю про армию. А вот если в подчинении у тебя неполный пехотный взвод, а с трех сторон на тебя прут примерно полторы тысячи весьма недружелюбно настроенных ребят... Короче, командовать я все же пытался, но исключительно в те моменты, когда не был занят тем, что старался кого-то убить или, наоборот, не позволить кому-то убить себя. Да и вообще, как это часто бывает в таких случаях, позже я так и не смог составить в памяти единую картину боя. Все больше эмоции и ощущения.

Бьющий в плечо прикладом автомат, запах раскаленного металла и сгоревшего пороха, который только называется бездымным. На самом деле если его сгорает много в одно время

⁷⁵ ПТУР — противотанковая управляемая ракета, запускаемая с ПТРК (противотанкового ракетного комплекса).

⁷⁶ «Малютка» — ПТРК, устанавливаемый на башне БМП-1.

и в одном месте — та еще дымовая завеса получается. Едва слышимый за грохотом десятков разнокалиберных стволов звон латунных гильз по бетону и асфальту. Мерзкий визг рикошетов и осколков, свист пролетевших мимо пуль, негромкие хлюпающее-чпокающие звуки, с которыми они пробивают человеческую плоть. Бьющий по прикрытым тонкой кожей перчаток острый гравий, летящие в глаза песок, пыль и мелкий сор, сыплющиеся на голову, плечи и спину мелкие обломки кирпича и бетона. Сорванный то ли шальным осколком, то ли просто каким-то камешком кусок кожи на левой щеке, теплая кровь заливающая лицо и шею, ее приторно-солоноватый вкус на губах.

А вот при попытке вспомнить хоть что-то конкретное в мозгу мелькают только какие-то бессвязные обрывки. Помню, как метался от окна к окну по развалинам недостроенного многоэтажного дома, возле которого был спрятан контейнер со спутником и отстреливал прущих в атаку бредунов, едва успевая переводить «галку» оптического прицела с одной суетливой фигурки на другую. Помню, как позже тащил в сторону бывшей проходной «Прогресса», к которой по территории центра пробились сразу несколько бредунских бээмпэшек, два ящика, набитые гранатометными выстрелами и тубусами с пороховыми зарядами и как кувыркаясь под огнем, словно стая свихнувшихся акробатов мы эти самые чертовы БМП жгли. Как одна из них все же прорвалась и, перемахнув через осыпавшийся грудой ломаного кирпича забор, омерзительно заскрежетав траками по рвущемуся под ними железу, буквально в лепешку раздавила мой УАЗ. Но и сама не ушла от возмездия, словив бортом кумулятивную гранату, и весело вспыхнула буквально в нескольких шагах от того, что еще только что было отличным внедорожником. Помню как подвывал по-волчьи в эфире вошедший в раж обычно меланхоличный и спокойный Бекетаев, как он довольно порывкивал после каждого удачного выстрела. Как вдруг переставали отзываться на вызовы мои парни... Как прямым попаданием тридцатимиллиметрового снаряда буквально в мелкие ошметья разметало только что стрелявшего по наступающим бредунам в паре шагов от меня Валерку Глущева. Как попал-таки под удачный выстрел бредунского ПТУРа наш бронетранспортер, резко вильнувший в сторону и на полном ходу проломивший тонкую стену какого-то ангара и уже там вспыхнувший темным жирным пламенем... Как вдруг заморгал на моем «Кенвуде» индикатор вызова на нешифрованном канале и в эфир вышел сам Черный Полковник.

— Эй, наемник, ты там не сдох еще?

— Не дождешься, мля...

— Как грубо, Михаил, — по тону явно чувствуется, что старый мухомор резвится. — А я вот тут с тобой пообщаться хотел, за жизнь поговорить, а ты хамишь... Нехорошо...

— А не о чем нам с тобой общаться, — грубость грубостью, а время потянуть — это дело хорошее, пока мы тут болтаем, кто-то из моих успеет магазин патронами набить или позицию сменить.

— Так прямо и не о чем? — интонации в голосе полковника мне совсем не нравятся. — А по мне — так вполне есть... Вот о нем, например... Как тебя зовут, сынок?

— Да пошел ты, сука! — слышу я в наушнике голос Шутея, водителя нашего бронетранспортера Димы Ильинского.

— Ну, что ты будешь делать, — в голосе Полковника слышна притворная грусть. — И этот хам. Правду говорят: каков поп — таков и приход. Видно, пора вас, наемнички, хорошим манерам поучить.

Полковник отключается, а буквально через пару-тройку минут со стороны позиций бредунов мы слышим страшные, полные муки и боли крики. Крики человека, с которого заживо снимают кожу. Когда Шутей замолкает, Полковник снова выходит на связь.

— Ну, что, Великан, или как там тебя. Вот мы и еще одного человечка твоего прибили. Да и до него нескольких. Как, еще раз показательную экзекуцию провести не хочешь? Ты ж у нас мужик крутой, «всех убью, один останусь»... Ну, что, готов снова удаль свою показать? Или очко жим-жим?

Ладно, гнида старая, поглумись пока... Эх, жаль, что на самом деле я до тебя добраться

не смогу, а то б поговорил я с тобою «тет на тет». Хотя... А почему, собственно, и не попробовать? Как ни крути, почти полтора часа форы мы Курсанту выиграли. При удачном раскладе он сейчас уже где-нибудь в районе Августовки, а то и Большой Черниговки, а все силы Полковника — тут. Разве что мелкие дозоры за границей приглядывают, но те даже с одиночным «свинообразом» связываться не рискнут, а уж если мангруппа пограничников навстречу выйдет — так и вообще говорить не о чем. Так что, выходит, задание мы все же выполнили. Жаль только, что назад не все вернутся. Так это работа у нас такая, все мы, когда на нее соглашались, знали, чем дело кончиться может. Либо тугим звенящим кошельком, либо... Либо как сейчас: автомат с половиной примкнутого «бубна» патронов и четырьмя магазинами-«сороковками» неприкосновенного запаса, три гранаты, АПС с двумя магазинами и нож. И решимость драться до конца. Нормальный расклад, бывало и хуже.

Провожу ладонью по мокрому, потному ежику волос, жалея, что нету с собой ставшей такой привычной за этот год черной банданы, достаю из «мародерки» и цепляю на лямку РПС нож.

— Готовься, старый ты, ластоногий⁷⁷ мудака, «летучая мышь»⁷⁸ тебя убивать идет.

У бойцов ОМОНа не было своего единого на всех символа, зато он был у армейских разведчиков. Я в разведке честно оттрубил два года, а, как говаривал незабвенный прапорщик Комаров: «Разведчики не бывают бывшими», так что назваться так у меня есть полное право.

Никто из парней не пытается меня остановить, они уже давно поняли то же, что и я. Нам отсюда не уйти, все мы умрем посреди этого болота, бывшего когда-то большим и красивым городом. Но даже умереть можно по-разному. Странно, но ни малейшего страха я не чувствую, только ледяное спокойствие и легкое любопытство. Интересно, сколько бредуны дадут мне пройти после того, как я выйду из-за укрытия? На то, что я смогу дойти до Полковника — надежды, разумеется, никакой, но вот сколько я успею пройти, прежде чем из меня сделают решето? Десять метров, двадцать? Да уж, мля, «Делайте ваши ставки, господа, делайте ваши ставки»... Но, видимо, умереть мне снова не суждено.

Едва я вышел из неровной дыры, бывшей когда-то дверью подъезда, как в тылу у бредунов вдруг началась какая-то непонятная суматоха, послышалась заполошная стрельба. А потом один за другим загремели взрывы.

— Слышь, герой, залег бы ты в какую-нибудь канаву, — послышалось вдруг у меня в наушниках. — А то ведь если пуля — дура, то граната — вообще идиотка. А ты нам еще живой пригодисься.

Резвым кувырком я закатываюсь за какую-то кучу обломков.

— Кто на связи? — в то, что нам откуда-то пришло подкрепление, поверить практически невозможно, но доказательства, как говорится, налицо.

— Позывной мой тебе ничего не скажет, но мы с тобою виделись чуть меньше года назад. В Ростове, на Военведе. Ты у нас тренировался.

Вот оно даже как, «Вымпел» на выручку подоспел. С чего бы это вдруг? Они ведь, как я понял, свою задачу выполнили, когда «Тополь» вместе с ангаром на воздух подняли. Так почему не ушли до сих пор?

Задать этот вопрос лично Сергею, командиру дивергов из группы «В», которого я и впрямь вспомнил по временам совместных тренировок в Ростове-на-Дону прошлой осенью, мне удалось только минут через двадцать, когда его люди все же смогли прорваться к нашим позициям. Очень вовремя, кстати, потому что к этому моменту у нас, всех девяти человек, что еще были живы и могли держать в руках оружие, уже почти кончились боеприпасы. Спецназовцев, к сожалению, тоже знатно потрепали — их осталось всего пятнадцать.

⁷⁷ «Ластоногие» — презрительное прозвище морских пехотинцев среди военнослужащих сухопутных войск.

⁷⁸ «Летучая мышь» — разведчик (по символу военной разведки — летучей мыши на фоне земного шара).

Элемент неожиданности они утратили и несмотря на просто катастрофические для бредунов потери первых секунд их вступления в схватку, Полковник сумел навести среди своих бандитов порядок и организовать достойный отпор. А в обычном общевойсковом бою важна не столько твоя индивидуальная подготовка, хотя и без нее тоже никуда, сколько количество стволов и плотность огня, которую они могут создать на заданной единице площади. В нашем случае перевес был явно на стороне Полковника.

— Ты как, не сильно ранен? — первым делом поинтересовался у меня весь перемазанный грязью и черный от порохового нагара спецназовец, ткнув пальцем на едва начавшую подсыхать корку крови на моем лице и груди, когда мы, воспользовавшись очередной короткой передышкой, встретились-таки у развалин некогда двухэтажного производственного корпуса слева от проходной «Прогресса».

— А, ерунда, царапина, — отмахнулся я. — Сам знаешь: «В разведке нет больных и раненых...»

— «В разведке есть только живые и мертвые», — подхватывает тот. — Значит, все-таки из наших. А то мы уж и так рядили, и этак, что за самородок такой таинственный на Терском Фронте выискался? А выяснить так и не смогли ничего, шибко ты там у своего начальства секретный. С патронами у вас как?

— А никак, по десятку-полтора на нос в лучшем случае. У снайперов чуть получше, им очередями стрелять не приходится, но тоже хреново. Поделитесь?

— Все мое — твое, — делает широкий жест «вымпеловец». — Вот только у нас самих не так уж много осталось.

С этими словами он скидывает с плеч рейдовый ранец и вытряхивает оттуда сразу два цинка автоматных патронов. Ай, молодец парень! Сразу видно нашего человека. Такой же, как и я, хомяк запасливый.

— Вы, кстати, на кой черт вообще вернулись?

— А какого черта мы тут вообще делаем, спросить не хочешь?

— Тоже мне, бином Ньютона, — фыркаю я. — За идиота меня держать не нужно. Вы тут со своим заданием — основную огневую мощь Полковника на ноль помножить. А мы вам — вместо ширмы, внимание отвлекать. Что, неужели надежды найти спутник настолько мизерными были?

Пока говорю, руки практически самостоятельно вскрывают специальной открывалкой толстый металл, а пальцы вскрывают пачки тонкой оберточной бумаги и набивают давно опустевшие магазины золотистыми патронами.

— Да практически никакими, — кивает в ответ мой собеседник. — Его ж уже десять лет кряду искали все подряд. Ну и... А тут мы уже уходили, когда связист наш, царствие ему, хороший парень был, толковый, переговоры бредунов поймал и чуть не офигел от услышанного. Мол, наемники Великана в руинах отыскивали-таки «изделие» и сейчас их всем кодланом давить будут. Ну, мы бегом «мачту» поставили, благо у нас «Северок» с собой, дальность передачи с правильной антенной — закачаешься, и давай Ростов вызывать. Там с таких новостей тоже малость припухли, минут, наверное, двадцать думали, а потом дали приказ — идти вам на вырубку и вытаскивать «изделие» любой ценой. Кстати, где оно?

— Спутник-то? Да уже, наверное, на границе с Казахстаном. Я еще до того, как все это, — обвожу взглядом затянутое черным дымом коптящей небо бронетехники поле боя, — началось, одну «коробочку» и десяток своих лучших людей втихаря на прорыв отправил. А сам тут остался, нерушимую стену на пути врага изображать.

— Вот оно как, — понятливо кивает Сергей. — И давно ты, кстати, обо всем догадался?

— Да вариант такой рассматривал, можно сказать, с самого начала, но до последнего надеялся, что ошибаюсь. Не думал, что человек, которому я жизнь спас, меня настолько жестко втемную сыграет. Обидно.

— И что, все? Никаких воплей по поводу «подставы»? — «вымпеловец» явно удивлен моим спокойствием.

— Сергей, ты ж вроде только что меня за своего признал, а теперь за какую-то штафирку нестроевую держишь. Какая-такая «подстава», о чем ты? Все эти «подставы» и прочие шахер-махеры — в частной коммерции. В армии — приказы. Они могут тебе нравиться, могут не нравиться, но выполнять их ты обязан. А если не хочешь — снимай погоны и вали нахер на гражданку. У вас был приказ на проведение основной операции, у нас — на акцию прикрытия. На войне всегда одни умирают для того, чтобы другие получили шанс победить. Обидно только то, что нас послали на смерть, не объяснив толком, что к чему. Выходит — не доверяли...

— Да уж, — соглашается спецназовец. — А «наживка»-то вона какая везучая оказалась.

— Да просто песец какое везение, — сплюнул сквозь зубы серую от набившейся в рот земли и бетонной пыли слюну. — Всю жизнь мечтал пасть смертью храбрых во имя спасения мира во всем мире.

— Погоди помирать-то, — ободряюще пихает меня кулаком в плечо Сергей. — Нам по станции помощь из Ростова обещали. Продержаться только нужно.

У-у-у, как все стало близко и знакомо! Неужто снова «от полутора до двух суток по предварительным расчетам»?

— Ладно, Серега, похоже, опять поперли. Спасибо за патроны. Давай, авось еще свидимся, если живы будем!

И снова стрельба, кувырки, лихорадочные поиски нового укрытия при смене позиции. Снова мельтешащие фигурки в окуляре оптического прицела. Снова вонь сгоревшего пороха и глушащий грохот выстрелов. А потом... Странно, вот чего-чего, а боли я и не прочувствовал. Ощущение было совсем другим. Когда-то в далеком детстве я во время игры в салки не вовремя обернулся и не увидел стоявшую впереди невысокую, но тяжелую деревянную скамью, на которую и налетел на полной скорости. Вот и сейчас было что-то очень похожее: сильный, но почти безболезненный, какой-то оглушающий удар по голени, нога подламывается и я кубарем качусь по земле. А когда замираю, вжавшись снова собранной щекой к растрескавшемуся асфальту, то чувствую, как по ноге, оттягивая мгновенно набухшую штанину, в сапог льется что-то густое, горячее и липкое.

Выдергиваю из нагрудного кармана РПС жгут и перехлестываю им ногу прямо под коленом. Руки скользкие и липкие от крови, ставший вдруг неподъемным автомат так и норовит выскользнуть, но я продолжаю выцеливать сквозь оптику расплывающиеся силуэты идущих в атаку бредунов. А потом сознание гаснет.

Уже потом, в ростовском госпитале, сильно посеченный осколками, но живой Руслан расскажет мне, как минут через двадцать после того, как я отрубился, по позициям бредунов сначала отработали невесть откуда взявшиеся винтовые штурмовики, а потом из больших и медлительных транспортников сверху посыпались под белоснежными куполами парашютов десантники. Много, две полные роты со всеми средствами усиления, включая легкие минометы. И без того потрепанным бредунам Черного Полковника этого вполне хватило... Словом, нет больше ни Полковника, ни его маленькой бандитской империи. А пришедший в компании Лидии Васильевны и обеих сестренек Толян, нагруженный, словно бухарский верблюд огромным баулом с собранными всей улицей угощениями, по своему обыкновению размахивая руками, словно ветряная мельница, будет вещать о том, как лихо они прорвались аж до самой Большой Черниговки, где их и встретили пограничники во главе с лейтенантом Шрайнером. А еще он приволок мне несколько газет, из которых я узнал, что за оборону Червленной мне дали «Георгия» второй, а за спутник — первой степени.

На мой вопрос о том, сколько наших осталось в живых, оба, и Рус и Толька, отвели глаза.

— Если не считать тех, что со мной ушли, — выдавил наконец Курсант, — то четверо...

Вот так, значит... А если всего-то тринадцать, да Володька-ходок, да Рыжий-Волженков. А увел я на эти чертовы Пустоши тридцать человек... Ой, мля!!! Как же хочется

прямо сейчас взять да голову о стену расколотить!

Присланная за мной в госпиталь с Большой Садовой машина довезла прямо до центрального входа в здание Службы безопасности на Большой Садовой. Знакомый дом, красивый и внушительный, как и большинство строений сталинской постройки. Тут я неоднократно бывал чуть меньше года назад, когда мы с Курсантом, находясь в служебной командировке в Ростове-на-Дону, тренировали оперов из здешней отдельной роты специального назначения, такого местного аналога ОМОНа или СОБРа. Но если тогда я заходил в ту часть здания, которую занимало Управление общественного порядка, то теперь иду в правое крыло, туда, где заседает здешняя «кровавая гэбня», в смысле, контрразведка.

Все бы хорошо, да вот топать далековато. Ну, не могу я с костылями освоиться, и все тут! В теории, вроде, ничего сложного, а на практике — не выходит. Одно хорошо — ногу мне пилюлькины сберегли, как заживет окончательно, так сразу и перестану одноногого пирата Джона Сильвера изображать. А пока — делать нечего, будем култыхать понемногу. А то здешнее руководство со мною пообщаться решило... Нью-ню, вот сейчас и пообщаемся.

У «аквариума» дежурной части меня встречает молодой лейтенант в черной форме СБ, который, уточнив, я ли на самом деле старший лейтенант Тюкалов Михаил Николаевич, проводил аж до самой двери нужного мне кабинета на четвертом этаже. Приятный паренек, вежливый. Вот забавно, как это у них вообще так интересно выходит: либо лампу в глаза и ногами по почкам, либо — милейшие парни, вызывающие самые искренние доверие и симпатию? Такой вот парадокс, блин. Ладно, не стоит заводиться раньше времени. Уж кто-кто, а этот паренек точно ни при чем, на нем срываться не стоит.

Вежливо стучу, вхожу в приоткрытую лейтенантом дверь, благодарно ему кивнув, спасибо, мол, парень. Представляюсь. Хозяин кабинета, моложавый мужик с отличным костюме и идеальным пробором в волосах, встает из-за стола мне навстречу, протягивает руку, представляется в ответ. Угу, заместитель начальника Управления контрразведки Службы безопасности, ажно целый генерал-майор. Молод, на мой взгляд, для беспросветного погона с шитой звездой, но это уж не мне решать. Руку пожимаю, я не гордый, да и не испытываю я к этому генералу негативных эмоций, равно как и они все к нам их не испытывали, когда весь наш отряд практически на верную смерть отправляли. Стратеги, мля!

Генерал что-то с улыбкой говорит мне о том, какое большое дело мы сделали, о той огромной, просто неоценимой роли, которую сыграет в ходе продолжающейся войны добытый нами спутник, про то, что подвиг моих людей и меня лично не останется без достойной награды... Словом, обычный положенный по такому поводу треп. Я с каменной рожей киваю, слушая его сожаления по поводу гибели моих друзей, и не верю ни единому слову. Вот министру обороны Зарубину в Червленной — верил. Потому что он не играл в сочувствие, ему действительно было больно и горько. Потому что Зарубин сам когда-то был боевым офицером. А этот — кабинетный, сразу видно. Умный — да запросто, опытный и в своем деле очень грамотный — почти наверняка. Но крови вживую не видевший. А контрразведчик продолжает что-то говорить дальше, про то, что они будут безумно признательны мне, если я найду время и возможность для того, чтобы составить подробный отчет обо всем, что видел и слышал на Пустошах, что он в будущем мог бы сильно помочь оперативникам СБ и армейским разведчикам, которым еще не раз придется работать под прикрытием среди бредунов. Он говорит и говорит, но я слушаю его вполуха. Мое внимание приковано сейчас к совсем другому человеку. Кроме генерала в кабинете еще двое. Одного я не знаю — обычного вида пожилой дядька в черном эсбэшном комбинезоне без погон и знаков различия. А вот второго знаю очень хорошо, даже слишком. Когда генерал, наконец, замолкает, я подхожу ближе и смотрю ему прямо в глаза.

— У меня к тебе только один вопрос, Олег. Ты знал?

И не нужно ничего уточнять. Думаю, все присутствующие прекрасно понимают, о чем идет речь. Исмагилов не выдерживает и отводит глаза. Молчит, но мне уже и не нужен ответ,

я его увидел в глазах.

— Значит, знал... Запомни, похорошки на каждого из моих ребят их семьям будешь писать лично. А я их потом буду читать. И если хоть одна из них не заставит меня заплакать, я тебе, паскуда, проломлю голову. А пока...

Хрясь! Стоя на одной ноге, зажав под мышкой костыли, довольно сложно хорошо ударить. Но у меня в вопросах мордобития опыт богатый и я очень зол, поэтому все отлично получилось. Исмагилов падает на пол как подрубленный. Из-под прижатых к лицу ладоней на дорогой наборный паркет течет кровь. Ничего, Олежек, от сломанного носа еще никто не умирал. А впредь тебе будет урок не смей обманывать друзей, не смей играть их втемную, а уж если посылаешь их на смерть, то хотя бы имей смелость в этом честно признаться.

— Вы что себе позволяете? — Ага, генерал за спиной очнулся.

— А ну, пшел с дороги! А то и тебе перемкну, мало не покажется!

Эк его проняло. А вот третий ведет себя как-то странно: стоит спокойно, даже расслабленно, за кобуру схватиться не пытается, смотрит пристально, внимательно, а в глазах что-то непонятное. Будто спрятанная усмешка.

— Ты что, тоже чего-то хотел?

Тот лишь выставляет вперед раскрытые ладони.

— Нет, нет, что ты!

А в глазах снова это непонятное веселье.

Да и пошли вы все! Разворачиваюсь на пятке и, толкнув дверь плечом, вываливаюсь из кабинета.

— Олег Ильдусович, ты как, в порядке? — полковник Тихий, придерживая под локоть подполковника Исмагилова, помог тому встать и усадил на стул. — Ты голову-то не запрокидывай, собственной юшки нахлебашься, вниз, вниз ее опусти. Паркет так и так оттирать, так что чего уж теперь...

— Товарищи офицеры, вы вообще о чем? — взвился заместитель начальника Управления контрразведки генерал-майор Кулагин. — Нужно же немедленно задержать этого...

Генерал явно не смог подобрать слова, вместо этого он схватил трубку одного из стоящих на столе телефонов:

— Дежурный? Сейчас из здания будет выходить человек на костылях... Да, тот самый, что недавно вошел. Задержите и доставьте назад ко мне в кабинет.

— Зря, — меланхолично протянул Тихий.

Полковник был старым кадровым разведчиком, начинавшим службу еще до Большой Тьмы с должности командира разведзвезда в Чечне, и достаточно хорошо знал людей для того, чтобы с ходу определить, от кого и чего можно ждать.

Подтверждение его правоты не заставило себя долго ждать. За окнами, глядящими на Большую Садовую и открытыми по случаю теплого, солнечного октябрьского денька, послышался дробный грохот, будто там уронили и прокатили по асфальту что-то тяжелое и имеющее металлические детали, а потом донесся злой громкий мат.

Генерал и полковник, почти одновременно перегнувшись через подоконник, посмотрели вниз. Да уж, кто бы сомневался! Явно пытавшийся честно выполнить приказ часовой, держась за голову, сидит теперь, покачиваясь, на тротуаре, его «Кедр» валяется в нескольких шагах от него, а магазин к пистолет-пулемету поблескивает возле мусорной урны. Видно, промахнулся бравый наемник или просто немного не добросил.

Сам же Тюкалов, перебирая костылями, удаляется в сторону Парка имени Горького, оглашая окрестности шедеврами русской матерной словесности:

— Да чтоб я, мля... Да хоть еще раз с этой млядской конторой... Да на х... вертел я их всех б... по часовой стрелке!!! — доносит легкий ветерок до окон четвертого этажа его могучий рык, от которого внизу шарахаются не только пешеходы, но и лошади извозчиков. — Погоны они мне дали! Звездочек, сука, навешали!!! Да засуньте вы эти

погоны себе в ж...! Плашмя, сука!!!

Тихий кладет руку на плечо Кулагина.

— Игорь Сергеевич, мне кажется, что вам стоит прямо сейчас отменить свой приказ, а то мы рискуем заполучить перестрелку в самом центре города. Михаил Тюкалов, все же, герой боев на Терском Фронте, кавалер ордена Святого Георгия всех трех степеней, да и о его заслугах в защите Северных Границ и при разгроме банды Черного Полковника в газетах много писали... Не поймут люди... Ну, а то, что старший лейтенант немного, кхм... — Александр Сергеевич мельком бросает взгляд сначала за окно, а потом, на понурого Исмагилова, — ...немного погорячился и нарушил субординацию... Ну, так нервный срыв у человека. Столько испытаний ему на долю выпало, столько боевых товарищей потерял. Тут и самый крепкий если не сломаться, то на миг прогнуться может.

— Все в порядке будет, — чуть гнусая, поддержал старого разведчика Исмагилов. — Он такой, вспылит, наорет, кулаками помашет, но потом все равно признает, что иначе было просто нельзя. К тому же он на самом деле там, под Самарой, половину своих людей потерял, да и у парней из ЦСН потери серьезные были. Они ж почти три с половиной часа банду Полковника держали, пока им в помощь две роты десантников не высадили. Так что, напишет он вам отчет, товарищ генерал-майор. Да и вам, товарищ полковник, расскажет все, что интересно будет, особенно когда узнает, зачем все это нужно. Просто дайте ему немного времени.

Эпилог

Полковник Проскурин был не в духе. Подчиненные по отлично знакомым им признакам видели это издали и старались ему на глаза не попадаться. Обычно это помогало, но не сейчас. Потому как кроме офицеров штаба полка и бойцов роты охраны под ногами сегодня постоянно мельтешили какие-то непонятные типы сугубо «ботанической» наружности, на которых армейская «трехцветка» была так же уместна, как розовый бантик на амуниции бойца спецназа. Да и носили они ее с изяществом внезапно оседланной коровы. Но самое главное, что даже рывкнуть на этих оборотов нельзя. Всю эту шайку-лейку вместе с целым грузовиком какой-то явно секретной и очень хрупкой аппаратуры доставили сюда вчера поздним вечером аж из штаба фронта со строжайшим приказом «оказывать любое содействие» и под охраной двух рот «спецуры». И не какой-нибудь местечковой, армейской. Охраной занимались матерые волкодавы из Краснодарского ЦСН. «Очкарики», вместо того чтобы расползтись по койкам и упасть дрыхнуть, оккупировали штабную палатку, выгнав оттуда всех, включая самого Проскурина, и начали свои шаманские камлания над распакованными ящиками. Святой боже, да что ж это творится-то на белом свете?! Тут наступление на носу, каждый солдат на счету, а стаю каких-то очкастых бандерлогов целых две с половиной сотни отборных спецназовцев сторожат. А его, боевого офицера, командира одного из лучших полков на всем фронте, выгнали из собственного штаба, рассказывая сказки про секретность.

Полог палатки откинулся и один из «ботаников» замахал ему рукой.

— Товарищ полковник, можно вас? Нам помощь нужна.

Только железная выдержка не позволила Проскурину вскипеть, будто чайник «Можно»!!! Можно Машку за ляжку и козу на возу! Аборты нестроевые! Что у них там еще приключилось, если без его помощи обойтись не могут?

— Вы понимаете, у нас, конечно же, есть свои специалисты и по связи, и по арткорректировке...

Ну, да, конечно, специалисты у них... Полковник из последних сил сдерживал все больше накачивающее раздражение. Да вы, блин, собственную задницу без посторонней помощи почесать не сумеете, гении, мать вашу.

— Но нам все-таки нужен человек вашего уровня знаний и опыта, разбирающийся к тому же в здешней оперативной обстановке. Поможете?

Проскурин все еще булькал где-то внутри, но слова «ботаника» про уровень знаний и опыта ему польстили. Ладно, не просто же так сюда этих мышей лабораторных прислали, да и в приказе четко значилось «оказывать любое содействие». Ну, значит, нужно идти и оказывать...

Все раздражение полковника и его презрительно-ироничное отношение к «очкарикам» в одно мгновение испарились, стоило ему пройти сквозь двойной тамбур палатки. Осталось только изумление. Теперь его штаб напоминал... Даже сравнение подобрать сложно... Когда-то в далеком детстве, еще до Большой Тьмы довелось тогда еще совсем маленькому Саше Проскурину увидеть по телевизору Центр управления полетами на космодроме Байконур. Все, что он увидел перед собой, ближе всего было именно к нему. Добавляли схожести и непонятные, обрывистые фразы «очкариков».

— Входит в зону...

— Сигнал четкий, стабильный...

— Есть! Пошла телеметрия...

Но главный шок вызвали все же не штабели непонятных приборов, не мерцающие мониторы компьютеров и перемигивание светодиодов непонятного назначения аппаратуры. В самом центре стояла большая плазменная панель, которая вдруг засветилась и на ней возникло... Нет, конечно, телевизионное изображение все равно отличается от топографической карты, но не узнать окрестности собственной базы с высоты примерно птичьего полета полковник просто не мог. Именно их сейчас этот большой телевизор и показывал, мало того, поверх изображения была, видимо, с помощью компьютера, наложена артиллерийская сетка. Нормально так! Это что же — интерактивная карта?

— А масштаб какой? — невольно вырвалось у Проскурина.

— А любой, — фыркнул кто-то из «ботаников», но полковник на такое несоблюдение субординации даже внимания не обратил, потому что... Да быть того не может!!! Изображение на экране вдруг начало стремительно приближаться, и он внезапно понял, что это не карта! Это реальное изображение его базы. Вон, ребяташки из первого батальона со сломавшейся вчера БМП возятся. Еще б они не возились! Он лично давеча их комбату, майору Беленькому, такого фитиля за этот гроб на гусеницах вставлял, что теперь пахать будут как заведенные, пока не заработает.

— Это оно что же, в реальном времени? — изумлению Проскурина нет предела.

— Ну, почти, — слегка замаялся старший «ученый». — Некоторый пинг все же присутствует.

— Чего присутствует? А если по-русски?

— Ну это время между действием и откликом на него. Короче, все, что мы видим на экране, идет с примерно тридцатисекундной задержкой. У сигнала скорость огромная, но аппаратуре необходимо время на его обработку...

— Погодите! А можно дать увеличение на вход в нашу палатку? — прерывает объяснения полковник.

— Да запросто, — отвечает технарь уже в спину выскакивающему из палатки Проскурину, а уже через полминуты и сам полковник и весь коллектив «ботаников» рассматривает на экране его собственное удивленное и одновременно довольное лицо, поднятое в небо. Тот полковник, что на экране, довольно зажмурился и показал небесам язык, тот, что стоял в этот момент перед экраном, смущенно кашлянул в кулак и потупился.

— Неужели спутник? — неверящим голосом спрашивает Проскурин.

— Он самый, — кивает головой старший из «ботаников». — Ну, что ж, тест можно считать успешно проведенным. Теперь у нас примерно четыре часа на выяснение обстановки в тылу противника. Выявляем приоритетные цели для удара артиллерии, даем пушкарям координаты, смотрим результаты. Потом спутник уйдет до завтра.

— Охренеть! — только и смог выдохнуть полковник. — Да, парни, теперь у нас будет совсем другая война!

А где-то почти в полутысяче километров от полковника и набившихся в штабную палатку «очкариков», по другую сторону Кавказского хребта, посреди улицы стоял высокий широкоплечий мужчина с только начавшим заживать шрамом на левой щеке, одетый в выцветшую на солнце и застиранную брезентовую «горку». Он выбрался из внедорожника, притормозившего возле стоявшего неподалеку от центральной площади станицы Червленая явно совсем недавно построенного дома. Мужчина аккуратно опустил рядом с собой на дорогу здоровенный, туго набитый брезентовый баул, из затянутой горловины которого торчал наружу ствол автомата, и, оглядевшись, тихонько выдохнул:

— Ну, вот я и дома.

Потом, закинув баул на плечо, он, чуть прихрамывая, пошел к воротам. К своему дому. Туда, где его ждала самая лучшая, самая прекрасная девушка на свете, туда, где будущей весной он своими руками высадит во дворе виноградную лозу и яблоневые саженцы. Под которыми, к тому времени выросшими, когда-нибудь, но он надеется, что уже скоро, будут играть его дети.

Это его дом, его крепость, его тихая гавань. Это именно сюда он стремился всю свою жизнь. Это сюда он шел сквозь войну и смерть. Шел, чтобы дойти.